

Искушение на расстоянии
одной комнаты ...

Сексуальный
СТУДЕНТ
по обмену

С. И. Холл
Анджела Грехем

New York Times Bestselling Authors
VK.COM/FASHIONABLE_LIBRARY

Эхо Келли верна своей учебе, семье и гимнастике. У нее нет времени или интереса к чему-либо еще, но она убита горем, узнав, что её старший брат Себастьян получил возможность учиться за рубежом по программе колледжа, поменявшись местами с дерзким и очень сексуальным иностранным студентом Кингстоном Хоторном. У Кингстона Хоторна жизнь, о которой мечтает любой двадцатилетний парень: неограниченные деньги, легкодоступные женщины и быстрые машины. Но все это заканчивается, когда его отец решает отправить сыночка в Штаты, туда, где живёт соблазнительная несовершеннолетняя девственница, которая очаровывает его с первого взгляда. Спальня Кингстона присоединена к ванной Эхо, и химия между ними становится намного сильнее, чем записки, которые он оставляет на двери её душа. Как долго они будут делать вид, что являются просто друзьями?

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

С. И. Холл, Анджела Грехем

«Сексуальный студент по обмену»

Сексуальный студент по обмену — 1

Оригинальное название : *S.E. Hall, Angela Graham « Filthy Foreign Exchange » (Filthy Foreign Exchange #1), 2016*

С. И. Холл и Анджела Грехем «Сексуальный студент по обмену»

(Сексуальный студент по обмену#1), 2017

Переводчик: *Александра Котельницкая*

Редактор и сверщик: *Екатерина Шевчук*

Обложка: *Врединка Тм*

Глава 1

Я напрягаюсь от доносившегося издалека грохота. Каждый звук звучит всё ближе и ближе, будто приближается смерч.

Я закрываю глаза и сосредотачиваюсь, напрягая свои мышцы, чтобы подняться повыше без какой-либо заминки. Может ли мой гнев затмить поражения или это такая черта характера?

Абсолютно.

— Собираешься и дальше продолжать шуметь как громовые тучи, пугая меня? — издаваюсь я, открывая глаза. — Отец возвращается домой. Вот это *по-настоящему* пугает, — меня передёргивает от мысли об этом.

— Тогда ты должна была поехать с ними, — ворчит Саванна, тяжело дыша. Секундой позже, она делает сальто, ожидая, что я поймаю её, и я ловлю девушку с небольшим усилием.

— А и правда, почему бы мне не совершить эту поездку *снова*? — спрашиваю я, вися головой вниз и удерживая наш вес. — Наверное, потому что я уже побывала в аэропорту

сегодня утром, провожая Себастьяна!

— Тем не менее, этот парень будет крутиться вокруг какое-то время. Ты *являешься* частью этой приёмной семьи. Возможно, стоит сделать вещи проще, начав первый шаг с дружелюбия.

— Эх, — я освобождаюсь от её захвата. — Готова?

Я сгибаюсь в спине и, используя натренированные мышцы, наращиваю обороты, пытаюсь раскачать Саванну выше себя, чтобы она смогла ухватиться за штангу.

Мой оптимизм быстро исчезает, когда она делает это, но падает вниз на растянутую под нами сетку... снова.

— Саванна! — кричу я. — Мы фактически сделали это! Ты должна *использовать* наш толчок, а не работать против него!

Я освобождаю свою лодыжку из сдерживающих меня манжетов и падаю, присоединяясь к ней. Лежа на спине, я смотрю на навес.

— Дуэт трапеции в исполнении двух девушек — редкость. Толпа будет в восторге, возможно, даже большем, чем было у нас с Себастьяном. Мы *должны* отработать это!

Саванна кивает, но раздражение читается на её лице.

— Давай попробуем снова, — стону я и поднимаюсь на ноги в сетке, а затем следую к лестнице, готовая подняться на платформу. — Шевелись. Мои родители скоро вернуться домой, и мне придётся быть там, чтобы помянуть с милым парнем по имени Кингстон. Блин, да что это за имя такое? — я продолжаю подниматься по лестнице, несмотря на то, что ною целый день напролёт, но у меня походу нет выключателя. — Да, я раздражена, если ты хотела об этом спросить. Надеюсь, он не думает, что я буду относиться к нему как к королю, иначе его ждёт совсем другой результат.

Не получив ответа, я смотрю вниз на Саванну, которая до этого никогда не была тихоней, но она даже и не думает подниматься за мной по лестнице.

— *Привет*, ты меня слышишь? — спрашиваю я.

— Ох, не думаю, что ты хотела получить подлинный *ответ* на свой бред, — она обрывисто смеётся, когда всё-таки добирается до платформы. Она садится, красная и потная от усталости. — Ты хоть себя слышишь прямо сейчас?

Я скольжу вниз и падаю рядом с ней, улавливая звук дождя, барабнящего по крыше здания. Но видимо этот звук недостаточно громкий, потому что да, я *могу* слышать себя. И, возможно, от этого я ещё больше раздражаюсь.

— Честно говоря, Эхо, это самое нормально имя.

Я бросаю испепеляющий взгляд в её сторону, но вызываю у неё только смех, перерастающий из дурацкой ухмылки.

— Плюс, думаю, Кингстон звучит... сексуально.

— *Сексуально?* — воплю я, мускулы моей челюсти сжимаются. — Ты и правда сказала *мне* это, когда должна была... Ох, я не знаю... Облачиться в чёрный и скорбеть о потере моего брата? Ты же помнишь такого парня Себастьяна, твоего *парня*, я ничего не путаю?

Её смех эхом разносится по зданию, отбиваясь от окружающих нас стен.

— Облачиться в чёрный? — она поднимает ногу. — Как мои леггинсы, например?

Я борюсь с улыбкой. Ну, если посмотреть с другой стороны, то я была немного драматична.

Она скрещивает ноги и медленно выдыхает.

— Я люблю Себастьяна. Все это знают. Он на пути в Англию, а не к воротам рая. И давай

будем честными, мы обе знаем, что у него будет несколько *сексуальных* иностранок.

Я защищаю своего брата без колебаний.

— Сомневаюсь.

Она закрывает глаза, а когда открывает их, то тут же драматически закатывает.

— Хорошо, — фыркает она, а затем встаёт и смотрит на меня сверху вниз, уперев руки в бёдра. — Ты права. Себастьян не будет делать ничего такого, потому что у него будут только чистые помыслы обо всех кроме меня в течение всего года проведённого в университете! Мистер Совершенство не *позволит* своим глазам блуждать.

Мои собственные эгоистичные истерики исчезают, словно их и не было, когда я вижу насколько ей больно.

— Прости. Я знаю, что ты будешь скучать по нему, — говорю я, пытаюсь выдавить ободряющую улыбку. — Но, честно говоря, ты не должна волноваться. Ты же знаешь, что он сходит по тебе с ума.

— Конечно же, я буду скучать по нему. Я уже скучаю. Я просто пытаюсь отвлечься на что-то, *на что угодно*, и ты должна стать немного позитивнее и прекратить ныть.

Она поворачивается к лестнице, готовая спуститься вниз, но я тоже встаю.

— Куда ты собралась? — спрашиваю я.

— Серьёзно, Эхо, между дождём и твоим непонятным настроением, я провела некую связь. Этот бедный парень, Кингстон, заслуживает к себе хорошего отношения, а не твоего паршивого настроения. Я хочу отвлечься, так как ты не являешься сейчас самым лучшим партнёром, — она спускается вниз, а затем смотрит наверх, скрещивая руки на груди. — Ты должна пойти внутрь и отрепетировать то, что скажешь ему при встрече. Например, «Привет», и посмотреть, как у тебя это получится.

Я игнорирую её советы.

— Хорошо, сделаю это потом, — я хватаюсь за планку и отталкиваюсь, делая манёвр «хвост русалки» — одно из моих любимых движений. Я могу провисеть здесь всю ночь, будь проклят этот шторм, и она об этом прекрасно знает. — Не будь столь уникальной, но я уверена, Клей мне поможет в этом.

— Значит вот так вот, да? Променяла меня из всех возможных людей на *Клея*? — она смотрит на меня, грызя ноготь большого пальца.

— Не дуйся, — говорю я, не удивляясь, что она купилась на мою пустую угрозу, — но у нас шоу на носу, поэтому я не думаю, что у нас достаточно времени на тренировки вместе.

— Я, правда, хочу выполнить этот трюк, Эхо, — бросает она. — Давай попробуем это ещё раз завтра, хорошо? Кроме того, Клей, наверное, будет занят, ну знаешь там, помогая своему отцу в саду и выполняя ту работу, которую делал Себастьян, — она хватается за свою куртку. — Мы сделаем это — у нас ведь всегда всё получается. Просто сегодня не тот день.

— Ты хочешь повторить трюк? Тогда мы просто обязаны продолжать тренироваться прямо сейчас! — кричу я, мысленно взывая к её гордости, когда она направляется к выходу. — Ну же. Разве Себастьян бы позволил тебе сдать вот так легко?

Она замирает на месте, а затем оглядывается через плечо.

— По сути, Себастьян *любит*, когда я так делаю. Как думаешь, почему я чувствую себя так комфортно на сетке, хмм?

Она дерзко мне ухмыляется и продолжает свой путь, немного подскакивая при ходьбе.

— Это же мой *брат*! Господи, Саванна, я не хочу слышать это дерьмо! — она уже снаружи, когда я кричу, — Знаешь что? Ты победила! Теперь я тоже закончила тренировку.

Ты свободна, большая заноза!

Она поворачивает голову.

— Не отзывайся об этом плохо, пока сама не попробуешь, — говорит она, прежде чем послать мне воздушный поцелуй. — Увидимся завтра. Удачи тебе с твоей семейкой... и твоим иностранцем.

Я остаюсь и продолжаю тренироваться, несмотря на мою угрозу и тревожные образы, которые всплывают в моей голове каждый раз, когда я падаю на сетку. Спасибо за это Саванне.

~~~~~

К тому времени, когда я чувствую усталость, на дворе уже ночь, шторм давно уже стих, а семейная машина припаркована на подъездной дорожке.

Я молча проскальзываю в дом и нахожу на кухонном столе прикрытую сверху фольгой тарелку, — ужин, который для меня оставила мама, хотя я уверена, что мой отец сказал что-то вроде: «Если она хочет поесть, то должна сесть за стол вовремя вместе с нами».

Я победно улыбаюсь. Мой папа может *думать*, что он тут всем заправляет, но на самом деле, он ничего не может поделать с тем, когда моя мама проявляет заботу к своим детям.

После того, как я заканчиваю с полутёплой курицей и картофелем, я как можно тише, на цыпочках иду мимо родительской спальни, стараясь контролировать каждый свой шаг, а если быть точнее — избегая половые доски, которые скрипят.

Строгий голос моего отца нарушает ночную тишину.

— Мы поговорим с тобой утром, юная леди.

Чёрт, а он хорош в этом. Я буквально шаталась то влево, то вправо, словно пьяная, молчаливо выбирая доски, но он всё равно меня услышал.

— Да, сэр, — лепечу я, прежде чем быстро подняться по лестнице в свою комнату.

Мой дед был умным мужчиной, он построил этот дом *после* того, как появились дети. Но из-за того, что большая главная спальня расположена на первом этаже, а детские комнаты на втором, обойти родителей просто невозможно. Но почему-то дедушка забыл принять во внимание то, что наша семья несколько поколений занимается воздушной гимнастикой. Поэтому, как только ты оказываешься в своей комнате, выйти из неё незамеченным, не составляет особого труда. Спросите, откуда я это знаю? Мой старший брат Себастьян часто пользовался таким способом (обычно он использовал свой балкон в девяти из десяти случаев).

Я сразу подставляю голову под горячий душ, чтобы расслабить мышцы после тяжёлого дня. Всё это время, пока я стою под душем, мой взгляд прикован к закрытой с другой стороны комнаты двери. Спальня Себастьяна связана с моей и спальней Джека и Джил, но мой брат больше не находится по ту сторону двери. Этой ночью, как и каждую ночь в течение целого учебного года, он будет проводить в Англии, и его комната теперь свободна. Эта мысль преследовала меня весь день.

Вытираюсь и одеваюсь, а затем медленно, со слезами на глазах, открываю дверь в его комнату. Я не знаю, почему пришла сюда — возможно, чтобы увидеть доказательства его отсутствия, наивно надеясь, что это поможет заглушить моё беспокойство? Внутри темно, но сквозь тонкие шторы пробивается на удивление после шторма светлая и полная луна.

Моё дыхание сбивается, ноги прирастают к полу, и я внезапно остаиваюсь, когда

замечаю большую грудку так называемого тела, лежащего в постели моего брата. Сначала это вызывает чувство утешения, и я даже ловлю себя на мысли, что *возможно* это Себастьян, но прекрасно понимаю, что это не так.

Поэтому я предполагаю, что это Кингстон. Я понятия не имею, почему мои родители не оставили его в общежитии, или почему я не разворачиваюсь и не ухожу обратно в свою комнату. Но теперь, зайдя так далеко, мною овладевает любопытство.

С моего места и в этом освещении, он вполне мог бы сойти за Себастьяна. Он спит, свернувшись на боку, поэтому мне видны его короткие тёмно-каштановые волосы и мускулистая спина. Но в то время как Себастьян любит спать под одеялом, наш гость предпочитает простынь; она сползла вниз, оголяя его идеально круглую попку, обтянутую чёрными боксерами, которые я нахожу весьма греховными. Его руки покоятся под подушкой — ещё одно отличие, которое заставляет меня опомниться.

Я прохожу немного дальше в комнату, чтобы проверить его багаж: дизайнерские и монограммные вещи, конечно же, отлично сочетающиеся друг с другом и пахнущие роскошью и мягкой кожей. *Подумать только*, но с ужасно не соответствующими чёрными (и признаюсь честно, сексуальными) армейскими ботинками, что...

— Уф, — ворчу я и, несмотря на свои отчаянные усилия оставаться спокойной, тянусь к чему угодно, лишь бы удержать равновесие. Но это не помогает. Поэтому я лечу вперёд, цепляя на пути теперь-не-очень-сексуальные ботинки.

— Мне говорили, что *ты* грациозная.

Его низкое, язвительное замечание приходит из ниоткуда, пугая меня и заставляя полностью потерять равновесие, в результате чего я падаю совсем в противоположном направлении. Размахивая руками, я пыталась ухватиться за багаж, который является моим единственным спасением на мягкую посадку.

Но я так и не хватаюсь за него и не встречаюсь с полом. Вместо этого, две сильные руки спасают меня, схватив за запястья, и тянут вниз, прижимая к твёрдому, горячему — по температуре, я имею виду — телу.

— Я допускаю, что ты та самая Эхо, с которой нужно поздороваться, но опять же, не грациозная девушка, которую я ожидал увидеть. Так что ты...? — он смотрит на меня, самодовольная улыбка расплывается на его губах, в то время как уничтожающий огонёк полыхает в серых — «*На самом ли деле они серые, или дело в освещении?*» — глазах.

— Я... эм... — начинаю по-идиотски заикаться. Я, одетая всего лишь в халат, прижимаюсь к голому торсу, возможно, самого великолепного парня, которого когда-либо видела так близко. И мы *очень* близко.

Я пытаюсь отпихнуть его, но он скользит руками к моим бёдрам и хватка становится жёстче.

— Да, — выдыхаю я, прежде чем обретаю голос над своим следующим ответом. — Я — Эхо. Прости, что разбудила, я просто не... ожидала, что ты здесь, — он приподнимает брови, как бы говоря мне этим, что видит меня насквозь. — Да пусти же меня! Я просто споткнулась о твои массивные, ужасные ботинки, а затем ты меня внезапно напугал.

— Мои извинения, Эхо, — дрожь бежит по моей спине от того, как моё имя слетает с его губ с этим английским акцентом. — Если бы я знал о твоём визите в мою комнату сегодняшней ночью, то уделил бы больше внимания своим вещам и постарался бы убрать их с твоего пути.

— Я должна была уйти, как только поняла, что ты здесь, так что мы квиты. Теперь ты

меня отпустишь?

Его хватка остаётся всё такой же крепкой, а улыбка становится ещё шире.

— Должен признать, что я наслаждаюсь этой версией нашего знакомства. Это намного лучше чем «Давай познакомимся?» за обедом, — теперь его охотничья белоснежная улыбка растянута на всё лицо, и её заметно даже в слабом освещении комнаты.

Всё что мне остаётся, это смотреть на него, потому как я не могу сказать что-то в ответ. Мне кажется, что я сплю, но это не так, потому что ощущаю, как его длинный и твёрдый член упирается мне живот, и такого рода унижение, является на самом деле реальностью.

— Я чувствую себя вполне комфортно, так что не стесняйся и оставайся здесь сколько захочешь. Если ты действительно хочешь со мной сблизиться, не бойся немного пошевелиться, — его ухмылка растягивается невероятно широко, когда он толкается своими бёдрами вверх, сильнее прижимая ко мне свою эрекцию.

И вот по этой причине, моя немота тут же испаряется.

— Ты в своём уме? — я использую обе руки и, упираясь ему в грудь, пытаюсь его оттолкнуть, но моя сила по сравнению с его безжалостной хваткой на моих бёдрах — ничто. — Отпусти меня! Ты же гость в нашем доме сегодня ночью и не можешь вот так вот просто грубо обращаться со мной, когда у тебя игривое настроение!

— Ах, неподходящее время, — он кивает. — Понял. Так что, тогда продолжим завтра?

— Боже, ты неисправим! — я шевелюсь, в надежде на освобождение.

Он сжимает пальцы сильнее, но хищный блеск в глазах становится мягче.

— Шутка, Эхо. Прости. Наверное, я зашёл слишком далеко.

Моя злость превращается в лёгкое негодование. Он определенно тот ещё шутник, и, возможно, это просто *такой* способ, чтобы смягчить неловкость, которую я спровоцировала, пробравшись ночью в комнату.

Но как только я собираюсь одарить его прощающей улыбкой, он тут же рушит все извинения, с которыми я мысленно смирилась.

— Могу ли я быть с тобой откровенен?

— Ты меня отпустишь когда-нибудь или нет? — спрашиваю я в ответ.

— Конечно.

— Ну, тогда я слушаю.

Только Богу известно, что он хочет сказать — может искреннее извинение? — поэтому я жду, но вместо этого, его слова не несут в себе ничего, кроме чистой похоти.

— Я лгал тебе. Правда состоит в том... что я бы с радостью предпочёл, чтобы ты выжала из меня все соки, Любовь моя. Трение о незнакомых людей, уже не делает нас чужими, да?

— Тьфу ты, — рычу я и отодвигаюсь от него, когда он прыскает со смеху, теряя контроль. Я выхожу из комнаты, оставляя его, веселящегося, позади меня.

Вот как я встретила нашего сексуального студента по обмену Кингстона Хоторна.

Глава 2

Я не тороплюсь появляться на завтраке следующим утром, и причина не только в предстоящей лекции моего отца, даже если на этот раз это *будет* в безопасности дневного

света, я просто не готова столкнуться лицом к лицу с Кингстоном. Особенно после того, как обнаружила этим утром оставленную на двери душа записку, пока мыла волосы.

«Было приятно с тобой познакомиться».

Я размазала слова рукой, навсегда стирая их, благодарная своим родителям за то, что они редко заходят в мою ванную. *Самодовольный идиот.* Чем быстрее он переедет в своё общежитие, тем будет лучше.

— *Живо иди сюда, Эхо!*

Требование моего отца прогремело на весь дом, и, заставив свои ноги идти, я спускаюсь вниз по лестнице. Я опускаю голову, так как взгляд отца прожигает меня насквозь, и надеюсь на святость своей мамы, которая стоит у плиты.

— Помощь нужна? — спрашиваю я сладко милым голосочком.

— Что насчёт этого, — отвечает она, опустив голову и понизив голос, — ты получаешь тот нагоняй, который пытаешься избежать без каких-либо дерзких возражений. Это будет огромной помощью. Я бы хотела, чтобы наш гость чувствовал себя комфортно, потому что молюсь за то, чтобы Себастьян обрёл свой новый... — она делает паузу вместе с глубоким вздохом, её глаза немного слезятся, — дом.

Я глажу её по плечо и одариваю уверенной улыбкой.

— Себастьян знает, где его *дом*, мама, — и когда чувствую, что её изначальная печать улетучивается, то продолжаю, — и я буду работать над собой — обещаю. Но пообещай мне тоже, что *ты* не будешь волноваться. Я терпеть не могу, когда ты грустишь.

Она перестаёт хлюпать носом, и моё сердце сжимается ещё сильнее, когда мама оставляет поцелуй на моей щеке.

— Спасибо тебе дорогая. Занимай своё место и возьми это печенье, — она протягивает мне корзинку. — Я попытаюсь не переживать. Обещаю.

Моя мама была самой большой опорой для Себастьяна, когда он подавал свои документы, а затем строил планы о переезде в другую страну. Но думаю, тяжесть от того, что ты видишь, как твой первый ребёнок покидает дом, давит намного сильнее, чем мы все предполагали.

Не успеваю мой зад прикоснуться к стулу, как отец прочищает горло, таким образом, требуя посмотреть на него. Я ставлю печенье на стол и жду.

— Рад, что ты наконец-то почтила нас своим присутствием, — к облегчению, тон моего отца больше похож на снисходительный, чем на злой. — Кингстон, это наша дочь, Эхо Виктория Келли.

Серьёзно, моё полное имя? Возможно, я ошиблась насчёт злости. Мой отец либо в ярости, либо слишком формален для Мистера Стильные трусики.

— Эхо, может, поздоровалась с нашим гостем?

Чувствуя унижение от того, что со мной разговаривают как с ребёнком, моё лицо вспыхивает словно спичка, но нежный, знакомый акцент, который нарушает тишину, спасает меня.

— Мы уже встречались ранее, сэр, — говорит Кингстон моему отцу. — Прошлым вечером. Мы были вместе в уборной¹, — он делает паузу, быстро придумывая очередную ложь. — Во время чистки зубов. Рад видеть тебя снова, Эхо.

— Что такое «loo»? — спрашивает мой девятилетний младший братец Сэмми, постукивая вилкой по своей пустой тарелке.

— Он имеет виду ванную, Сэмми, — на его лице отображается всё то же непонимание к

такому роду пояснению, поэтому я пытаюсь пояснить более доходчиво. — Там, откуда Кингстон родом, её называют «loo».

— Значит теперь, когда Себастьян соберётся пописать, он каждый раз будет говорить «loo»? — все мы смеёмся над его невинным вопросом, и громче всех смеётся мой отец. Он, наверное, думает о том же, о чём и я: «Ни за что мой старший брат Себастьян не начнёт вот так говорить». Потому что мы только недавно отучили его от отрыжки за столом.

— Не думаю, — отвечает Кингстон Сэмми, весело улыбаясь. — Твой брат вправе говорить всё что хочет. Видишь ли, этот *опыт* — или обмен, называй, как хочешь — не изменит твоего старшего брата, Сэм. Точнее, скорее мой отец надеется, что я буду тем, кто изменится.

В его переменчивом смехе звучат нотки печали... возможно, даже боли?

— Себастьян хорошо проведёт там время, уверяю тебя. Нет причин для волнения, — добавляет быстро Кингстон, прежде чем сделать глоток апельсинового сока.

Обеспокоенное лицо Сэмми тут же светлеет.

— Хорошо! Теперь я могу поесть?

— Бери, — говорит мама, ставя последнюю тарелку на стол и занимая своё место. — Я надеюсь, ты найдёшь то, что тебе понравится, Кингстон. И, пожалуйста, дай мне знать, если захочешь что-то особенное, я смогу купить это для тебя, когда в следующий раз буду в магазине.

— Пирог выглядит и пахнет отлично, Миссис Келли. Спасибо, — он берёт большой кусок, а я в это время прячусь за уткой, закатывая глаза.

— Пожалуйста, зови меня Джули.

Я слышу, как лёгкое хихиканье вырывается из её горла, но не думаю, что она *осознаёт* это.

Оу, этотидиот (готова поклясться, что делала уроки, в основном, чтобы убедиться, что Себастьян в состоянии отпроситься в туалет и/или позвонить в полицию) *полный сплетник*.

— Итак, мисс Эхо, — я поднимаю голову, когда отец обращается ко мне. — Я предполагаю, что ты с пользой провела то время, которое не смогла выделить на поездку с нами в аэропорт или почтить своим присутствием на ужине?

— Да, сэр. Саванна и я работали над новым трюком — ну та идея, о которой я тебе рассказывала ранее.

— И как всё прошло?

У меня нет привычки лгать своим родителям, или кому-то ещё, если на то пошло. Я никогда ничего не скрываю. Но я не могу признаться, что попытки Саванны не обвенчались успехом, и что моё время, возможно, было потрачено впустую, поэтому я с особой осторожностью подхожу к ответу.

— Всё прошло лучше, чем в прошлый раз, поэтому надеюсь, что всё получится.

— Рад это слышать. Теперь я знаю, что ты сможешь позволить пропустить сегодняшнюю лекцию, чтобы очистить все ступеньки от осколков и хорошенько их вычистить.

Это и есть моё наказание: уборка трибун в павильоне на протяжении всего дня. Отвратительно, не говоря уже о работе Клея, но это лучше, чем я ожидала.

— Да, сэр, — отвечаю я послушно, прежде чем засунуть в рот еду, надеясь таким образом закончить разговор.

Моя мать подпрыгивает, дабы избежать странного молчания.

— Так, Кингстон! Расскажи нам немного о себе. Мы так много говорили о наших детях прошлой ночью, что едва послушали тебя.

— Что вы хотели бы узнать, миссис... Ох, простите меня, Джули?

Я смотрю на него, и он ловит мой взгляд. Небольшая, мимолётная усмешка играет на его губах.

— Ничего страшного. Джон? — зовёт она, заручившись помощью отца.

— Ну, я до сих пор не могу понять, почему мой мальчик подписался на эту штуку по обмену, так что возможно ты сможешь пояснить, что к чему? — тембр моего отца немного грубый и слегка надломленный. — Почему ты захотел поменяться местами с Себастьяном?

— Я не хотел, — с раскаянием отвечает Кингстон, и моя голова на автомате поворачивается в его сторону. Он замечает моё движение и краем глаза одаривает меня взглядом, а затем снова возвращает всё своё внимание на моего отца. — Мой отец решил всё сам и дал мне день на сборы.

Мама делает вздох и морщит брови в знак сочувствия.

— Почему он сделал *это*? Ты кажешься хорошим парнем. В твоих документах стоит твёрдая четвёрка, и ты планируешь идти в семинарию после школы.

Семинария? Я давлюсь соком и наклоняю голову, кажется в сотый раз за сегодняшнее утро, чтобы скрыть своё неверие. Из Кингстона такой же священник, как из меня танцовщица, а это говорит о многом, я уверена. Он не был «человеком в ризе», когда решительно держал меня в плену напротив своей голой груди (или, если быть точнее, своей *эрекции*) прошлой ночью.

Я осмеливаюсь взглянуть на Кингстона, борясь с чувством, чтобы не расхохотаться. На его лице застыло измученное выражение, без сомнения, он пытается скрыть шок. Я абсолютно уверена, что слова моей матери стали для него огромным сюрпризом в том, как несправедливо поступил его отец. Он, вероятнее всего, сейчас дрожит в своей обуви Дон Жуана, представляя себя горящим в огне, если кто-то осмелится приблизиться к его священной воде.

— Да, ну... — его слова кажутся невнятными, поэтому он засовывает кусок яйца себе в рот и смотрит в моём направлении, словно это *я должна* ответить.

Мои глаза расширяются, и я бросаю ему вызов, с нетерпением ожидая увидеть, как же в этот раз он собирается выкрутиться из сложившейся ситуации.

Когда он сглатывает, я замечаю, как уверенность возвращается в его позу.

— Я должен быть честным с вами обоими, — говорит он моим родителям. Мой отец наклоняется, мгновенно становясь подозрительным. — Вы приняли меня в свой дом и заставили меня почувствовать себя частью своей семьи менее чем за один день. Я не всегда был приверженником церкви. В прошлом я совершал некоторые действия, которые вы бы назвали «подростковым бунтом». И мой отец, который всегда и в любой ситуации ко всему относится дипломатически, решил, что будет лучше, если он уберёжет меня от «развращённого влияния» жизни, чтобы я смог вернуться на правильный путь. Я надеюсь выполнить последнюю его просьбу после этого обмена, чтобы мой отец гордился мной.

И теперь я уверена в двух вещах: во-первых, отец Кингстона солгал, имея на то причину. А во-вторых, я, наконец, понимаю, почему *мой* папа согласился предоставить этому молодому, совсем-не-уроду незнакомцу прошлой ночью комнату, которая соединена с моей комнатой. Он думает, что Кингстон собирается стать священником!

— И так этот *бунт*, — отвечает мой отец. — То о чём мы тут говорим? Алкоголь?

— Джон это не наше дело, — моя мама отчитывает его за такой вопрос. — Он...

— Чёрт возьми, не моё! — взрывается отец. — Я имею право знать, если он планирует жить в этом доме.

В этот раз, я реально давлюсь соком, когда делаю глоток через трубочку, и начинаю сильно кашлять. *Жить* здесь?

К тому времени, как я могу снова дышать (осуществляю жизненно важную функцию и хочу потребовать разъяснений, так как он должен жить в общежитии), Кингстон опережает меня, а мама обращает на меня своё внимание и, к счастью, начинает похлопывать по спине.

— Нет, сэр, ничего подобного. Всё с чем у меня были проблемы, так это с превышением скорости.

— Превышение скорости? Эти два слова скрывают под собою *наркотики*? — ревет мой отец, сжимая вилку так, что видны побелевшие костяшки.

Кингстон отчаянно качает головой.

— Гонки, сэр, быстрая езда на транспорте. Мой восьмой вызов в суд в связи с автотранспортным происшествием был причиной, которая заставила моего отца потратить деньги. У меня довольно высокие оценки в школе, и я буду очень признателен, если церковь однажды посчитает меня достойным быть среди них, но я больше всего нахожу себя в адреналине на гоночной трассе — и, к моему сожалению, автомагистраль, также входит в это число. Примите мои извинения, что отец не был с вами совсем честен. Я боюсь, что ему скорее... ну, стыдно за меня.

Мама начинает говорить, перегнувшись через стол и поглаживая его руку.

— Я уверена, что всё на самом деле не так. Он просто переживает, как и все родители. К тому же мы все имеем недостатки, дорогой, и порой превышение подростками скорости слишком опасно. Но могло бы быть и хуже. Да, любимый?

— Полагаю, что так, — бурчит мой отец себе под нос, но с того места где я сижу, заметна внутренняя борьба в его голове. — Ну, мне бы не хотелось, чтобы ты гонял на моей земле, или чтобы тратил моё время. Это понятно?

— Как ясный день, сэр.

— И поскольку ты был честен, то я ценю это. Поэтому, эм... — отец лениво улыбается, — я поведаю тебе маленький секрет о моём мальчике Себастьяне. Его мать думает, что у него была некая стычка с законом в прошлом году из-за его выходки. Он и его друг решили испугать спящую корову ради развлечения и забавы. Коровы выиграли, конечно же, они стояли на четвереньках и наблюдали, как моего сына арестовывают за незаконное проникновение.

Я прикусываю нижнюю губу до крови, чтобы не засмеяться, как обычно делаю, когда слышу эту историю. Но Кингстон не сдерживается, он свободно посмеивается, и его плечи расслабляются.

— Послушай, никто не идеален, и мои правила довольно просты: я не потерплю наркотики, алкоголь и опоздания. Комендантский час не подлежит обсуждению. И если ты сделаешь хоть *одно* движение по направлению в сторону моей дочери, твой отец отправит не одну поисковую службу на каждую из твоих конечностей. Мы поняли друг друга?

— Предельно ясно, сэр, — отвечает Кингстон с дрожащим кивком.

Так или иначе, разговор принимает неожиданный поворот и переходит от расчленения к увлечению моего отца на шоссе, и как Кингстон отдыхал в Германии, наслаждаясь так называемыми «супер магистралями». Я не удивлена, что Кингстон уже запланировал пройти

этот намеченный пункт, поездку, во время своих каникул.

Невозможно забыть упомянутую моим отцом новость о том, что Кингстон собирается здесь жить, поэтому я спрашиваю:

— Сколько времени потребуется Кингстону, до того как он переедет в своё общежитие? Я уверена, ему натерпится туда попасть.

Мои родители обмениваются взглядами, но мама не в силах смотреть на меня, поэтому объясняет отец.

— Звонили из колледжа. Кажется, они там что-то напутали, и не выделили комнату. Поэтому мы согласились, как гостеприимная семья, чтобы он остановился у нас. Я думаю, ты всё понимаешь и поспособствуешь тому, чтобы он чувствовал себя как дома?

Это скорее утверждение, чем вопрос, на который я просто киваю в ответ. Но мой желудок сжимается только от одной мысли, что я проведу весь учебный год рядом с Кингстоном на расстоянии одной комнаты. Нам просто необходимо ввести некие правила.

— Эхо? — мой брат выплёвывает пищевые крошки, когда говорит. — Будешь ли ты мне помогать с моими фокусами, пожааалуйста? — ещё больше крошек вылетает из его рта при звуке «п».

— Конечно, как только приберу трибуны. Но это займёт некоторое время.

Я продолжаю кушать, но опускаю глаза вниз, стараясь создавать видимость отчуждённости и спрятаться от следов самодовольства, которые, уверена, обнаружу если переведу взгляд.

И...

— Думаю, — бубнит мой отец, — Сэмми может помочь тебе с уборкой трибун, чтобы сделать это быстрее. Это пойдёт Сэмми на пользу, юная леди. И тебе не отвертеться от этого.

— Да, сэр, конечно, — киваю я, моя голова по-прежнему немного опущена, поскольку не могу скрыть свою хитрую ухмылку.

~~~~~

После уборки я переодеваюсь в домашнюю одежду. Направляясь в беседку, я слышу стук в дверь.

— Входите! — кричит отец из своего кабинета.

Это хорошая, но порой раздражающая вещь в нашем городе Келли-Спрингс — нет необходимости смотреть в глазок, потому что все всех знают.

На пороге стоят Саванна и Клей, которых я не ожидала увидеть сегодня, но я, кажется, догадываюсь почему они здесь. Не так много нового происходит в этом городе, и приезд молодого горячего парня с гипнотическим акцентом слишком заманчив для Саванны, и она не может устоять от проверки или от обмена мнением с Клеем.

И откуда они узнали, что он находится здесь, а не в общежитии, как планировалось ранее? Потому что другое феноменальное явление в Келли-Спрингс — все всё знают.

— Что вас привело сюда? — спрашивает папа, разворачивая телевизор. — Вы пропустили завтрак.

— Мысль о том, чтобы прийти и поприветствовать вашего гостя, — отвечает Клей, хотя смотрит на меня. Это ни для кого не секрет, что Клей всегда был немного в меня влюблён, доходило даже до того, что Себастьян несколько раз надирал ему зад. И если он думает, что

отсутствие моего брата изменит мои безответные чувства, он чертовски ошибается.

— Очень мило.

Папа начинает вставать, я так предполагаю, чтобы пойти и найти Кингстона. Но в этот момент тот спускается по лестнице вместе Сэмми, облегчая всем задачу.

Саванна пропихивается вперёд и использует голос, который, я думала, предназначен исключительно для Себастьяна.

— Приветик! Я — Саванна Тернер, лучшая подруга Эхо. Мне на самом деле приятно с тобой познакомиться, Кингстон.

— Мне тоже, — отвечает Кингстон, целуя тыльную сторону её руки. Ага, хочет показать моим родителям, что у него есть чёртов шанс на будущее в церкви.

Клей делает шаг вперёд и, убирая руку Саванны, протягивает свою для рукопожатия; когда он говорит, его голос звучит грубо.

— Я — Клей Моррис.

Кингстон пожимает ему руку и смотрит в его глаза, небольшая кривая улыбка образуется в уголке его рта. Он переводит свой взгляд на меня, пока я пребываю в шоке от того, что после той ночи, я уже знаю, о чём именно он думает. *«Этот парень реален? Настоящий ли его цвет волос?»*

Я прикрываю свой рот, чтобы заглушить смех, но ответ Клея на невысказанный вопрос приходит быстро, вместе с моим еле заметным кивком головы.

— Я лучший друг Себастьяна, — продолжает Клей, не обращая внимания на наш, казалось бы, безмолвный обмен мыслями, — и просто обязан узнать, что за личность будет жить в комнате рядом с нашей Эхо. — Он щёлкает по кончику моего носа, а я отворачиваю голову в сторону, как всегда это делаю. — Если ты не занят, я и мои парни можем показать здесь всё — весь город.

— Это будет весело! — восклицает Саванна, хлопая и подпрыгивая на месте, показывая Кингстону, насколько она хорошенькая. И он, естественно, ведётся на это, и его глаза непроизвольно расширяются. Не совсем уверена, когда именно она стала «одной из парней», но, похоже, Саванна нацелена присоединиться к этому так называемому «турне».

«С меня хватит этого шоу». Я хватаю Сэмми за руку и устремляюсь к двери.

— Пойдём, Мистер Фокусник. Солнце уже высоко!

Глава 3

После изнурительного дня уборки и магических фокусов, я выхожу из душа, более чем готовая завалиться спать. Уже почти десять вечера, а Кингстона нигде не видно, но я не уверена, что мои родители установили ему комендантский час — и если честно, мне пофиг. Он может уже и взрослый, и студент предпоследнего курса в Американском колледже, но мне прекрасно известно, что мой папа до сих пор устанавливает комендантский час, так же, как и Себастьяну.

Я просыпаюсь через некоторое время, на небе виднеется почти полная луна, которая пытается осветить всё возможное, включая и мою тёмную комнату. Однако вскоре я понимаю, что, увы, не свет меня разбудил, а звуки снизу.

Я сажусь, прислушиваясь, не в силах разобрать из-за чего начался этот сыр-бор, но

улавливаю всё же одну явную вещь: Джон Келли, известный ещё как мой папа, отнюдь не благоухает радостью.

Я выскальзываю из постели и на цыпочках иду вдоль комнаты, — так быстро и тихо, насколько это возможно, — и немного приоткрываю свою дверь, чтобы лучше расслышать, как мой папа беспощадно отчитывает Кингстона.

— Меня не волнует, *сколько* тебе лет! — от жёсткости в голосе моего отца трясутся стены. — До тех пор, пока ты живёшь в моём доме, ты моя ответственность! Тут помимо тебя живут ещё двое детей, которым завтра нужно вставать в школу! Ты будешь подчиняться и уважать мои правила, одним из которых является комендантский час! — он резко делает паузу. — Думаю, мы нашли выход из данной ситуации. Теперь мы понимаем друг друга?

— Абсолютно, сэр. Это был одноразовый, я вас уверяю.

— Одноразовый *что*?

Я поддерживаю папу. Тоже не понимаю, что он имеет в виду под этим словом.

— О, эм... — запинается Кингстон, пока он ищет замену этому слову, предполагаю, на американском языке. — Это произошло единственный раз? — он больше спрашивает, чем утверждает, и звучит это так, словно он разъясняет сам себе, в надежде, что будет дан ещё один шанс.

— Ты чертовски прав. Потому что в следующий раз ты отправишься на самолёте домой. Теперь иди в постель и не разбуди моих детей!

Я заглушаю иронический смех. Теперь он будет просыпаться в ужасе и с криком на устах.

Кингстон ступает ногой на нижнюю ступеньку, и я тут же разворачиваюсь и залетаю в свою комнату, стараясь бесшумно закрыть дверь, прежде чем запрыгиваю в постель.

Мой пульс замедляется, и веки начинают закрываться естественным образом, когда слишком сильный акцент нарушает тишину.

— Неужели тебя так позабавил мой выговор, Любовь моя?

Блин, попалась.

Я переворачиваюсь в постели и нахожу Кингстона, прислонившимся к косяку ванной комнаты — на моей стороне. По-видимому, его навыки подкрадываться превосходят мои, потому что, очевидно, он знает, что я подслушивала, но я не слышала, как он вошёл в ванную. Жаль, что он не в состоянии использовать эти тайные манёвры, чтобы успешно пройти мимо моего папы.

— Ага, ещё как, спасибо, что спросил. И что касается той записки, тебе лучше всего научиться стучать, прежде чем когда-либо входить в мою комнату снова. Понял?

— Понял.

Его плечи немного опускаются, и только Господу известно, почему я решаю дать ему несколько ценных советов.

— Мой папа гораздо хуже, чем его укус. До тех пор, пока ты не нарушишь правила, он не будет упоминать об этом случае. Он справедливый человек, не такой как те родители, которые всё время тычут носом и продолжают напоминать тебе о прошлых ошибках. Если он говорит, что тема закрыта, значит, так оно и есть.

— Это была кровавая встряска, — он проходит в мою комнату, двигаясь к моей кровати, чтобы присесть. — Можно?

— Эм... — я не решаюсь, но затем думаю о том, как, я надеюсь, гостеприимно относятся к Себастьяну, и тут же включаю доброжелательность, несмотря на все его

промахи.

— Конечно, — вздыхаю я, сдаваясь, и передвигаю ноги назад к спинке кровати настолько, насколько это возможно. — Ну, так ты просто бездельничал, и из-за этого произошла ссора с моим папой, или был в своём небольшом турне «по окрестностям нашего города в образе важной шишки»²? — я ухмыляюсь, испытывая удовольствие от использованной фразы, которую нашла в исследованиях своего перевода, и думаю — звучит смешно.

— Ты можешь спросить об этом мою бабулю, как только она когда-нибудь позвонит и решит быть «пчелиными коленями». Но нет, — его улыбка, которая только что появилась, быстро исчезает, и он снова хмурится. — Я бы предпочёл чистить цирковую палатку вместе с тобой.

— Святое дерьмо! Мы получили цирковую палатку? — я притворяюсь, что это потрясающий сюрприз. — Я должна её увидеть!

— «Палатка» не правильный термин для большой, красочной... *палатки* через дорогу?

— Может быть, полагаю, хотя мы относимся к ней как к павильону. Но *цирк*? Не то, с чем можно *сравнивать*. Ты хоть знаешь, что представляет собой цирк?

— Думаю, да. Твои родители рассказали мне о твоей семейной истории: воздушные полёты, канаты и танцы в воздухе. Это цирк, да?

— Цирк, неа. Ты видел бегающих слонов? Тигров? Бородатых женщин? — я наклоняю голову в сторону, мой тон жёсткий с ноткой резкого сарказма.

— Ну, нет. Но...

— Но нет ничего. Моя семья и я — квалифицированные артисты воздушной гимнастики. Наши шоу в городе начались с моей прабабушки, известной как Дейзи Келли — отсюда и название здешнего города *Келли-Спрингс*. У нас нет вступительного номера, четырёхглавых змей или кучи клоунов, которые вылезают из одного маленького автомобиля. Мы работает до потери чёртового пульса над нашим выражением танца, гибкостью и равновесием.

Я скрещиваю руки на груди, ожидая, когда слова дойдут до него. Я потеряла счёт, сколько раз после такой занимательной речи надо мной начинали смеяться за то, что я так называемый «цирковой уродец».

— Уверен, ты выглядишь довольно захватывающе, одетая в обтягивающий костюм и выполняющая трюки, — отвечает он с усмешкой. — Прошу прощения за моё невежество, но я с нетерпением жду встречи на шоу. Звучит просто великолепно.

— Ну, спасибо, наверное, — я не дам ему спуску вот так легко, и думаю, мой язык тела говорит о том, что я немного обиделась. И я так не понимаю, являются ли его слова искренними, или он просто он в очередной раз извиняется по привычке. — Мы закончили с этим или же ты хочешь поведать мне о своём дерьмовом дне?

И почему он был дерьмовым. Но я никогда не признаю, что мне до смерти интересно это.

Он падает на спину поперёк моей кровати и прикрывает одной рукой глаза.

— Боже мой, ты пьян? — шиплю я.

— Я пахну мочой³?

Мочой? Конечно же, он немного расстроен, но что именно он имеет в виду под этим «пахну мочой»? Или же он имеет в виду «обмочился в свои штаны»? *Клянусь Богом, если он обмочился в свои штаны, лёжа на моей кровати...*

А затем меня осеняет. Языковой барьер снова поднимает свою сбиту с толку голову. Для него «обмочился» *означает* «пьяный».

Я отвечаю небрежно, как будто знаю, что он имел в виду всё это время.

— Но ты должно быть либо пьян, либо сошёл с ума, раз думаешь, что это нормально вот так лежать на моей кровати, — я пихаю его в ногу. — Сядь! Если бы Себастьян видел тебя прямо сейчас... — я качаю головой. — Давай просто скажем так, есть границы — и ты только что пересёк самую большую из них.

Он лениво поднимается, демонстрируя мышцы на своих руках, и улыбается мне своей кокетливой улыбочкой.

— Ах, да, Себастьян. Расскажи мне побольше об этом так хорошо известном твоём братике.

— Почему ты сказал это таким тоном? — мои руки сжимаются в кулаки. — Мой брат талантливый, добрый и мой лучший друг. Если ты скажешь о нём хоть одно плохое слово, я посчитаю твои зубы.

— Совершенная красота. Я, возможно, должен сделать так, чтобы ты находилась в этом своём обтягивающем костюме всегда — ты великолепно в нём выглядишь, — он смеётся, пододвигаясь немного ближе. — Я не хотел проявить неуважение. Просто сегодня я много о нём слышал, и обожание в глазах, с которым ты и Сэм говорите о нём, не вызывает никаких сомнений. Мне интересно узнать о парне, чьё место я занял.

— Ты ничьё место *не* занял. Никто никогда не займёт место Себастьяна, — я пожимаю плечами. — Он хотел увидеть что-то новое. Думаю, отчасти я понимаю его. Но он вернётся, а ты уйдёшь. Таким образом, ты *одолжил* его место на время, в лучшем случае.

— Не спорю. И, возможно, тебе будет интересно узнать, что он тоже много говорил о тебе и об остальных членах своей семьи в своём видео. Но особенно о тебе.

— Каком ещё видео?

— Прости меня, — бормочет он, отворачиваясь. — Наверное, мне не стоило говорить об этом.

— О нет, нет! — я толкаю его в плечо. — Что за видео?

Он тяжело вздыхает.

— Твой брат снял видео и прикрепил его к программе по обмену. Вот что привлекло особое внимание моего отца к нему, и именно это заставило его принять быстрое решение. Неожиданный приказ собрать мои шмотки показался подозрительным, поэтому я решил провести кое-какой обыск на компьютере своего отца и нашёл его.

— Теперь понятно, — я говорю тихим голосом, сглаживая обман, но сочувствуя ему. Я рада, что Себастьян всегда добивается того, чего хочет. Я просто думала, что он хотел быть здесь и сообщать помогать своей семье.

— Если ты видел видео... почему решил расспросить о нём?

— Уже поздно, — он начинает вставать. — Полагаю, пообщаемся в другой раз.

Я наклоняюсь вперёд и тяну его обратно вниз за нижнюю часть рубашки.

— Прекрати делать это! Ты не можешь просто так бросать недосказанные предложения, а затем делать вид, что слишком занят для последующих вопросов. Это же явная игра, которая мне не очень нравится, и если честно, это выводит меня из себя! Не говори, что ты пьяный, или не в настроении, или не сейчас — эти-слова-делают-меня-безумной — поэтому прекращай. Ты поднял эту тему, потому что хотел пораспрашивать меня, а теперь спрашиваю я. Поэтому отвечай.

— Ты не успокоишься, да? — он качает головой и смеётся. — Отлично.

— Говори уже.

Он потирает подбородок, растягивая своё сладкое время.

— Я просто удивляюсь, как такой уважаемый парень, который заработал непоколебимое уважение — не легко, как я предполагаю, — может быть тем же человеком, который общается с одним из *tossers*⁴?

Tossers, tossers... Я ломаю голову, пытаюсь перевести слово на свой язык, но, в конечном итоге, сдаюсь.

— Ещё раз и заново? Или скажи лучше по-другому.

— Твоя лучшая подруга, Саванна? Девушка Себастьяна, правильно? — спрашивает он, не обращая внимания на мою просьбу.

— Дааа, — отвечаю растянuto. — И что с этого? Нет, знаешь что? Да пофиг. Я поняла. Себастьян удивительный, и ему тоже, как и тебе, двадцать лет. Но у него характер не такой, как у тебя — случайно увидел огромные буфера и круглую попку, принадлежащие задорной блондинке. Он не поэтому с ней.

— Мне бы хотелось надеяться, что нет, потому что если он действительно заметил только это, то это было явно недальновидно. За этим всем стоит намного большее, — он бормочет последнюю фразу каким-то странным голосом, что наводит меня на мысль, что это явно не комплимент. — И Клей, его друг — твой *почитатель*. Как он относится к этому?

— Себастьян хорошо осведомил Клея... я не знаю, как сказать, надавил? Навалил подзатыльников? Как хочешь называй это. Но Клей неоднократно и сразу прекращал. Он не получит то, что ему нужно, — я дрожу. — Этого не произойдёт.

— И это твоё оправдание? — спрашивает он с очевидным, невысказанным вторым вопросом, таинственно подчёркивая его первым.

— Я как-то не провожу много времени, *наблюдая* за Клеем. А что?

Он снова пытается подняться, и на этот раз я не останавливаю его. Я не люблю эту сомнительную недосказанность, повисшую в воздухе, поэтому готова завершить этот разговор.

— Хорошие люди ищут хорошее в других, поэтому, разумеется, они находят. Ты...

Он останавливает себя на полуслове, а затем тепло улыбается сверху вниз.

— Спокойной ночи, Любовь моя.

Я делаю мысленную заметку найти в Google словосочетание «Любовь моя», которое он продолжает использовать. Является ли оно покровительствующим или означает что-то большее? В любом случае, это не хорошо.

— Я встаю в школу в семь тридцать. Будь готов к этому времени, я подброшу тебя в колледж по дороге. Если не хочешь идти пешком, — предлагаю я ему вдогонку, не зная, почему снова съездила в конце.

Он останавливается в дверях ванной и смотрит на меня через плечо.

— Клей предложил меня подкинуть, но спасибо.

Клянусь, чем больше мы говорим, стараясь подружиться, тем больше недосказанности остаётся.

— Эм, Клей не ходит в колледж. И назови меня сумасшедшей, но не проще будет сказать, что ты его недолюбливаешь?

— Мне хочется знать, с кем и чем я имею дело. Принятие его предложения пойдёт мне только на пользу.

— Но зачем ему вставать в такую рань, чтобы подвезти какого-то парня?

Он усмехается.

— Кажется, ему и мне стоит о многом поразмышлять.

— Ну да, как же, — стону я, полностью раздражённая. Он использует слова, которые мне стоит записать, чтобы потом перевести на свой язык, поскольку все «зашифрованные» и двусмысленные вопросы, которые Кингстон не захотел задавать напрямую, смешиваются для меня в общую массу в такой поздний час.

— Увидимся завтра, Супер Сыщик.

— Заткнись.

Закрывая глаза, я слышу его слабый смех.

Глава 4

На следующее утро даже душ не помогает унять быстро растущую напряжённость в моём животе от одной мысли о возвращении в школу. Нет, это совсем не значит, что я ненавижу среднюю школу, — я люблю учиться, и по большей части мои классы довольно таки интересны, и учителя располагающие, — я просто не совсем подхожу на роль типичного ученика средней школы. Мне они просто... не интересны. Ну, или лучше сказать не цепляют. Там говорят глупости, а ты это делаешь или планируешь сделать.

Поэтому я прикладываю большие усилия, чтобы держать себя в руках. Иногда, конечно же, бывает одиноко, но лучше уж так, чем быть частью социума, от чьего поведения и деятельности мне становится стыдно, отвратительно и появляются проблемы.

Но сегодня, в первый день моего выпускного класса, я стараюсь быть оптимисткой — хотя бы по той причине, что это скоро закончится.

Когда я, наконец, выключаю воду и, впервые после ополаскивания волос, открываю глаза, то обнаруживаю записку от Кингстона на двери, что меня удивляет, в которой говорится:

«Розовый определённо твой цвет».

Обеспокоенная тем, что, чёрт бы его побрал, он подразумевает, я хватаю своё полотенце с крючка и оборачиваю его вокруг тела, не позаботившись высушить волосы. Конечно же, мой первый порыв — одеться, а затем влететь в его дверь, чтобы спросить, на что он намекает.

Но, когда я открываю верхний ящик комода, сразу вижу ответ на свой вопрос. Мой взгляд затмевает красная дымка гнева, и лицо горит всё сильнее, чем дольше я смотрю.

Там, поверх всех моих штанов, лежат ярко-розовые блестящие стринги, которые мне купила Саванна в качестве кляпа на мой шестнадцатый день рождения — никто и никогда не видел и не знал об этом подарке, и его явно стояло выбросить, вместо того, чтобы прятать в своём ящике, который Кингстон, *по-видимому, перерыл вверх дном.*

Этот чёртов сукин сын!

Надев только халат, я со злостью бросаю полотенце через всю комнату и бегу к окну, когда слышу автомобильный сигнал. Клей — таинственный и чрезмерно нетерпеливый шофёр, ждёт снаружи.

Но это не мешает мне открыть окно. Я высовываю голову в тот момент, когда Мистер

Супер Сыщик, теперь известный как Неудачник Взломщик выходит из дома.

— Ещё раз вторгнешься в мою личную жизнь, и, клянусь *Богом*, тебе придётся спать с *обоими* открытыми глазами! — кричу я, не заботясь о том, что кто-то может меня услышать, мой пульс усиливается от раздражения.

Он смотрит вверх, и коварная улыбка расплывается на его губах, у него ещё хватает наглости *скалиться* мне.

— Конечно, мэм.

— *Мэм?! —* кричу я в ответ, когда он открывает дверь автомобиля Клея. — Ты это серьёзно сейчас? Да как ты смеешь! Ты высокомерный...

— Эхо?

Голос моей матери доносится с переднего крыльца, а затем на её лице появляется растерянный вид.

— Я не знаю, что тут происходит, но если твой отец проснётся, то вы двое точно не избежите допроса!

Ай, дерьмо. Я изо всех сил сжимаю подоконник, чтобы сдержать свою ярость.

— Простите нас, — говорит Кингстон моей маме, но прежде чем продолжить бросает взгляд на меня. — Я одолжил зубную пасту из её ванного ящичка сегодня утром. Я не знал, что так расстрою её. Это моя вина.

— Оу, — моя мама улыбается, явно игнорируя все мои вопли, или же она просто не купилась на такое простое объяснение и просто пытается быть милой. — Ну, я дам тебе её сегодня. Что-нибудь ещё нужно?

Когда он трясёт головой, она впивается в меня взглядом.

— Эхо, извинись. Живо.

Если бы взгляд, которым я прожигаю Кингстона, мог убить, то он бы сгорел на месте. А он смелый, но я сделаю его. Если я расскажу правду папе, он тут же отправит его домой в течение часа, что в свою очередь разрушит мечту Себастьяна.

И это *единственная* причина, почему я стараюсь произнести следующие слова без злобы — хотя мне хочется выплюнуть их — и говорю настолько мягко, насколько это возможно, взглядом обещая отомстить:

— Прости, — лгу я, прежде чем захлопнуть окно своей спальни. Я решаю притвориться и сделать вид, что инцидент исчерпан, потому что сегодня меня ждут злодеяния в старшей школе, и у меня нет сил разрываться между двух огней. Поэтому я решаю отложить Кингстона на потом.

~~~~~

Возможно, это тренировочный матч с Кингстоном изменил мою обнадёживающую решимость на угрюмое, ворчливое настроение. Или, возможно, в моей голове не хватает беззаботности, которая есть у любого окружающего меня человека. Но, по крайней мере, всё, что мне нужно — держать дружескую дистанцию со всеми, кроме Саванны и нескольких других девушек, с которыми у меня тёплые и хорошие отношения, до окончания школы. Потом я больше никогда не буду ходить по этим коридорам. Это то, о чём я напоминаю себе всё утро, но, к сожалению, это едва работает.

Моя мама считает, что я пропускаю «лучшие годы своей жизни», будучи социальным интровертом. Я же предпочитаю думать о себе как о социально-избирательной, и

относящейся к меньшинству среди кучи людей, сокурсников и других. Моему отцу, наоборот, нравится, что я сосредоточена и никогда не встречалась ни с одним парнем. Ну, а Себастьяна этот последний факт *радует* больше чем кого-либо.

Я подозреваю, что в основном причины кроются в том, что я всегда дружила с Саванной. Когда она поблизости, мне никогда не приходится волновалась о том, что я случайно стану центром внимания. За исключением, когда я выступаю — моменты, в которые я думаю, что сияю не для аудитории, а для себя и своей семьи. Это то, для чего я рождена.

— Могу ли я выполнить особый удивительный трюк, чтобы каким-то образом закрыть твой шкафчик?

Безошибочный акцент сопровождается захватывающим смехом, и, бросив взгляд через плечо, я нахожу стоящего прямо позади меня Кингстона.

— Какого *чёрта* ты здесь делаешь? И о чём ты говоришь? — я закрываю свой шкафчик на замок и оглядываюсь. — У тебя ведь занятия должны быть... *в другой школе*... разве нет? — я поднимаю брови в удивлении. У Себастьяна всегда был насыщенный учебный день, так что, возможно, и у Кингстона тоже. Тем более, я собиралась пойти на обед, а тут в школьном коридоре стоит парень из колледжа. Не очень обычное явление.

— У меня обед и нет занятий в течение следующего часа, поэтому я принял приглашение вашей прекрасной директорши пройти экскурсию в американской средней школе, — я ничего не отвечаю, лишь смотрю на него с вопросом в глазах, и он снова хихикает. — Ага. Я тоже подумывал отказаться, но затем мне стало интересно, где же ты учишься, и вот я здесь. Ты пялилась на свой шкафчик в течение пяти минут. Я с нетерпением жду шоу, которое *должно* произойти в ближайшее время.

Я хмурюсь и, посылая ему свирепый, уничтожающий взгляд, выпаливаю:

— Я тут подумала. И предлагаю тебе попробовать, — я подхожу к нему и тычу пальцем в его твёрдую грудь. — Как я и говорила *прежде*, прекрати лезть в мою личную жизнь!

Его глаза становятся ярче, когда он сверкает улыбкой.

— Не могу ничего с собой поделать. Но, пожалуйста, не стесняйся, если захочешь посмотреть что-то из моих личных вещей.

— Мистер Хоторн!

Главный секретарь взволновано здоровается с Кингстоном, когда поворачивает за угол, и его следующие слова остаются не высказанными.

— Вот ты где. Я только что разговаривала с нашим футбольным тренером, и он хотел бы с тобой встретиться. Его дед жил в Лондоне несколько лет. И...

— Может после обеда? — прерывает её Кингстон, но достаточно вежливо, чтобы она не возражала. — Мне хотелось бы побывать в кафе через дорогу.

— Ох, нет проблем. Потом, как только закончите, зайдите ко мне в офис.

— *Серьёзно?* — язвлю я, как только она уходит. — Ты хочешь побывать в *кафе*?

— А оно того стоит? — покровительствующий взгляд — мой единственный ответ, и он широко ухмыляется. — Нет, меня мало интересуют кафетерий, я просто не хочу слушать о дедушке вашего тренера. Так скажи мне, на что стоит взглянуть в этом месте? Кроме тебя, конечно же.

— Выход, который ты можешь использовать в любое время.

Я разворачиваюсь на каблуках и начинаю идти вниз по коридору.

Он не отступает и, внезапно появившись с моей стороны, начинает идти рядом.

— Ну, теперь ты не хочешь меня никому представить? Я уверен, что у тебя найдётся несколько друзей...

— *Очень* мало. И ты не нуждаешься в представлении, они сами найдут тебя, поверь мне. Так что до тех пор, пока ты здесь, не стесняйся делать вид, что не знаешь меня, — я наклоняюсь ближе, чтобы он смог расслышать мой грубый ясный тон. — Перестань докучать мне. Советую.

— Я слышал, что твой брат был *грозой* в средней школе, — отвечает он, совершенно игнорируя мою просьбу. — По крайней мере, это то, что его товарищи говорят мне. Если бы я был пресловутым Себастьяном, что бы я делал, зависая здесь целый час? Полагаю, проверял свою дорогую малышку.

Я хмурюсь ещё сильнее из-за наших препираний.

— Сколько можно напоминать тебе: ты не Себастьян, и я далеко уже не малышка, так что советую... — я постукиваю пальцем по своему подбородку, симулируя глубокую задумчивость. — Ах, да — проваливай⁵! Это ведь по-британски, не так ли? Что скажешь, «малыш»?

Он смеётся, восхищение читается в его глазах.

— Очень впечатляет, Любовь моя. Хотя, оговорка о проведённых летних каникулах в Шотландии, всё ещё, однако, допустима, — он подмигивает.

— Кингстон! — слышу я визг Саванны, когда она подлетает к нам, без сомнения, подслушав его пугающе-точную сводку новостей о моём брате — он на самом деле, если бы пришёл в школу, в первую очередь проверил бы меня.

— Доброе утро, Эхо, — приветствует она меня, подойдя ближе. — Кингстон.

Она как-то странно произносит его имя, на этот раз мурлыкая, и... она что-то делает глазами? Ресницы ведь не должны трепетать, если на это нет какой-либо другой причины.

И прежде, чем я понимаю или делаю что-то, чтобы спастись от этого, вокруг нас собирается толпа. Я окидываю всех взглядом, осознавая, что мы, в самом деле, окружены *командой* группы поддержки — именно этого я боялась больше всего.

Этот день становится всё лучше и лучше.

Среди нашей новой образовавшейся компании есть вишенка — Камден Уиттьер, который, по иронии судьбы, остроумнее любого другого за всю историю человечества. Он играет в футбольной команде — квотербек, и, тем не менее, меня всегда сбивало с толку, как он может делать несколько дел одновременно.

Камден пропихивается через толпу и останавливается прямо перед Кингстоном.

— Так, так, так. Неужели это тот самый новый парень в городе, о котором я слышал. Почему, бл*дь, ты тут разводишь киски старшеклассниц? — он не даёт Кингстону ответить. — Я — Камден Уиттьер, квотербек. Но я уверен, что ты уже слышал обо мне.

Как я уже и сказала, старшеклассникам действительно не должно быть позволено говорить или, по крайней мере, не без проверки их слов кем-то с полностью функционирующим мозгом.

— Не могу согласиться, был немного занят, — отвечает Кингстон, и из толпы раздаются ахи.

Они ахают от шока, потому что какой-то чувак посмел сказать такое их «королю»? Или потому что кто-то более высокий, более накаченный и, несомненно, более привлекательный посмел так разговаривать с их «королём»?

К счастью, меня никогда не интересовали такого рода ссоры, поэтому я решаю

некоторое время держать это в тайне. Но, если честно, ставлю на последнее.

Камден смеётся над этим, а затем пробегается своим бесстыжим взглядом по мне.

— Да, думаю, я бы тоже был занят, если бы жил с Эхо. Они не дают мне подобраться к ней, — он облизывает губу и протягивает руку, сжатую в кулак, чтобы стукнуться Кингстоном, но тот не отвечает на это.

Камден опускает руку, пытаясь выглядеть невозмутимо, но проваливается.

— Теперь, когда большой старший брат уехал, может быть, сладкая малышка Эхо, наконец, будет в игре.

И люди ещё удивляются, почему я такая необщительная.

Я очень близка, чтобы блевануть, но Кингстон становится передо мной, закрывая меня от Камдена. Он делает шаг вперёд, и я выглядываю из-за него, боясь стать свидетелем чьего-то убийства.

— Отвали, ублюдок, если не хочешь, чтобы твою задницу изрядно потрепали, — рычит Кингстон в дюйме от лица Камдена. — Я буду только рад разобраться с таким, как ты.

— Да, Камден! — встречает Саванна. — Если я расскажу Себастьяну, что ты только что сказал, он убьёт тебя, когда вернётся!

Я одариваю Саванну благодарной улыбкой, а затем спешу убраться подальше от этой сцены как можно быстрее — только понимаю, что мне некуда бежать. Я хочу пропустить обед, но он, в любом случае, уже и так закончился, поэтому бегу к шкафчику, чтобы захватить книги для следующего занятия.

Каким-то образом, несмотря на моё беспокойство от столпотворения, где я застряла, мне удаётся отметить несколько сердитых и враждебных слов, которыми обмениваются Кингстон и Камден, прежде чем последние волнения утихают. Но группа поддержки, застыв на месте, остаётся, — настолько Кингстон притягателен. Потому что в любое другое время все они уже спешили бы за королём старшей школы Келли-Спрингс.

И очень легко мои присяжные заседатели пришли к решению. *Это было быстро.*

Глава 5

Кингстон посыпает каждое своё слово сахаром, пока целует руки чирлидерш.

— Для вас открыты все двери. Спасибо, мои тарталеточки.

Они же хихикают, краснеют и воркуют, думая, что он просто-напросто сделал им комплимент. Но на самом деле я знаю, что означает «тарталетка», ну или «шалава», на языке Кингстона, который в душе заливался смехом.

Теперь, когда толпа начала расходиться, я разворачиваюсь и направляюсь в обратную сторону по коридору, списывая со счетов книги, в которых так нуждалась и которые оказались гиблым делом. Мне просто нужно попасть в класс, и, возможно, взять у кого-нибудь в листок бумаги и ручку.

Но рука, которая не должна ощущаться так хорошо знакомой, ловит меня за локоть. Так или иначе, Кингстон отвязался от своего фан-клуба и теперь тянет меня в сторону тихого уголка.

— Ты как, в порядке?

— Нормально, — бросаю я сквозь стиснутые зубы. — Я просто хочу добраться до

класса, поэтому отпусти меня, пожалуйста.

Он ослабляет свою хватку.

— Ты должна поесть в первую очередь. Я провожу тебя.

— Не нужно. Перерыв на обед почти закончился, — я тороплюсь уйти прочь, теперь, когда он отпустил меня, но он с лёгкостью приравнивается к моему быстрому шагу.

— Что произошло там, с тем болтливым мудаком? Ты ничего не сказала — не совсем похоже на Эхо, которую я знаю.

Замираю как вкопанная, и так быстро разворачиваюсь, что у меня немного кружится голова, встречаясь с ним взглядом.

— Уясни уже: ты меня *не* знаешь. Если бы знал, то наверняка бы *понял*, что я хочу побыть одна и чтобы меня оставили в покое. Так что, пожалуйста, пока эта шумиха вокруг тебя не утихла, — если она вообще когда-нибудь утихнет, — держись от меня подальше. Или, по крайней мере, держись подальше от *моей* школы! Я не хочу снова увязнуть в твоей толпе.

— Мои извинения. Я только хотел поздороваться. Я понятия не имел, что это произойдёт. Но этот парень, квотербек? Он теперь будет маячить чаще, раз Себастьян уехал. Ты сошла с ума, раз решила, что я буду на его стороне, Эхо. Я не могу ходить с тобой в школу, но у меня будут глаза и уши повсюду.

— Нет, не будут, и это совершенно не нужно. Никто и никогда не обратит на меня внимания снова, если ты будешь держаться на расстоянии. Ты притягательный, Кингстон, а не я. Поэтому держись подальше. Я умоляю тебя.

Он проводит рукой по своим густым тёмным волосам, что делает его ещё более притягательным, а затем смеётся.

— Ты реально веришь в то, что только что сказала?

К черту всё. Я уже пропустила обед, и уверена, что опоздаю в класс впервые в своей жизни, так что полагаю, мне нечего терять, если продолжу этот разговор.

— У меня нет привычки, просто болтать, так что да, я *верю* в это. А что?

Кингстон не глуп, и он не обращает внимания на внимание, которое привлекает, поэтому его вопрос и озадаченный взгляд смущают меня так же, как и производят впечатление.

— Давай посмотрим, смогу ли я переубедить тебя в этом.

Он кладёт свою правую руку на мою левую, очень нежно по-дружески её сжимая. Я не должна ощущать как жар, словно извержение вулкана, распространяется по пальцам моих ног или остальным частям тела, но я ощущаю, и это настолько интенсивно и одновременно успокаивающе.

— Эхо, ты *не* одного дня в этой школе не была незамеченной. Ты красивая, высокая, горячая как ад, а не просто привлекательная⁶. Эта милая причёска, тёмные красивые и огромные голубые глаза? Каждый парень здесь мечтает тебя трахнуть — они просто слишком боятся Себастьяна, чтобы сделать шаг. И я планирую сделать так, чтобы они чертовски боялись меня.

Кроме «не натянуть⁷», я поняла всё, что он сказал... вот почему в настоящий момент мои щеки заливают румянец.

— Ах, вот о чём я *говорю*, — шепчет он, подняв руку и проводя кончиком пальца вниз по моей щеке. — Ещё более великолепно с румянцем.

Громкий пронзительный звонок возвращает нас обоих в реальность. *Слава Богу.* Он

чуть не заставил меня попасться в сети его обаяния. *Почти.*

— Мне нужно идти, — я уйду в противоположном направлении. — И ты должен вернуться в колледж... увидимся позже.

Не могу дождаться, чтобы посмотреть, что из этого выйдет.

~~~~~

Я горжусь тем, что получила место в прикладной математике, потому что я вкалывала чертовски много, чтобы попасть туда. Но тот факт, что занятия будут проводиться в колледже, заставляет меня чертовски нервничать, — особенно сейчас, в свете последних событий... и новых зарубежных гостей. К счастью, я всё ещё маленькая сестра Себастьяна, поэтому, надеюсь, большинство людей знают об этом, и, в свою очередь, оставят меня в покое. Кроме того, Саванна всё ещё на моей стороне.

По крайней мере, я так думала, когда припарковывала свой грузовик. К тому моменту, как я выключаю зажигание и отстегиваю ремень безопасности, её уже нет в машине, она направляется к зданию, разговаривая с новоиспечёнными друзьями.

Конечно же.

Я ожидала этого, поэтому просто качаю головой, отгоняя лёгкий укол из-за того, что она бросила меня. В отличие от Саванны, я не трачу своё свободное время впустую и не заинтересована в болтовне с девчонками, которых едва знаю.

Раньше я была в кампусе один или два раза, но сейчас, направляясь к нему по вымощенной брусчаткой дорожке, чувствую, как мой желудок сжимается. Мои ноги словно свинцовые, голова опущена, а глаза следят за каждым шагом, пока я, наконец, не достигаю класса.

Признаю, я знала, что вероятность столкнуться с Кингстоном *здесь* — высока. Это небольшой студенческий городок. Но я надеялась на какой-нибудь льготный период... который продлится намного дольше *этого*.

Как только я открываю дверь в класс, всякий оптимизм за который я отчаянно цеплялась, сразу же умирает, сменяясь остановкой сердца ещё до того, как у меня появляется шанс обвести взглядом студентов внутри. Но мне это и не нужно. Хор смешков, а затем сильный акцент раздаётся по всей комнате и всё проясняется предельно ясно — Госпожа Льготный Период действительно подлая сука, и она явно сегодня очень беспокойная.

Я быстро обнаруживаю свободное место в самом заднем ряду и несусь к нему, неуловимо осматривая комнату в поисках Саванны, но не в состоянии сдержаться, чтобы не посмотреть на Кингстона. И, видимо, я не так уж и неуловимо «избегала его», потому что он уже смотрит прямо на меня.

— Привет, — выдавливаю я себя, когда наши взгляды встречаются. Я даже делаю слабый кивок, прежде чем ныряю на сиденье.

Я ожидаю, что он ответит, но он этого не делает. Он, по крайней мере, делает попытку помахать, но едва ли может поднять руку, так как окружён буквально каждой женщиной в этой комнате — кроме меня, и той, кто является помощником профессора, хотя она пожирает его глазами.

Пронзительный смех Саванны заглушает остальные гоготания в толпе, и я замечаю её руку, которая удобно устроилась на руке Кингстона.

Да ты *издеваешься*, что ли? Саванна попала на эти университетские курсы только

потому, что я сделала за неё её же работу. А знаете почему? Потому что она не хотела, чтобы я была одна — какой я в принципе и являюсь *именно* сейчас.

Я достаю тетрадь и ручку из сумки, делаю глубокий вдох и спокойно выдыхаю, а затем сажусь сложа руки, ожидая, когда придёт профессор и начнёт лекцию.

Но мои глаза снова встречаются с парой светло-серых глаз. Кингстон повернулся ко мне... и это что, сочувственная полуулыбка на его лице? *Не жалеи меня, приятель.* Вскоре у меня будут лучшие оценки в классе и куча времени, чтобы побездельничать, что я и собираюсь сделать.

Мой позвоночник напрягается, и я выпучиваю глаза, когда вижу, как он встаёт, одаривая всех своих поклонниц прощальной улыбкой, и направляется ко мне.

Нет. Нет, нет, нет!

Я опускаю взгляд на тетрадь и начинаю рисовать каракули. Я ощущаю его присутствие в тот момент, когда он скользит вниз на место передо мной. Не поднимая взгляда, крепко сжимаю ручку.

И вдруг всё пространство наполняется твяканьем девушек, которые спрашивают у него о Лондоне и Королеве. *Как будто он встречал её. Он просто обычный, обыденный студент, как и все мы!*

Хорошо, может быть и не такой *простой*, как другие. Только один его голос чего стоит.

— Привет, Эхо.

Его дыхание опалает мой лоб, и я не могу удержаться, чтобы не посмотреть вверх. Его лицо в нескольких дюймах от моего, а тело полностью повёрнуто и наклонено в мою сторону.

— Я уже поздоровалась, — бормочу я и сразу же возвращаюсь к своим закрученным каракулям.

— Да, но я не смог с тобой нормально поздороваться в ответ, — игривость в его голосе заставляет меня рисовать быстрее.

— Так, ты действительно был на вечеринке с Принцем? — спрашивает кто-то.

— Боже мой, я слышала, что твоя семья члены королевской семьи! Это правда? — ещё одна *шлюшка* влезает не в свое дело.

Он игнорирует их двоих и протягивает ко мне руку, приподнимая одним из пальцев мой подбородок и заставляя меня снова на него посмотреть.

— Сейчас всё моё внимание направлено на тебя, поэтому... привет, Любовь моя.

Я сглатываю, пытаюсь понять, что именно означает стук в каждой моей венке.

— *Привет*, — удаётся выдохнуть мне.

Наши взгляды не покидают друг друга, мы даже не мигаем, пока Саванна не спрашивает:

— Это правда? Ты член королевской семьи, Кингстон?

Я прерываю наши гляделки первой, обдумывая какую-нибудь колкость. Это наименьшее, что я могу сделать, учитывая ту ситуацию, что он рылся в моём шкафчике, копаясь в ящике с нижним бельём!

— Вау, член королевской семьи? — я быстро хлопаю ресницами. — Сможешь побыть моим разносчиком чая позднее? — я награждаю его натянутой, раздражённой ухмылкой, а затем снова сосредотачиваюсь на своей тетрадке.

Он молчаливо смотрит на меня, и я чувствую, как по моему телу разливается тепло. Когда скрипит стул, я поднимаю голову и вижу, что он возвращается обратно на своё место и

наконец-то отвечает Саванне.

— Нет, насколько мне известно.

Через минуту, в класс заходит профессор. Она сразу же говорит всем успокоиться и оставить нового студента по обмену в покое.

Неудивительно, что многие не слышат её призыва. На протяжении всего занятия, меня вечно отвлекает шепот вокруг, который крутится вокруг Кингстона. В основном о нём говорит никто иной, как моя лучшая подруга, которая даже не знает предмет на отлично. *Ох, и которая встречается с моим братом!*

К тому времени, когда нас отпускают, моя раздражительность достигает рекордно высокого уровня. Саванна проигнорировала мои многочисленные сигналы, в которых говорилось, что я собираюсь уходить, поэтому я ухожу без неё.

Я уезжаю из колледжа в одиночестве, давая шанс Саванне и Кингстону добраться домой самостоятельно.

Глава 6

Вернувшись из школы домой, я переодеваюсь в леггинсы и спортивный топ, а затем срываюсь с места и быстро бегу через лес к моему дереву. Меня полностью одолевает чувство вины. Я никогда не поступала как сука, которой была сегодня. Но если посмотреть с другой стороны, то моё терпение ещё *никогда* не было настолько уничтоженным.

И оставить Саванну и Кингстона в затруднительном положении было правильно.

Прихватив с собой две шёлковой ленты розового цвета, я надёжно привязываю их к одной из ветвей дерева и начинаю подниматься, мечтая забыться в этом тайном месте и рутине. Шёлковый танец — один из моих любимых, сольная постановка, в которой ты сам себе хореограф и исполнитель, находящийся в полном умиротворении.

Но сегодня образы Кингстона с его заразительной улыбкой и приковывающими внимание словами, непрерывно проносятся у меня в голове. Если быть честной с самой собой, то я поступила, как упрямая сука. Это не его вина, что он новая забава — поверхностное увлечение для большей части города, гораздо большей, чем когда это было с Себастьяном в своё время, и я не сомневаюсь, что он тоже получает его на своём новом месте.

Я закрываю глаза и сосредоточиваюсь на каждом скольжении тонкой ткани через мои руки, ощущая знакомое чувство того, как она обвивает всё моё тело в артистическом комфорте. И почти мгновенно всё остальное перестаёт существовать. Музыка, которую я выбрала для этого номера, начинает играть в моей голове, вытесняя мысли о Кингстоне. Я выгибаю своё тело, закручиваю ноги в шёлковые ленты, поднимаясь выше, а затем падаю, выполняя серию воздушных сальто.

Я танцую в воздухе, парю под этим широким гигантским деревом, раскачиваясь на ветру, пока мышцы на руках и ногах не начинают протестовать. Я скольжу вниз и, коснувшись ногами земли, хватаю полотенце, которое принесла с собой, и вытираю лицо.

Его трепетная похвала приходит из ниоткуда.

— Великолепно.

Застигнутая врасплох, я с визгом бросаю полотенце.

— Как ты меня нашёл? — кричу я обвинительно. — Это *моё* место. Место, куда я прихожу, чтобы побыть *в одиночестве!*

— Разве? — его хрипкое насмешливое замечание окутывает меня, когда он выходит из тени дерева, откуда наблюдал за мной.

— Да!

— Но ты *знала*, что я за тобой наблюдаю, — бормочет он, приближаясь. — Признай это.

— Нет, не знала!

Его кокетливая ухмылка увеличивается, перерастая в улыбку, словно он поймал меня на полуправде. Я ощущаю, как по моим щекам распространяется румянец. Снова.

— Ты не умеешь лгать, Эхо. Ты ужасна в этом.

Я рычу, разминая свою напряжённую шею.

— Я не вру, ты просто самонадеян, жуть как раздражаешь...

— Так ты *не знала*, что я здесь и наблюдаю, абсолютно очарованный тобой? — он выгибает одну бровь, провоцирующий отблеск виднеется в его серых глазах.

Моё дыхание прерывистое, и я изо всех сил стараюсь привести его в норму.

— Даже ничуть, — я стараюсь сдержать свои нервы и не выдать их голосом; к счастью, моя злость больше похожа на силу.

Он делает ещё один шаг в мою сторону, продолжая удерживать меня в плену своим пронзительным взглядом.

— Есть малая толика правды, которую ты не можешь скрыть, — он опускает свою голову вниз и переводит глаза на мою грудь.

Я следую за его взглядом вниз. Конечно же, мои соски не только затвердели, но и позорно упираются в тонкий материал моего спортивного топа.

— Прекрати глазеть! — я разворачиваюсь на пятках и бегу к футболке, которая лежит в нескольких футах от меня.

Он смеётся надо мной, когда я натягиваю футболку через голову.

— Ох, но я не могу. Видишь ли, я обожаю грудь. Какая великолепная попа, Любовь моя.

Иисус. У меня нет ничего другого, чтобы прикрыться! Так что мой единственный выход — ещё раз встретиться с ним взглядом, а так как теперь моя грудь немного прикрыта, это меньшее из двух зол.

Я на мгновенье закрываю глаза и делаю глубокий вдох.

— Хорошо. Прости, что была сегодня груба с тобой в колледже и не предложила подвезти домой. Теперь ты можешь от меня отстать? — я презираю уязвимость, которая слегка окрашивает каждое моё слово, но я ещё никогда не чувствовала себя настолько открытой — в прямом *и* переносном смысле.

Он делает ещё несколько шагов в мою сторону, хмуря брови, и его улыбка мгновенно сменяется озадаченным видом.

— Ты, моя дорогая Эхо, та ещё загадка. Я поведаю тебе насколько ты исключительна — твоё тело, твои движения — и ты считаешь, что я мешаю тебе? Я не понимаю твоей логики.

— Тебе не нужно ничего *понимать*, за исключением того, что я хочу, чтобы ты прекратил это делать. Твои вульгарные высказывания и замечания по поводу моего тела, немного меня... ставят в неудобное положение. Как и от любого внимания в моей школе, а особенно колледже, у меня из-за этого мурашки по коже, — он не отвечает, но я ощущаю,

как тяжесть на моих плечах ослабевает с каждым сказанным словом. — Видишь ли, это единственное место, где я чувствую себя в своей тарелке. И не важно, говорил ты всерьёз или нет, но ты вторгся на мою территорию.

Я поднимаю своё полотенце с земли и разворачиваюсь к тропинке, которая ведёт обратно через лес, ещё более возбужденная, чем пришла сюда.

— Стой.

Он ловит меня за руку и разворачивает к себе лицом.

— Прости. Я не появлюсь здесь снова и буду стараться уважать твой выбор. Это просто чертовски трудно. Я прекрасно осознаю, что создаю только ссоры, пытаюсь сблизиться с тобой, Эхо, но, на самом деле, всё чего я хочу — это глотнуть свежего воздуха за пределами комнаты. Как насчёт перемирия?

Его мольба сопровождается надутыми губами и большими печальными глазами, отчего любой другой парень выглядел бы жалко. Но Кингстон Хоторн? Нет, не тот случай. Даже среди жалостливых, если я не ошибаюсь, существуют определения «жалкий»... и «опьяняющий».

Я пытаюсь представить себе, как должно быть он чувствует себя в новой стране, без друзей и семьи, обеспечивающих безопасность, поэтому награждаю его уступчивой улыбкой.

— Хорошо. Перемирие.

Я протягиваю ему руку, но вместо того, чтобы пожать её, он нежно берет её в свою и опускает голову. Я ожидаю, когда он поцелует мои пальцы, как и всем другим «таралеткам», чтобы без угрызений совести заехать своим коленом ему в пах и никогда не прощать его.

Но он этого не делает. Вместо этого он переворачивает мою руку и нежно целует моё запястье — прямо над пульсом, без сомнения ощущая его биение.

— Спасибо.

— Не за что, — заикаюсь я. — Если пообещаешь держать своих фанаток подальше от меня и постараешься устоять перед желанием порываться в моём ящике с трусиками, обещаю быть милой. Идёт?

— Идёт. Теперь, — говорит он, поднимая голову и улыбаясь мне своей ослепительной улыбкой, — не будешь ли ты так любезна показать мне тот грузовик, который твой отец поручил мне разгрузить?

Я не могу содержать волнение в своём ответе.

— Грузовик с оборудованием здесь? Да, конечно! — начинаю тащить его за руку. — Это наши новые брусья, сети и ленты. О, я не могу дождаться, чтобы увидеть их. Ну же, поторопись!

~~~~~

— Думаю, это я должен делать это, — говорит Кингстон, наблюдая за тем, как я разгружаю грузовик, словно пухленький ребенок в Кейк Камп⁸.

— А ты и делаешь.

Я улыбаюсь и поворачиваюсь, передавая ему ещё одну коробку и используя каждую унцию силы, которой обладаю, чтобы не уронить её. Кингстон выбирает именно этот момент для снятия футболки, и клянусь, остальная часть этой сцены разворачивается, словно в замедленной съёмке.

Я знаю, что пялюсь на него, но ничего не могу с собой поделывать — одинокая капелька пота, стекающая по его груди, между очень выраженными грудными мышцами, зачаровывает. Я не смею опустить взгляд ниже, из-за страха, что могу подавиться собственным языком — или ещё хуже, испустить вздох одобрения вслух, унизив себя. Я изо всех сил зажмуриваюсь и качаю головой, прогоняя появившиеся в моей голове видения.

Когда я открываю глаза, Кингстон стоит с понимающей ухмылкой, такой же большой, как и его бицепсы.

— Так что ты там говорила? — спрашивает он, беззастенчиво флиртуя.

— Ох, гм... будь осторожен с этим, — произношу я, опустив взгляд вниз на ноги и слепо вручая ему коробку. — Это мой хрустальный обруч. Очень хрупкий.

— Эхо, выйди из этого грузовика! — меня передёргивает при звуке голоса Клея. — Теперь я здесь. Я буду делать тяжёлую работу, детка.

Я хватаю другую коробку в ответ.

Кингстон посмеивается.

— Удачи, приятель. Она не позволила мне этого сделать, — он делает пауза, прежде чем продолжить хорошо знакомым мне тембром (немного увлечённым), — Саванна. Рад видеть тебя снова.

Я поворачиваюсь и чуть не спотыкаюсь о грудь верёвок, шокированная тем, что Саванна здесь. Я вижу её намного чаще после приезда Кингстона в город, чем когда мой брат, *фактически* её парень, был дома. Лучше бы она потерялась, чем всё время хихикала над каждой репликой Кингстона. А ему следует перестать целовать её руку, как и руки всех женщин, которых он встречает. Кто знает, какие именно микробы он собирает и приносит домой.

— Ах, Эхо в этом может быть упрямницей, — отвечает Клей. — Хотя только с новенькими, — он хватается за верёвки у моих ног и смотрит на меня с жуткой ухмылкой. Я выдавливаю из себя улыбку в ответ.

— Она и в самом деле может быть такой, — добавляет Саванна, награждая меня сомнительным взглядом, который я принимаю за неуверенный. — Но мы всё равно любим её.

Кингстон переводит взгляд то на меня, то на неё, держа коробку на плече, прежде чем просит Клея отнести её на склад.

Мне хочется верить, что Саванна здесь, потому что она знает, что нам нужно поговорить после того как она-проигнорировала-меня-в-классе-и-я-кинула-её, а также потому что на нас надвигается катастрофа. Но, увы, всё её внимание сосредоточено на удаляющихся спинах Клея и Кингстона, поэтому это немного ставит под сомнение её намерения. Всё это длится до тех пор, пока они не заходят на склад, и за ними не закрывается дверь, только после этого она вспоминает, что я нахожусь где-то здесь.

— Чёрт, разве ты не мечтаешь, чтобы все ребята здесь, были похожими на Кингстона? — говорит Саванна. — Необычный, нежный, целует руку. Так романтично.

— Себастьян тоже делает для тебя много романтических вещей, — рычу я, пододвигая картонные коробки к краю для вернувшихся ребят. — Поберегись.

Я бросаю коробку Кингстону, который без особых усилий ловит её с дерзкой улыбкой на губах и весельем в глазах. Я игнорирую дрожь, которая проходит через всё моё тело, и ловко разворачиваюсь в грузовике, возвращая своё внимание к Саванне.

— Нет ничего плохого в том, что Себ не целует заразные руки каждой девушке в городе,

Саванна, — говорю ей, когда Кингстон заходит в склад, оказываясь вне пределов слышимости.

— Дерьмо, конечно же, нет, — говорит Клей, без приглашения присоединяясь ко мне в задней части грузовика. — Следи за собой Саванна, или Эхо направит это против тебя. Я правильно понял, сладкая, — он подталкивает меня. — Лемм разберёт остальное. Иначе ты надорвёшься.

Я не очень нежно толкаю его в ответ.

— Нет. И я сделаю так, что надорвёшься ты, если ещё раз назовёшь меня «сладкой». Ты ударился головой сегодня?

Глубокий и хриплый смех Кингстона оповещает о его возвращении. Это не самый худший звук, который я когда-либо слышала.

— Ах, Эхо, а я уж было подумал, что потерял тебя. С возвращением... — он делает паузу. — Любовь меня.

Наши глаза встречаются, и он знает, как и я, что сейчас произошло. И теперь он ждёт, с застывшим во взгляде вопросом, желая увидеть — отвечу ли я ему на его ласковое обращение, так же, как и Клею. Но я сказала это Клею, потому что чувствую к нему враждебность, поэтому игнорирую второе высказывание.

— Ну, хватит с меня такого удовольствия, — я закатываю глаза и прыгаю на землю. — Всё, что я хотела — это разгрузить грузовик, но я предпочту наблюдать за тем, как сохнет краска, чем за вами. Вы, ребята, оторвитесь по полной — и не ломайте тут ничего!

— Подожди! — кричит мне Саванна несколько секунд спустя. — Слушай, знаю, что должна тебе за помощь с прикладной математикой, и я ценю, что ты подвезла меня, но как ты могла оставить меня? Зная, что мой телефон разрядился...

Дерьмо. Я и забыла, что её телефон разрядился в моём грузовике по дороге туда. Да, я официально превращаюсь в суку.

Застываю и разворачиваюсь, испытывая сожаление, и смотрю на неё, стыд несомненно отражается на моём лице.

— Прости. Я забыла.

— Меня или что у меня не было телефона? — она упирается руками в бёдра, немного наклонившись в сторону в раздражении.

Её дерзкая стойка, после того, как я только что извинилась, — никогда ещё не слышала от неё такого заявления, — развеивает любую испытываемую мною вину, особенно принимая во внимание то, что у меня был срыв из-за её действий в классе ранее.

— Не было телефона, — бросаю я, а затем разворачиваюсь, чтобы уйти.

— Так значит, ты считаешь это нормальным, оставлять свою лучшую подругу на территории кампуса, полного незнакомых людей?

— А я почему-то думала, что у тебя там много друзей, — отвечаю и, не оборачиваясь и не прекращая идти, поднимаю руки вверх, образуя в воздухе кавычки, — в колледже. Так много, на самом деле, что ты даже не смогла уйти от меня достаточно быстро!

Я чувствую её за своей спиной, а затем она хватается меня за плечо, замедляя моё движение, но этот её жест только подначивает меня двигаться быстрее.

— *Серьёзно?*

— Да, серьёзно. Поэтому возвращайся обратно к ребятам и...

Внезапно она встаёт передо мной, преграждая путь.

— Остановись! Я не жалею, что поступила так в наш первый день. Я даже не жалею, что

болтала с некоторыми девочками, с которыми мы будем ходить в колледж, — мои глаза расширяются, а губы сжимаются в тонкую линию. Я в шоке от её слов. — Но *мне* жаль, что я не была хорошей одругоф и игнорировала тебя в классе, — продолжает она. — И что я настолько слилась с толпой, что забыла о том, как ты будешь себя от этого чувствовать. Я никогда не думала, что ты на самом деле оставишь меня там. Но увидев, что твоего грузовика нигде нет, я прекрасно понимала, что это моя вина, — на её лице наконец-то появляется вина.

Моё раздражение утихает, и чувствую, что выражение лица смягчается.

— Сава...

— Нет. Иногда я замкнута в себе. Ты знаешь об этом лучше, чем кто-либо другой. Но я бы никогда намеренно не обидела тебя. Надеюсь, ты знаешь об этом. Прости.

Она наклоняется для объятия, и я притягиваю её поближе.

— Мне тоже очень жаль. Я не должна была оставлять тебя. Это было просто так подавляюще... Кингстон вызвал там абсолютный переполох.

Она освобождается из объятий, и мы направляемся к моему дому вместе.

— Мда, парень безусловно вызывает переполох. Ходят слухи, что этим утром его уже видели с двумя девушками, и он попросил вторую провести с ним выходные.

— Вау. А он не теряет здесь времени зря, да? — мои слова сопровождаются смесью невпечатлительного смеха и лёгкого разочарования.

Саванна пожимает плечами.

— Слухи могут быть полной фигнёй. Он ещё не клюнул на меня и...

Моя голова резко дёргается в её сторону.

— У тебя уже *есть* парень — тот, чью комнату занимает Кингстон в настоящее время!

Если он клюнет на тебя, то станет не только бесклассовым, но и трупом, к тому же его перестанут уважать! Чёрт, если я не смогу убить его, то натравлю на него Клея, чтобы закончить работу.

Она только заливается смехом.

— Я знаю, что это звучит глупо. Вот поэтому я и пытаюсь сказать: не верь слухам, потому что мне уже сказали, что некоторые люди думают, что Кингстон и я переспали, но *это* не так. Он даже с трудом разговаривает со мной. Так что остальные слухи тоже могут быть лживыми.

— Единственное, что я скажу — ему лучше следить за собой, — говорю я ей. — Довольно многие бывалые здешние парни столкнутся с тем, что их девушки начнут вилять хвостом перед ним.

Саванна кивает.

— Кстати говоря, я лучше пойду спасать Кингстона от Клея, или, по крайней мере, буду там на всякий случай. Ты же знаешь это этого человека.

— Кого именно?

— Клея! — отвечает она, смеясь.

— Мы действительно называем его *человеком сейчас*? — спрашиваю я, наблюдая, как она уходит. — Потому что я бы не сказала так о нём.

— Смешно, Эхо! Не позволяй ему услышать этого. Иначе его сердце не выдержит.

— Я попробую! — кричу я, но она уже слишком далеко, чтобы услышать меня.

Оставшись дома наедине с собой, меня поражает внезапная, всепоглощающая потребность поговорить со своим братом. Поэтому я выбегаю из этих знакомых мне мест,

чтобы немного уединиться, но решаю оставить всё как есть... и спрятаться прямо под открытым небом.

А именно на переднем крыльце.

Глава 7

Я набираю Себастьяна и улыбаюсь, когда он отвечает после четвёртого гудка. Только от услышанного простого «Привет» мои глаза начинают покалывать от горько-сладких слёз.

— Эй, братишка, — тихо отвечаю я, сражаясь со своей печалью и пытаюсь не выдать себя. — Это я, Эхо.

Он смеётся.

— Кто такая Эхо?

— Прекрати, — отвечаю я со смешком. Думаю, мне не нужно было говорить кто я такая, после того как назвала его «братишкой», не говоря уже о том, что мой номер записан у него в телефоне. — Как ты?

— Чертовски сказочно! — его попытка сымитировать акцент терпит неудачу, и мой смешок превращается в неистовый смех.

— Боже, скажи мне, что ты шутишь. Ты же знаешь, что не должен разговаривать как они, не так ли?

— Да *шучу* я, успокойся, можешь прекратить там закатывать свои глаза, — отвечает Себастьян, напоминая мне о том, насколько хорошо он меня знает. — А если без шуточек, то я просто великолепно. Ты бы полюбила это место, Эхо. Это живописное место напоминает мне о тебе.

— Но ты же все-таки скучаешь по дому, — я тяжело сглатываю, — да?

Я хорошо его знаю, но, даже не видя его перед собой прямо сейчас, знаю, что он качает головой в ответ.

— Конечно же, скучаю. Я же сказал тебе, что не заинтересован оставаться здесь навсегда, так что не волнуйся об этом. Поправочка: тебе лучше *перестать* волноваться об этом. Теперь рассказывай, как там все поживают?

Разве он ни с кем ещё не разговаривал после того как уехал?

— Неплохо. Сэмми и я работаем над его фокусами. Он действительно надеется, что папа позволит ему показать несколько на одном из праздничных шоу.

— Сними мне видео, если он будет выступать. Пообещай, что сделаешь это.

— Будет сделано, — я немного расслабляюсь. — Мама и папа... Мама и папа, — я смеюсь. — Ты разве не разговаривал с ними?

— Немного пообщался, когда приземлился, — чувство вины слышится в его голосе. — Мне нужно позвонить маме сразу же после разговора с тобой. Только не говори ей о том, что мы разговаривали, хорошо? Я хочу ей...

— Я знаю, — сжимаю губы и спрашиваю, — что насчёт Саванны? Ты уже звонил ей?

Он издаёт хмм-и-кххм звук, но не отвечает на мой вопрос.

— Серьёзно? — мой возглас звучит настолько громко, что ему явно слышен мой шок.

— Эй, она ведь мне тоже не позвонила! — защищает он себя, но на удивление беспокойство в его голосе отсутствует. — Зачем открывать ящик Пандоры?

Открывать ящик Пандоры? Что это вообще значит? Он это серьёзно прямо сейчас? Они были неразлучны последние несколько лет, никогда не могли держать свои руки друг от друга. Я думала, что расстояние только укрепит их отношения... а теперь мы говорим о ящике Пандоры?

— Ох, ну даже не знаю, — наконец отвечаю я. — Возможно, потому что она твоя *девушка*?

— Ты моя младшая сестра — мой самый родной человечек во всём мире, и я даже тебе не позвонил. Я чувствую себя намного хуже из-за этого, — *Боже, как же я люблю своего брата*. — Ну, расскажи мне о Кингстоне. Как всё проходит?

Теперь моя очередь очень тщательно подбирать слова.

И, видимо, это занимает слишком много времени.

— Что такое, Эхо? Если этот ублюдок...

— Успокойся, — говорю я, останавливая его напыщенную речь, прежде чем он всё выскажет. — Кингстон в порядке. Он не сделал ничего за что ты должен его убить, по крайней мере, ты должен гордиться тем, как он поставил Камдена на место в школе.

«Вот же дура, Эхо! О чём я думаю?»

— Что сделал этот кусок дерьма? Я убью его чёртовой заднице!

Я удивлена, что мои родители до сих пор не услышали его крика на весь дом и не прибежали сюда.

— Он сделал некие непристойные комментарии, ну знаешь, в его стиле. Но Кингстон заткнул его десятью словами, — я не могу сдерживать улыбки, с гордостью рассказывая о моём новом соседе, и, возможно, с капелькой лести в свой адрес.

— Хорошо. Он спит в моей кровати, и я уверен, он никому не позволит плохо обращаться с тобой. Возможно, я и ему позвоню позже.

Я пытаюсь сдержать смехок.

— Неа, ты не можешь симитировать их жаргон с акцентом даже, когда злишься. Прости, братец.

— Просто подожди немного и увидишь, какой у меня будет отличный акцент, к тому времени, как я вернусь домой. И тогда я смогу использовать его на всех этих американских девушках.

— Во-первых, ты американец, так что ты уж там постарайся и не забывай о своей нации, хорошо? И единственной девушкой, на которой ты должен использовать этот чудо-акцент — Саванна.

— Да-да. Так ты поставила Кингстона на место, как всегда старалась сделать со мной?

От меня не ускользает, как быстро он уходит от разговора о Саванне, но решаю не продолжать. Это их дело. Я просто хочу поговорить со своим братом.

— А ты как думаешь? — моя усмешка выходит самодовольной.

— Думаю, что если ты ещё не сделала этого, то ему лучше подготовиться. Предполагаю, будет лучше, если я поговорю с ним об этом лично.

Я не собираюсь тратить свои силы попусту. Если скажу Себастьяну не звонить ему, то это только заставит его сильнее захотеть позвонить.

— Делай, что хочешь. Просто береги себя, и звони мне хотя бы один раз в неделю, хотя бы чтобы просто сказать *«привет»* и дать знать, что ты жив. Это займёт всего несколько минут. Мама сказала, что изменила твой план.

— Хорошо, — его голос становится каким-то отдалённым, словно он отвлёкся, и через

секунду я слышу, как он говорит кому-то подождать минутку.

— Себ, всё хорошо, ты можешь идти. Я просто соскучилась по тебе. Хотела услышать твой голос и убедиться, что ты не забыл о нас, — закрываю глаза, мне так сильно хочется обнять его прямо сейчас. — Я люблю тебя, Себастьян.

— Я люблю тебя больше, Эхо. Поклянись мне, что будешь в порядке? Как ты спишь?

— Хорошо... Всю ночь, насколько мне известно.

— Значит, чай помогает? Я купил тебе более чем достаточно, так что пей его каждый вечер перед сном.

— Себ, я пью его. Ты же не будешь жить со мной до конца жизни. Со мной всё будет в порядке, и я умею самостоятельно заваривать чай.

— Обещаешь? — произносит он с сомнением. — Ты не о чём там не умалчиваешь? Если я нужен тебе там, я готов вернуться домой. Ты знаешь это.

— Я никогда не лгала тебе, Себастьян. Я в порядке. Обещай, что *не будешь* волноваться.

— Я не буду, пока ты говоришь, что всё нормально. Если что-то изменится, звони мне сразу же. Я серьёзно.

Я знаю, что он выполнит то, о чём говорит, но я никогда не посмею вернуть его. Я большая девочка, и у меня есть план, как доказать это.

— Конечно же, буду. Веди себя хорошо и не попадай в никакие неприятности, — говорю я с небольшим смешком.

— Не могу ничего обещать, кроме этого, — он смеётся. — Люблю тебя.

— Люблю тебя больше. Пока.

Я вешаю трубку и смотрю в одну точку, проигрывая этот звонок в своей голове. У меня ещё так много вопросов, которые я хочу ему задать: об отце Кингстона, в какой комнате он поселился и почему ему стала неинтересна Саванна. Но если посмотреть с другой стороны, я рада, что не стала спрашивать его об этом. Мне просто хотелось поговорить со своим старшим братом, и именно это я и сделала.

— Ты на самом деле гордишься тем, что я надрал задницу Камдену?

— Господи! — визжу я, бросая телефон и поворачиваясь к Кингстону. — Ты должен перестать вот так подкрадываться. И ты что подслушивал? Это не очень-то и поджентельменски. Ты должен будешь поцеловать ещё пятьдесят рук, чтобы переубедить меня.

К счастью, моя дерзость скрывает признаки разочарования, и от меня не утаивается тот факт, то он надел рубашку обратно.

— Так вот что тебя беспокоит. Ты ревнуешь? — он приподнимает одну бровь, ожидая моего ответа.

Я не знаю, почему он старается очаровать всех этих девушек именно таким способом, ведь всё, что ему нужно — это подмигнуть и улыбнуться им, что он сейчас и делает.

Я поднимаю свой телефон — к счастью для него он не разбился — и встаю.

— Ха. Правильно. Но нет, я просто обеспокоена твоим здоровьем. Поверь мне, тебе не захочется знать, где успели побывать ручки этих *тарталеток*.

— Мм-хмм, — низкий звук вырывается из его груди, когда он садится на ступеньки, где ранее сидела я. — Как дела у твоего брата?

Я пожимаю плечами.

— Отлично. Сказал, что ему там очень нравится.

Он кивает.

— Не сомневаюсь в этом. Мой отец может быть весьма гостеприимным, когда ему это

надо.

Я сажусь рядом с ним.

— А твоя мама? — спрашиваю тихо, стыдясь своей назойливости, но не в силах удержаться от вопроса.

— Моя мама умерла, когда я был маленький, Эхо. Ты можешь поднять голову, я не против твоего вопроса. И, честно говоря, я уже скучаю по этому красивенькому личику.

— Ты скучаешь по ней? — обдуманно спрашиваю я, когда нервозность проходит.

Он качает головой.

— Я не помню её, чтобы скучать по ней. Но люди говорят мне, что она была замечательной женщиной, так что я часто представляю её себе, и что было бы если бы она была рядом. Имеет ли это хоть какой-то смысл?

— Имеет, конечно, — я опускаю свою руку на его. — Мне очень жаль, Кингстон.

Сильные, крепкие мышцы на его руках напрягаются, когда он ставит обе руки на ступеньку и подвигает своё тело ближе к моему. Он опускает голову, и наши глаза оказываются на одном уровне.

— Почему тебе жаль, Любовь моя?

Я не могу оторвать своего взгляда от искренности в глубинах его глаз.

— Потому что ты не рос с мамой, и ты не можешь вспомнить время проведённое с ней. Моё сердце болит из-за этого... из-за тебя.

— Ты говоришь искренне, — говорит он без тени сомнения. Я молчу. — И ты даже пропустила мимо ушей мой комплимент. Ты разве его не слышала, или тебя просто отвлекли мои чувства?

Я открываю рот, чтобы ответить, но он закрывает его, приложив палец к моему подбородку.

— Не нужно. Я уже знаю ответ.

— Кингстон... — выдыхаю я. Я не знаю, что сказать дальше, но к счастью Сэмми спасает меня и в этот момент заходит через парадную дверь.

— Эхо, мама хочет, чтобы ты помогла ей с ужином! И Кингстон, папа сказал, что тебе лучше разгрузить тот грузовик, иначе ты не сможешь получить еду.

О мой Бог. Наш торжественный момент полностью разрушен, и сейчас я смеюсь так сильно, что у меня начинает болеть живот. Потрясённый взгляд на лице Кингстона бесценен.

— Он на самом деле не даст мне поужинать?

— Да, — хриплю я сквозь смех.

— Ну, это меня не страшит, потому что Клей вызвался поработать, желая доказать свою мужественность, и закончил разгрузку.

— И *кто* сможет доказать это? Никто ничего не видел ведь.

— О, кое-кто наблюдал.

Он пристально смотрит на меня, как будто ожидает, что я разгадаю его головоломку. Когда я не отвечаю, он встаёт и протягивает мне руку.

— Забудь. Давай посмотрим, что есть из продуктов. Я голоден.

~~~~~

После таких коротких, но насыщенных моментов, которые мы вместе делим на крыльце,

Кингстон и я окунаемся в общительную рутину. Мои утренние сообщения в душе, которые я теперь с нетерпением жду перед началом нового дня, всегда ожидают меня.

У меня факультатив по математическому исчислению в кампусе только три раза в неделю, поэтому остальные два дня выпадают, и поскольку занятия заканчиваются раньше во вторник я его не вижу. В среду во второй половине дня, я радуюсь, что Саванна бок о бок заходит со мной в класс по исчислениям, а также рада видеть Кингстона, который уже сидит в дальнем углу, недалеко от меня.

Он стреляет в меня маленькой еле заметной улыбочкой, но она говорит о многом. Он даёт мне то, чего я хочу — анонимность, держа своё «стадо» от меня подальше. Он даже садится немного дальше и сосредоточено слушает профессора, — что становится для меня огромным сюрпризом, — но этот план прекрасно срабатывает на девочек, которые ведут себя тихо и пытаются сосредоточиться на учёбе.

К тому времени, как нас отпускают, в моих руках куча записей, а на лице сияет улыбка. С новым «сотрудничеством» Кингстона, занятие прошло без проблем, поэтому я ценю его дополнительные усилия, которые сделали всё это возможным.

И по этой причине я жду его по другую сторону двери. Я собираюсь с ним помириться и предложить подбросить домой.

Погружённый в море одинаковых прилипал, чьи общие черты включают в себя пуш-ап бюстгалтеры и звёзды вместо глаз, он не замечает меня и проходит мимо. У меня нет времени отговаривать себя от того, что обычно заставляет съёжиться в клубок от стыда, поэтому я зову его по имени.

Он оборачивается, обнимая правой рукой за плечи одну из блондинок, которую я не знаю, а вот левой рукой Кингстон удерживает блондинку, — подождите, это же Саванна, — которая лыбится от уха до уха.

— Меня ждёшь? — спрашивает он немного громко, ставя меня этим в неловкое положение.

Я подхожу ближе, сокращая между нами расстояние, потому что хочу, чтобы разговор вышел несколько личным, а не транслировался по всему коридору.

— Я... подумала, что, возможно, ты захочешь поехать домой с Саванной и мной, — говорю я стоически, насколько это возможно, не обращая внимания на девушку по правую сторону его руки.

— О, Клей заберёт меня сегодня! — щебечет Саванна. — Прости, забыла тебя предупредить. Мне нужен наряд для моего дня рождения, и я знаю, что ты не хочешь идти, — она пожимает плечами и улыбается.

— Да, ясно, ничего страшного, — выпаливаю я, чувствую себя идиоткой, а затем посылаю взглядом молчаливое послание Кингстону.

Он понимает меня.

— Это мило с твоей стороны, подруга, но Диана тут предложила мне потусоваться.

— *Дайна*, — хихикает девушка, игриво похлопывая его по груди. Потому что это до чёртиков смешно, когда люди не могут вспомнить твоё имя?

Пофиг короче. Для меня же лучше. Думаю, это типа галочки в графе «Дружелюбная приёмная семья», и он назвал меня «подруга», что означает, — а я очень на это надеюсь, — между нами выстраиваются новые отношения дружбы, отныне ограничивающие комментарии о заднице *Дайны*.

— Окей, думаю, увидимся позже! — бодро говорю я, довольная тем, что поеду домой в

одиночестве, и теми успехами в общении, которые проделала сегодня.

— Хорошо! Пока, Эхо! — слышу я голос Саванны, когда разворачиваюсь, чтобы уйти.

— Пока! — бросаю через плечо, спеша убраться подальше.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Глава 8

Я заканчиваю помогать маме накрывать на стол, когда слышу хруст гравия и рёв двигателя на улице.

— Ну, ты только посмотри на это! — говорит мама в изумлении, практически умоляя меня подойти к кухонному окну и посмотреть на то, что её так поразило.

— Что там? — я отворачиваюсь, мне уже наскучили эти непримечательные выходки. — Какая-то девушка из колледжа привезла его домой?

— Тогда где же она? — ворчит отец, теперь уже стоя у окна рядом с мамой. — И почему это Кингстон за рулём?

Хмм. Кажется, я пропустила некоторые ключевые детали, взглянув на это мельком.

— Вау! — восклицает Сэмми и, открыв со всей силы входную дверь, выбегает. — Это твоя тачка, Кингстон? Могу я покататься? Могу я *поводить*? — я слышу, как голос брата проникает в дом.

— Эхо, утихомирь своего брата, — рычит папа. — И ответь на эти его вопросы — пока этого не сделал я.

— Да, сэр.

Я иду в сторону крыльца и зову его.

— Сэмми, иди сюда, пожалуйста, — я качаю головой Кингстону, стараясь не улыбаться, и говорю одними губами: «*Какого хрена ты купил это?*»

Он кривится в ответ, ухмыляясь.

— Ты видишь, какая у него крутая тачка, Эхо? Посмотри, какая она ярко-красная, словно гоночный автомобиль! Держу пари, она такая же быстрая, — мой младший братик пританцовывает на месте, болтая без умолку — причём очень громко. — Я хочу себе такую же!

— Я всё прекрасно вижу, — смеюсь я и взъерошиваю его волосы, когда он наконец-то успокаивается рядом со мной. — Послушай меня хоть минутку, хорошо? — я приседаю на корточки, опускаясь до его уровня и держа его за плечи, чтобы привлечь внимание. — Ты же знаешь, что ещё маленький, чтобы водить, да?

— Угу, — отвечает он, опуская голову.

— Хорошо. Тогда не говори глупостей и не больше не проси поводить машину. Это пугает маму и сводит с ума папу, — он кивает, но я продолжаю. — И никаких покатаюсь. Ты слишком мал, чтобы сидеть в таком быстром автомобиле.

— Но...

— Никаких *но*. Обещай мне, что будешь держаться подальше от этого автомобиля, Сэмми. Просто, если ты его поцарапаешь, то маме и папе придётся работать вдвое больше, чтобы заплатить за него и всё исправить.

Это привлекает его внимание. Даже в таком возрасте он никогда не ставил наших

родителей в затруднительное положение.

— Я обещаю, Эхо.

— Спасибо, — затем я наклоняю к его уху и шепчу, — к тому же, он, вероятно, даже не понял по какой стороне дороги нужно ехать.

Сэмми хихикает, прикрывая рот, и кивает, на этот раз на самом деле «принимая» мои правила игры.

Поцеловав его в макушку, я поднимаюсь.

— Теперь иди, вымой руки, а затем обними своего отца.

Я жду, пока он исчезнет внутри и закроет за собой дверь, а затем иду в сторону Кингстона; его самодовольная насмешливая ухмылка противостоит моим дерзко приподнятым бровям.

— Красный мустанг в Келли-Спрингс? Что, недостаточно внимания?

— Ну, что я могу ответить? Поскольку я наслаждался моей поездкой от Дианы...

— Я всё-таки уверена, что её зовут Дайна. Вульгарно как-то, — прерываю я. Не могу поверить, что мой разум посетил озабоченные местечки, но он реально так и сделал.

— Ага, она самая. Как я уже сказал...

— Не повторяй этого снова, — я морщусь нос. — Я на полном серьёзе. Мы собираемся кушать.

Он посмеивается, закрывая дверь автомобиля, и подходит ближе.

— Приобрести свой автомобиль было необходимостью. Мне нравится находиться за рулём, — он становится передо мной. — Вождение — один из моих способов расслабиться.

Я так подозреваю, что его слова имеют более глубокий смысл. Но у меня нет времени обдумывать какой именно, потому что он добавляет:

— И я предпочитаю вариант, когда можно избежать поездки с незнакомцами. Конечно же, когда я этого хочу.

— Ты должен был сказать «нет» продавцу, уговорившему тебя купить эту дрянную машину, которая кричит о сверхкомпенсации, — я обхожу его, чтобы лучше рассмотреть безвкусную новую игрушку.

— Тебе не нравится? — спрашивает он с неверием в голосе.

Я оглядываюсь через плечо, встречаясь с его большими, круглыми глазами и приоткрытым ртом. Моя улыбка превращается в саркастическое фырканье, когда я указываю жестом через дорогу.

— Видишь тот грузовик, на котором я езжу каждый день? Я делаю это, потому что он мой. И он мой, потому что я купила его. И это шокирует, знаю, но я купила его, потому что люблю грузовики.

— Ах, потому что там можно встроить кровать? — моё лицо искажается, и я впииваюсь в него взглядом, когда он добавляет: — Это более подходящий вариант, да?

— Ага, более подходящий. И нет, это не причина, но ты уже и так об этом знаешь. Ты просто придурок. А знаешь почему?

— Возможно, это как-то связано с тем, что ты намекаешь на то, что мой новый автомобиль *не вызывает восхищения*?

— Эх, — я пожимаю плечами, — думаю, это имеет значение, только если тебе она нравится. Не моя машина.

Затем открывается входная дверь, и мама высовывает голову, её губы недовольно сжаты.

— Эхо, ты, безусловно, воспитанная девушка, но неужели я воспитывала тебя вести себя

грубо с гостем, которого мы пригласили в наш дом? Скажи мне, что я ошибаюсь, и ты просто засмотрелась на этот прекрасный новый автомобиль Кингстона.

Папа подходит к ней сзади, одаривая меня забавным взглядом.

— Чертовски бросающийся в глаза. Ты мог бы взять джип Себастьяна, Кингстон. Нужно было просто спросить.

— Благодарю за предложение, сэр, но я не хочу навязываться ещё больше, чем уже сделал это. Это не вызвало никаких затруднений. Мой отец одобрил расходы с моих сбережений.

— Учитывая твою *гоночную* историю... Я не должен тебе напоминать, но если ты случайно забыл повторюсь — я не собираюсь терпеть твои выходки, пока ты тут живёшь. Одна авария — и ты уедешь отсюда навсегда. Понял?

— Конечно, сэр.

— И мне даже не хочется знать, как ты так быстро смог получить водительское удостоверение США. Но мои дети? Они не будут ездить с тобой.

Это заявление было сказано с такой угрозой в голосе, что даже я содрогнулась.

— Понял.

Мой папа окидывает взглядом машину, а затем снова смотрит на Кингстона.

— Если всё понятно, то... давайте поедим!

Он разворачивается, молча давая команду всем следовать за ним внутрь.

— Будь душкой, — бормочу я себе под нос, подталкивая Кингстона локтем. — Твой отец послал тебя в Штаты, потому что у тебя были проблемы, и тут у тебя резко появляются права и мустанг. Как тебе это удалось?

— У меня есть свои методы.

— Методы в виде папочкиных денег? *Впечатляет.*

~~~~~

Следующие несколько дней проходят довольно нормально — ну, нормально, если так можно выразиться, учитывая, что новый горячий, британский парень проживает вместе с тобой.

Люди в школе — нет, только женская половина, которая никогда не обращала на меня внимания до этого — теперь приветствует меня каждое утро, чтобы расспросить обо всём, а именно: что Кингстон делал прошлой ночью и с кем он это делал.

И знаете, какой самый задаваемый вопрос? «Есть ли у него девушка?»

Они даже всучили мне записки — насквозь пропитанные духами визитки, на которых написаны их мобильные номера и в мельчайших подробностях описано какие интим-услуги их авторы готовые сделать для него. Но на их фоне особенно выделилась одна девчонка — она вручила мне полароидные снимки! Те сразу же отправились в мусорный бак вместе с её достоинством.

После факультатива по исчислениям в пятницу, я наблюдаю за картиной, как Кингстон открывает двери своей машины одной из брюнеток и та забирается внутрь. Он подмигивает мне через стоянку, в то время как я стою рядом со своим грузовиком и жду Саванну. Я перевожу взгляд на девушку, которой серьёзно нужно поработать над тем, как забираться в машины — особенно, когда на тебе нет трусиков.

Если Бритни Спирс снимала их, то эта особа их даже и не надевала.

Я перевожу на него взгляд и качаю головой. Задаюсь вопросом, поймёт ли он этот жест, и, склоняясь к положительному ответу, показываю ему шесть пальцев, давая оценку этой крали. Она красивая, без сомнений, прям фантазия для многих, и не будем оспаривать остроумие Кингстона — или что-либо ещё, раз на то пошло.

Он приподнимает брови, показывая, что понятия не имеет, что означает мой жест. Я просто улыбаюсь и подмигиваю в ответ, когда подбегает Саванна и запрыгивает на капот моего грузовика.

— Готова? — спрашивает она.

Когда я в последний раз бросаю ещё один взгляд, то вижу только удаляющуюся машину Кингстона, и мне остаётся только догадываться, как он проведёт свой первый настоящий уик-энд в Штатах.

— Всегда.

Как только мы выезжаем на дорогу, я приглашаю Саванну, в соответствии с инструкциями, на ужин этим вечером в честь её дня рождения. Она соглашается, хитро улыбаясь при этом, и вылезает из моего грузовика, после того как мы припарковываемся возле её дома. Я знаю этот взгляд, поэтому полностью готова принять вызов.

— При одном условии — на которое ты конечно же должна согласиться, иначе я не приду на ужин, который так старательно готовит для меня твоя мама каждый год, и это разобьёт ей сердце.

— Теперь ты используешь мою маму против меня? Чёрт, это низко, Саванна, — ругаю я, немного шутя. Она никогда бы намеренно не обидела мою маму... она скорее умрёт, чем скажет что-то плохое в её адрес.

— Не совсем, — она пренебрежительно взмахивает рукой. — Ты же знаешь, я бы не стала этого делать. Но я действительно хочу, чтобы ты пришла на игру этим вечером. Пожалуйста, Эхо? Ради моего дня рождения?

— Что ещё за игра? — спрашиваю я.

— Ты ведь шутишь, верно? — её рот приоткрывается, а глаза увеличиваются. Как это возмо... ладно, чему я удивляюсь, — смеётся она, коротко и резко. — Я забыла с кем разговариваю. Эхо, в нашей школе — ну в той, в которой ты учишься уже последние три года — проводится футбольная игра каждую пятницу. Я в группе поддержки... ничего не припоминаешь?

Ага. Громкие такие, раздражающие, от которых у меня начинает болеть голова.

— Ох, эм... — мямлю я.

— Это наш последний год и главная игра, Эхо.

— Которая из...?

— Серьёзно? Это достойная схватка для того, чтобы в каждом пробудить интерес к сезону.

— Это ведь даже не настоящая игра? — я не хочу показаться стервой, мне просто очень интересно, почему она хочет, чтобы я пришла на эту игру.

— Они на самом деле играют в футбол, и я буду там болеть за них — на мой день рождения. Ты можешь хотя бы сделать взволнованный вид по этому поводу?

Я уже согласилась, потому что это её день. Но я не могу ничего поделать с собой и морщу нос, сжимая губы, словно взвешиваю все варианты, просто чтобы посмотреть, как она взрывается от злости.

— Эх...

— Толпа будет небольшой! — кричит она, скрестив руки на груди.

— Оу, так ещё и никто не хочет смотреть на это?

Теперь я на самом деле дразню её, почему бы и нет? Если я собираюсь пережить этот кошмар, который включает моих одноклассников, то почему бы мне не извлечь из этого хоть *что-то*?

— Нет, Эхо, будет играть только наша команда друг против друга, так что фанатов других команд там не будет. И повторюсь *снова*. Это. Мой. День Рождения!

Прежде, чем я могу закончить мучения и сказать ей, что сдаюсь (и что это означает, что я купила ей духи новой марки, как очень щедрый подарок), она наклоняется к моему открытому окну и свирепо смотрит на меня.

— И ты *ни разу* не приходила, чтобы посмотреть мои выступления. Я прошу тебя, пусть это будет подарком, пожалуйста, будь там сегодня вечером.

Я вздыхаю, упираясь лбом в руль.

— Хорошо. Во сколько и где? — поднимаю взгляд, посмеиваясь, когда она начинает пищать и хлопать в ладоши. — И это будет единственная игра, на которую я приду. Запомни это хорошенько.

— Отправимся напрямиком из твоего дома после ужина. Не хочу, чтобы ты заблудилась, пытаясь найти огромное футбольное поле, *расположенное непосредственно позади нашей школы*. Увидимся через час!

Она стучит рукой по моему грузовику и убегает в свой дом.

На что, чёрт возьми, я только что согласилась?

Но мне же нужно как-то подарить духи.

~~~~~

Саванна появляется как раз к ужину, как и Клей, потому что это наша давняя традиция. Единственный кого не хватает, чтобы насладиться огромным вниманием моей мамы, которая приготовила на всех — Себастьян... и его дублёр.

Сэмми задаёт мне вопрос, с набитым ртом, конечно же.

— Где Кингстон?

— Он позвонил и спросил, может ли пропустить этот вечерний ужин. Не вижу здесь никакой проблемы, — говорит мой отец. — Кушай свою пищу, сынок. У меня есть своя. И мне не очень хочется смотреть на твою.

Как и в любой другой день рождения, мы смеёмся и рассказываем истории. Главной темой сегодняшнего дня является Себастьян, которого нам всем так не хватает, хотя я еще не слышала, чтобы он звонил Саванне. Трудно поверить, что мой брат забыл о её дне рождения, но я не стану поднимать эту тему. И думаю, это хорошо, потому что она видимо не хочет говорить об этом.

Саванна наклоняется и обнимает мою маму.

— Как и всегда, всё очень вкусно. Большое вам спасибо, Джули, но мы должны идти на игру. Я надеюсь, вы поймёте.

— Конечно, дорогая. Мне просто жаль, что Себастьяна нет здесь в этом году. Ты, наверное, сильно по нему скучаешь, — её ответ больше походит на вопрос. Он пронизан тем же скептицизмом, что едва уловим в её глазах, но она переводит взгляд на Клея, который встаёт со стула, чтобы присоединиться к Саванне.

Я смотрю на своего отца, который в ответ смотрит на меня, как бы молча спрашивая, что происходит с мамой. Он делает лёгкий кивок головой, а я в ответ говорю, что мы не будем обсуждать это.

— Помоги маме убраться, — это всё, что он говорит.

Прежде чем я успеваю ответить, Клей стаскивает меня со стула, в то время как Саванна говорит за меня:

— О, разве Эхо вам не сказала? Она тоже идёт на сегодняшнюю игру, чтобы посмотреть на моё выступление! — она подпрыгивает на месте, а затем смотрит на меня угрожающим взглядом, чтобы я не посмела дать задний ход. — Она обещала, что это станет моим подарком на день рождения!

Папа смотрит на меня, ухмылка появляется в уголках его рта.

— Вот значит как?

— Джон, остановись, — моя мама тянется к нему и хватается за руку. — Думаю, это замечательная идея, раз Эхо решила проветриться. Наслаждайся вечером, дорогая, — она улыбается мне. — Твой отец поможет мне всё убрать.

Тёплое дыхание Клея опалает заднюю часть моей шеи, и я слышу, как он шепчет низким голосом мне в ухо.

— Не волнуйся, малышка. Я прослежу, чтобы ты весело провела время.

И это официальное заявление: сегодняшняя ночь будет сущим адом.

Глава 9

«Ты здесь ради своей подруги, ты здесь ради своей подруги. Ты здесь ради своей подруги». Я продолжаю повторять эту мантру в своей голове, чтобы не повернуть назад и не убежать из этого места.

Половина ребят даже и близко не из нашей школы. А Клей лишится руки, если попытается ещё раз меня обнять. И, несмотря на то, что на мне джинсы и лёгкая курточка, мне по-прежнему немного прохладно, поэтому я в недоумении, почему остальные девушки здесь одеты так, словно находятся в дешёвом ночном клубе в тропиках. Я думала, что болельщицы будут одеты не очень прилично, но девочки в третьем ряду выглядят постыдно.

Какое дерьмовое шоу.

И именно тогда, когда я думаю, что хуже уже быть не может, — Эхо-неудачница попала в ловушку огромного социального круга, — я слышу его.

— Эхо? Конечно же мои глаза меня обманывают.

Я слышу смех Кингстона, когда он идёт в моём направлении, поднимаясь по ступенькам между проходом и притягивая ко мне внимание, после чего останавливается напротив меня.

— Это всё они. Я тут ни при чём, — бормочу я, перечисляя сама себе. — Не обращай внимания на девушку в куртке.

— Ах, перестань, Любовь моя, — он снова усмехается и садится рядом со мной, не желая садиться рядом с Клеем, а десять или около того незнакомцев, сопровождающие Кингстона, становятся тенью позади нас. — Только ты можешь сказать что-то такое забавное, чтобы развлечь меня. Клей, не ожидал увидеть тебя здесь — *рядом* с нашей Эхо.

Нашей? Я посылаю ему убийственный взгляд, но уголок его губ озорно

приподнимается.

— Я никогда не оставляю Эхо сидеть в одиночестве, — рычит Клей, соприкасаясь со мной бёдрами.

— Ты уверен, что... — начинает Кингстон.

— Э-э, Клей? — почти кричу я в спешке, точно не зная, что собирается сказать Кингстон, но уверенная, что это закончится огромным количеством тестостерона. — Не мог бы ты сходить и раздобыть мне горячий шоколад? Я дам денег, — я одариваю его непанической улыбкой, думая, что это должно сработать.

Он наклоняется ко мне, прижимаясь ещё ближе.

— Какого черта ты съешь мне свои деньги. Всё, что угодно, Я достану тебе всё, что угодно. Скоро вернусь. Постарайся, чтобы её никто не обидел, — предупреждает он Кингстона и начинает спускаться вниз по трибунам.

— Какой мудака, — смеётся Кингстон мне на ухо. — Что является чистой правдой. Как будто я бы позволить кому-то, — кроме меня, конечно же, — мучить тебя.

— Смешно, — я с невозмутимостью смотрю на поле, созерцая, как Саванна делает свои трюки. — Вы оба чертовски раздражаете.

— Что на этот раз я тебе сделал?

— Ничего, — вздыхаю я. — Прости. Я просто немного нервничаю, находясь здесь.

— Извинения приняты, — говорит он, после чего одна из девушек позади нас наклоняется и что-то шепчет ему на ухо.

Я отвожу взгляд в сторону, давая им как можно больше личного пространства, — если так можно выразиться на футбольном матче, — но не могу не заметить, как он сбрасывает её руку со своего плеча.

— Посмотрим, — отвечает он ей. Это задевает моё любопытство настолько сильно, что я оглядываюсь, улавливая её гигантскую улыбку, когда она шепчет достаточно-слышным-приглушённым голосом обещание весёлой ночи.

Когда она садится, я поднимаю четыре пальца, возвращая взгляд на поле, но эта цифра хорошо ему видна.

— Это такой новый способ унижения в Штатах? — спрашивает он. — Как я могу заработать четыре?

Я поворачиваю голову к нему.

— Нет, но твоя новая подружка опускается по твоей временной шкале, — я опускаю руку, продолжая при этом улыбаться.

Он, кажется, задумывается на мгновение, прежде чем его лицо начинает сиять в понимании.

— Не так уж и много, почти, как и предыдущая девушка в школе, как я вижу.

— Неа.

— И мне нужно считать, что этот рейтинг оценивается по шкале от одного до десяти — а десятку, я просто уверен, ты отдашь только той единственной особенной девушке?

— Которая больше подходит под эту оценку, но ты явно не найдёшь такую на этих трибунах, так что даже не старайся.

— Я смотрю только на тебя, — его голос звучит чётко, спокойно и немного хрипло. — И ты ошибаешься насчёт трибун. Немного недалековидно, Любовь моя.

Ничто не может остановить меня от взгляда на него, меня просто тянет это сделать. Но когда я это делаю, лишённая дара речи, Кингстон переводит взгляд на игру.

— Итак, почему *ты* здесь, Эхо? — спрашивает он небрежно. — Ты ненавидишь столпотворения в школе, они для тебе пытка.

Я рассказываю ему о Саванне, и он смеётся — *со мной*, а не надо мной.

— Что насчёт тебя? — спрашиваю я. — Почему *ты* здесь?

— Парни с универа убедили меня прийти сюда, — он жестом указывает на группу парней, которые окружают студенток позади нас.

— Ты же в курсе, что это команда играет за школу, не так ли? Я думала, что вы, ребята, можете найти *занятие* получше — отправиться за счастливым билетом в город или что-то ещё.

— Думаю, мы собираемся в клуб после игры? — *это он спрашивает или говорит мне?* — Саванна присоединится к нам, если я правильно услышал. Почему бы тебе тоже не пойти, что скажешь?

— Конечно же, она пойдёт, — я качаю головой. — Ей теперь восемнадцать, и она отправится в клуб при первой же выпавшей возможности. И если бы я могла, то не пошла, но мне всего лишь семнадцать.

— *Правда?* — он, кажется, удивлён этому.

— В последний раз, когда я проверяла, было именно так, — я игриво имитирую его удивлённое выражение лица.

— Я даже и не подозревал, — отвечает он, понизив голос, лёгкая сутулость нарушает его всегда-идеальную-осанку. — Я думал, что тебе уже есть восемнадцать, так как ты выпускница.

— Не бросайся на амбразуру, — подразниваю я, — это не так уж плохо.

Он что-то мычит, соглашаясь, а затем между нами возникает тишина.

Я пихаю его локтем, обеспокоенная его реакцией.

— Ладно, шутки в сторону. Мне это нравится. Семнадцать не такая уж и фатальная цифра. Мне достаточно скоро стукнет восемнадцать. Но клубы меня никогда не интересовали. Вот так вот.

— Ещё не встречал людей твоего возраста, которые не любят веселиться, — говорит он со смешком.

— Ну, это не совсем так. Я по своей природе немного застенчивая, но ты найди мне хотя бы одного человека моего возраста, который скажет, что я когда-то была враждебно настроена по отношению к нему. И, приветик, вот я на игре!

— И могу с уверенностью сказать, что ты *очень* наслаждаешься этим.

— Ровно настолько, насколько я бы наслаждалась клубом.

Я говорю правду, потому что просто не могу игнорировать всплеск того, что накипело в моей душе. У меня нет абсолютно никакого желания идти в потное, громкое, злчное место, также известное как клуб. Но по какой-то причине меня раздражает тот факт, что Саванна *может и пойдёт* туда.

Мне не нравится в какую тёмную сторону направлены мои мысли, как и моё уже и без того испорченное настроение, поэтому я стараюсь смягчить разговор.

— Так, это твой первый американский футбольный матч?

— Ага.

— Не переживай. Мой тоже.

Я толкаю его в плечо своим, когда вижу, как на его лице появляется мрачное выражение.

— Серьёзно? — его ответ пропитан сарказмом. — Как я уже и сказал, я был удивлён увидеть тебя здесь сегодня вечером. О, а знаешь что? Я совсем не удивлен, — я одариваю его скучающим-не-впечатлил-взглядом, и лёгкая усмешка на его губах превращается в озорной смех. — Я бы с удовольствием взял тебя на игру в регби как-нибудь, но мы можем поиграть и дома. Думаю, ты сочтёшь это более интересным занятием.

— Почему это ты так думаешь?

— Ну, во-первых, больше телесного... трения. Мы не станем напяливать форму или шлемы. По правде говоря, я люблю играть без футболки, — он играет бровями. — И я не могу припомнить... — он смотрит на табло, на котором показан счёт 24:00, — лучше пережить избиение, чем такой плачевный результат.

— Ты играешь в регби? — спрашиваю я более воодушевлённо, чем ожидала, поэтому откашливаюсь, чтобы избавиться от этого голоса. — Я просто... Я хотела сказать, что это должно быть прикольно.

— *Что* должно быть прикольно?

В этот момент появляется Клей, который приносит горячий шоколад, о котором я давным-давно забыла.

— О, Кингстон рассказывал мне, что хочет поиграть в регби на заднем дворике дома. И спасибо за шоколад, — я забираю у него пластмассовую дымящуюся чашку.

— Регби, — усмехается Клей, когда садится.

— Ты знаком с этим видом спорта? — спрашивает Кингстон, наклоняясь передо мной. Я улавливаю слабый аромат его одеколona, который пахнет так хорошо на фоне его мужской враждебности.

— Неа. Я играл в футбол в средней школе. Даже играл в плей-офф два раза подряд, — отвечает Клей слишком высокомерно, учитывая, что Себастьян играл лучше, и, как мне известно, они оба раза проиграли.

— Похвально! — Кингстон демонстрирует свою самодовольную ухмылку. *И вот этот вопрос.* — И как, выиграл?

Клей стреляет в Кингстона уничтожающим взглядом, и даже я могу ощутить эту невидимую энергию напряжённости.

— Ох, ничего себе, вы видели трюк Саванны? — прерываю я их, пытаюсь разрядить обстановку. Я потягиваю свой горячий шоколад, притворяясь, что сосредоточена на игре, и даже на ребятах, бегающих по полю, чтобы не видеть, как эти двое метают молнии взглядом.

— Нет, — отвечает Клей. — Пара травм и спонсоры потеряли к нам интерес. Но мы должны были выиграть.

Кингстон кивает.

— Ага, как же без этого.

Я сижу напряженная и молчаливая, зажатая в ловушке между ними и их осязаемым мужским соревнованием, которого хватит на всю оставшуюся игру. Несколько раз кто-то хлопает Кингстона по плечу и говорит Клею «привет». В такие моменты я могу спокойно вдохнуть ночной воздух, напоминая себе, что футбольные матчи не могут длиться вечно. Но я сомневаюсь в этой теории, потому как ночь продолжается.

И, наконец, звучит звуковой сигнал, указывающий на то, что игра окончена. Я ловлю взгляд Саванны, прежде чем она покидает поле, и она говорит одними губами, что встретится со мной возле моего грузовика. Я киваю в ответ, застёгивая куртку.

— Хорошо, ну... было весело с вами поболтать, — я встаю и натянуто улыбаюсь. —

Думаю, увидимся позже.

— Ого, ты не пойдёшь на стоянку одна, — Клей берёт меня за руку, встречая озлобленный взгляд Кингстона. — Ну же. Я провожу тебя.

Я вырываю свою руку из его хватки, стремглав проношусь мимо Кингстона и спускаюсь вниз по трибунам, не заботясь о том, кто — если вообще кто-то — последует за мной.

~~~~~

Савана ожидает меня возле грузовика, улыбаясь, когда я подхожу.

— Что думаешь?

— Ты была великолепна! — я искренне улыбаюсь. — А то, как вы сделали пирамиду? Очень впечатляюще.

— Ты заметила! — она хлопает в ладоши, как маленький ребёнок.

Вот что я люблю в Саванне: она всегда старается преуспеть там, где находятся её сильные стороны. Ни одна другая девушка в чирлидерской команде не может сделать и половины движений, что делает Саванна.

— Видела ли я тебя на вершине пирамиды? Да, видела, — я достаю свои ключи из кармана и добавляю: — Интересно ли было смотреть на парней гоняющих мяч по полю? Нет, не очень.

Её гордую ухмылку невозможно стереть.

— Спасибо, Эхо. Серьёзно, для меня очень многое значит, что ты пришла сегодня вечером.

Я вдруг ощущаю теплоту и спокойствие, радуясь, что она... ну, счастлива.

— Вы можете обняться и даже поцеловаться, если я разрешу, — слышу, как говорит Клей около меня, напоминая мне о своём, казалось бы, бесконечном присутствии и дурацких попытках пошутить.

Мой локоть ударяется о его рёбра.

— Ты свинья!

Саванна хихикает.

— Конечно, ты разрешишь, чёртов извращенец! Итак, куда вы двое направляетесь?

— Домой, — отвечаю я, крутя ключи на пальце, а Клей одновременно отвечает совсем другое:

— Куда пожелает именинница!

Саванна мечтательно отвечает на автомате, но это и не удивительно.

— «Лунный Свет». Определённо «Лунный Свет». Блин, — продолжает она, хмуро смотря на меня, — Эхо не достаточно взрослая. А знаешь что? Неважно. Мы можем просто...

— Нет, — я поднимаю руку, останавливая её. Конечно же, немного задевает, что ей есть восемнадцать, и у неё больше возможностей, чем у меня, но я не позволю ревности разрушить её день рождения. — Вы должны туда пойти. Проведите хорошо время. Это не моё, независимо от возраста. Просто... будь осторожна, Саванна. Двигайся маленькими шажками.

Последняя часть выходит как мольба, потому что я немного волнуюсь. Я знаю, что моя подруга, перебрав, просто бросается в омут с головой. Она всегда такая.

— Уверена, что не возражаешь? — переспрашивает она, но уже стоит рядом с Клеем и

обнимает его за талию, готовая веселиться. — Чувствую себя не очень хорошо, бросая тебя.

Что-то подсказывает мне, что это *не совсем* правда, но разве я могу её обвинять? Она теперь совершеннолетняя и вправе делать что хочет, в отличие от меня.

— Я в этом уверена. С днём Рождения.

Я открываю дверь грузовика, а она бежит обратно в школу, чтобы захватить свою сумку, Клей следует прямо за ней.

И только тогда я замечаю Кингстона, стоящего не так далеко в тени. Я ожидаю обнаружить в его глазах что-то напоминающее жалость, но когда он подходит ближе, я вижу только мягкую доброту. Поэтому, когда он называет моё имя, я не могу его игнорировать.

— Да? — отвечаю, опираясь на открытую дверь.

— Хочешь, я провожу тебя до дома? Я припарковался вон там.

Я не вижу его спортивной маленькой машины, и он указывает на тёмно-синий Silverado. Я вытягиваю шею, ища спортивное авто, мне нравится дразнить его.

— Где... Позади грузовика, который водит настоящий мужчина? Знаешь, твой автомобиль может поместиться внутри этой красоты, — ликую я, довольная ухмылка появляется на моих губах.

— Должен согласиться с тобой. Этот грузовик воистину прекрасен. Вот почему я купил его, — он расставляет ноги и скрещивает руки на широкой, накаченной груди. — Я бы назвал здесь всё «бездорожьем», поэтому обменял машину, которую ты тайно любила, на этого красавчика.

— Ты обменял посмотри-на-меня машину на грузовик, чтобы *ездить по бездорожью*?

Не уверена, что мои глаза могут прищуриться ещё уже или же что я могу быть ещё больше... шокирована? Впечатлена?

Эта ночь с каждой минутой становится всё более интересной.

— Ага. Меня особенно заинтриговал этот внедорожник, который словно манил к себе. Поэтому я его и обменял.

— Мм-хмм, — я смотрю на него с подозрением. — Готова поспорить, что именно по этой причине ты его и обменял.

Его единственный ответ — подмигивание, после чего он идёт в направлении красивой машины, возле которой нет ни одной девушки.

— Увидимся дома, Любовь моя.

— Я буду видеть десятый сон, когда ты приедешь домой после клуба.

— Я же сказал, что провожу тебя до дома.

Он серьёзно решил пропустить клуб... который, скажу вам честно, меня особенно заинтриговал.

Глава 10

Этим утром я встаю раньше всех, ну кроме мамы, которая читает газету за кухонным столом, наслаждаясь своим кофе и предоставленным за весь день одиночеством.

Она смотрит на меня, когда я вхожу на кухню.

— Эхо! Как прошёл вечер? Тебе было весело?

— Не совсем, — смеюсь я, — но я выжила, — скольжу на стул напротив неё. — И вдруг,

если тебе интересно, наша футбольная команда не очень хороша в этом году.

Он опускает газету на стол, изображая облегчение.

— Я умираю, как хотела это знать. Спасибо за новость, — он подшучивает надо мной.

— Уверена, Саванна была очень рада видеть тебя там.

— Конечно же. Она была хороша. Она полностью отдаётся своей работе как в нашей команде, так и в команде группы поддержки.

— Я знаю, милая, — она наклоняет голову и вздыхает. — Её преданность не всегда столь же сильна, как твоя, но она старается. Она знает, что лучшая в чирлидинге, но не могу сказать, что Саванна настолько же хороша, как ты.

— Мам!

— Что? — она делает невинное выражение лица. — В воздухе ты звезда. И она об этом тоже знает, а сейчас, вероятно, ещё больше, поскольку нет Себастьяна, который упивался каждым её движением.

Я качаю головой.

— Он был не так уж и плох. Я видела, как он критиковал её.

— У меня нет сомнений в том, что твой брат хотел видеть её преуспевающей во всём. Но он также любил находиться с ней рядом каждый день, и поверь мне, она об этом знала.

— Ну, она, кажется, справляется просто отлично.

Мама отводит взгляд в сторону, хмурясь.

— Ещё бы было иначе.

— Что это значит?

— Ничего, милая.

Она снова поднимает газету, но я мягко опускаю её вниз.

— Мама, ты ведёшь себя очень странно по отношению к Саванне. Что ты мне недоговариваешь?

— На самом деле, мне нечего сказать, — она заканчивает разговор, махнув рукой, и пытается сменить тему. — Итак, как ты ладишь с Кингстоном? Он хороший мальчик. И к тому же очень симпатичный.

Я не могу не нахмуриться на её заявление.

— Хорошая попытка. Что происходит между тобой и Саванной? Она что-то натворила?

— Эхх...

— Пожалуйста, просто скажи мне, — я почти умоляю её, не в силах выдерживать эту неопределённость ещё хотя бы минуту.

Она вздыхает.

— Я просто думаю, что Себастьян заслуживает лучшего, чем... неважно.

Я закрываю рот, ошеломлённая, потому что мама только что признала это вслух. Я конечно всё понимаю — будет ли кто-то достаточно хорош в глазах любой матери? — и судя по её строгому взгляду, она сказала всё, что хотела по этому поводу.

— Ну, я просто хочу, чтобы Себ был счастлив, — я встаю, на этот раз с удовольствием меняя тему. — И Кингстон достаточно хорош собой. Что насчёт его красоты... — я равнодушно пожимаю плечами. — Судя по моим наблюдениям, многие его считают таковым.

Смех моей матери следует за мной в фойе.

— Ты идёшь тренироваться? — я киваю, возвращаясь с обувью в руках. — Ты какая-то нервная.

— Я делала это уже сто раз. Я не нервничаю, просто не очень уверена. Ты же знаешь, как всегда говорит папа: «Хорошо, лучше, идеально... Никогда не останавливайся, пока твоё «хорошо» не станет «лучше»...

— А «лучше» не превратится в «идеально», — заканчивает она за меня, смеясь. — Да, я в курсе. Знаешь, Тим Данкан сказал это первым, не так ли?

— Я никогда не встречала Тима Данкана, так что это не он сказал мне первым, это сделал папа. Именно поэтому я и стараюсь изо всех сил. Не возражаешь, если я пропущу завтрак? Я приду на обед.

— Хорошо, милая. И Эхо?

Я останавливаюсь, её серьёзный тон заставляет меня повернуться и обратить на неё всё внимание.

— Ты всё ещё получаешь от этого удовольствие, да?

Я морщусь.

— Конечно. Почему ты спрашиваешь об этом?

— Потому что я твоя мать, — она улыбается и возвращается к своей газете. — Увидимся за обедом.

~~~~~

Поднимаясь на крыльцо, чтобы присоединиться к своей семье за обедом, я вся потная и уставшая встречаю Кингстона, который далёк от того состояния, в котором нахожусь я. Нет, он наоборот выглядит великолепно, как в принципе и всегда, и было бы глупо отрицать это. Он одет в джинсы, чёрные армейские ботинки, из-за которых я чуть не убила в ночь нашей первой встречи, и в чёрную футболку, которая, как подозреваю, выбрана специально, чтобы обтягивать его накаченный пресс. Его тёмные волосы в идеальном беспорядке, и солнечный свет отражается в его серых глазах зелёными крапинками, которых до сих пор я не замечала.

Я не слепая и не слишком гордая, чтобы отрицать, что на него трудно не смотреть.

— Добрый день, Любовь моя, — он ухмыляется, опираясь на дом и скрещивая ноги. — Тренировка прошла хорошо?

— Нормально, спасибо, что спросил, — я шагаю мимо него.

— Ты присоединишься ко мне на сегодняшнем футбольном матче? Я прекрасно знаю, что мы оба наслаждались им прошлым вечером, — он подмигивает. — Почему бы не повторить это снова?

Я чувствую, как мои брови невольно взлетают вверх.

— Они снова будут это делать? Так скоро? Почему? — я сажусь на качели, ощущая вялость в ногах после того, как прозанималась всё утро.

— Как я понял, сегодня играет моя университетская команда, а это совсем другое зрелище.

По-видимому, по субботам играет команда колледжа. *Чёрт, я не стану мучать себя снова.*

Я упираюсь головой в качельную цепь.

— Кингстон, я стараюсь *не* делать того, что мне не нравится.

— Подозреваю, ты *также* не делаешь того, что тебе очень сильно могло бы *понравиться*, — его улыбка становится кокетливой, посылая мурашки — не столь знакомые, как раньше — по моей коже. — Ну же, присоединяйся ко мне, пожалуйста?

Я тут же начинаю отрицательно качать головой.

— Нет. Мне нужно ещё попрактиковаться после того, как я покушаю. Ты же знаешь, у нас выступление завтра. Я должна быть полностью подготовлена.

Он садится рядом со мной на качели.

— Нет, я не знал о завтрашнем выступлении. Что в него входит?

Его интерес кажется искренним, поэтому я принимаюсь объяснять.

— Оно будет проходить в павильоне, — поясняю я, сдерживаясь, чтобы не добавить «цирковом павильоне», потому что мы относимся к этому очень серьёзно. — Мы устраиваем выступления каждое второе воскресенье. Я думала, мои родители тебе уже рассказали об этом. Люди в городе платят, чтобы посмотреть на шоу. И так как Себастьяна сейчас нет, а Саванна не очень уверенно себя в этом чувствует, я буду выступать сольно, поэтому мне нужно убедиться, что я не превратилась в старушку.

Следует долгая пауза, прежде чем он отвечает.

— Я действительно восхищаюсь твоей преданностью своей работе, Эхо. Я с нетерпением жду завтра, чтобы увидеть всё это своими собственными глазами.

Он встаёт и предлагает мне руку, чтобы помочь подняться.

— Ты уже уходишь? — спрашиваю я.

— Ага. Нужно встретиться с несколькими парнями перед игрой.

Я не могу сдержать ухмылку.

— Ах, собираешься прокатить кого-то по бездорожью?

— Нет, — он улыбается, а затем опускает голову, поднимает мою руку и целует внутреннюю сторону моего запястья. Снова. — Первая, с кем я сделаю это, будешь ты.

~~~~~

Я выглядываю из-за синего бархатного занавеса, стараясь успокоить свои разыгравшиеся нервы. Толпа на сегодняшнем шоу просто огромная и состоит в основном из людей моего возраста.

И, кажется, я знаю почему. Так же, как и всюду, куда он идёт, практически каждая девушка в городе пришла посмотреть не на шоу, а скорее на Кингстона Хоторна, вынуждающего других парней города следовать за девушками, которые создают толпу студентов из молодёжи Келли-Спрингс. Я бы сердилась из-за того, что талант и упорность моей семьи превращены в состязание, если бы не тот факт, что каждый из них купил билет, который является доходом для моей семьи. Который зарабатываю я.

И сегодняшняя утренняя записка в душе от Кингстона «*Не сломай ногу, но удачи*» — была достаточно милой, чтобы теперь у меня было отличное настроение.

Когда предшествующее мне выступление подходит к концу, я делаю глубокий, успокаивающий вдох и проверяю в последний раз одежду. Это мой новый наряд, который для меня подготовила мама, и ткань идеально ощущается на теле.

Я киваю отцу, чтобы он включил музыку, и поднимаю правую руку, сигнализируя Клею поднять повыше шёлковые ленточки и опустить воздушный обруч.

Облачившись во всё белое, я испытываю огромную гордость, когда слышу зрителей в тот момент, как освещение падает на то место, где прямо сейчас стою я. Просунув лодыжку в обруч и приведя его в движение, я вращаюсь, переворачиваюсь и танцую под песню «*Completely*» в исполнении Jennifer Day. Я обожаю выполнять эту часть моих самых

элегантных движений — и когда я замечаю Кингстона, сидящего в первом ряду, и вижу, как он наблюдает за мной, что-то заставляет меня подумать, что он полностью со мной согласен.

Наши взгляды постоянно встречаются, когда я поворачиваюсь лицом к толпе, вплоть до финальных нот, завершающих моё выступление, и пока не гаснет свет, скрывая мой уход со сцены. Шквал аплодисментов оглушает тишину, и я с удовлетворённым видом иду по сцене. Этот волнующий и мощный всплеск адреналина отправляет меня в эйфорию.

С гордо поднятой головой я следую за кулисы, не обращая ни на кого внимания, и налетаю прямо на... Кингстона. *Боже, какой же он быстрый.*

— Отлично, — простой искренний комплимент контрастирует с его потемневшим взглядом.

Моё и так уже учащённое сердцебиение становится ещё сильнее, и никакое выступление и шквал аплодисментов к этому не причастны. Сейчас это исключительно из-за дальнейшей похвалы, которую он так тщательно пытается скрыть. Я не могу сказать, что вижу в его пристальном взгляде обожание. Но осмелюсь сказать, что он, кажется, почти загнипнотизированным?

— Я подумал, что тебе это понадобится.

Он протягивает мне бутылку воды, а затем поднимает полотенце другой рукой и начинает водить им по моей коже. Его прикосновения нежные, пока он скользит им вниз по моей шеи, плечам, верхней части груди — тем частям, что остались неприкрыты костюмом.

— Лучше? — спрашивает он хрипло и сразу же откашливается.

— Да, спасибо, — шепчу в ответ. Я не спрашиваю, что он думает о моём исполнении. Я уже всё знаю. И словно огромный прыщ в день фотосессии на школьный альбом, появляется Клей, разрушая момент — который не похож ни на один, что я когда-либо испытывала в жизни.

— Ты порвала всех, Эхо! — *какой ироничный выбор слов.* Он поднимает меня и начинает кружить, моё тело напрягается от такого жеста. — Пойдём праздновать!

— Отпусти меня! — я бью его по руке изо всех сил, стараясь найти землю под ногами, но тут же смягчаю тон, когда он ставит меня на ноги. У меня нет желания снова оказаться в его руках, а также нет никаких оснований принимать какие-либо комплименты.

— Спасибо. Но ты же знаешь, я не могу так просто уйти. Мне нужно переодеться и помочь прибраться. Потом я буду праздновать со своей семьёй и остальными исполнителями за обедом, как мы всегда делаем, — я приподнимаю брови, удивляясь, как он мог забыть о нашей традиции, которой мы следуем в течение многих лет. — Ты присоединишься к нам или нет?

Я задаю вопрос Клею, но при этом смотрю на Кингстона, который кивает в ответ.

— Не хочу пропустить его, — отвечает Клей, подходит ко мне ближе и тоже смотрит на Кингстона.

— Здорово! — весело произношу я слово, которое редко использую, немного напрягаясь от витающей в воздухе вражды между этими двумя, до сих пор не понимая причин. Но что-то подсказывает мне, что не стоит лезть в это.

Потому что, если моё подозрение верно и я не просто льщу себе, то я всё равно ничего не смогу сделать в этой ситуации.

Глава 11

В понедельник утром я срываю с себя одежду и захожу в душ так быстро, словно близка к получению олимпийского золота в беге. Затем поворачиваю кран вправо до упора — чем горячее, тем лучше, — и пар быстро заполняет кабинку.

Это прелюдия.

Как бы сильно мне не хотелось помыться, гораздо сильнее я хочу почитать тайное письмо — наш тайный обмен мыслями, принадлежащий только нам.

Но как только стеклянные стены кабинки затуманиваются, никакие слова так и не появляются. В глубинах моего разочарования зарождается безрассудный страх; прямо сейчас в моих глазах не должны *стоять* слёзы.

Кингстон — запретный плод во многих отношениях: он наш студент по обмену, мой отец его уже предупредил насчёт меня... дата его отъезда уже установлена, и это неизбежно. Так что моё ожидание этих сообщений не только глупое, но и самоубийственное. Потому что чем больше я буду привязываться к ним, тем больше мне будет, когда эти записки исчезнут навсегда.

Я спешу принять свой успокаивающий душ, ощущая тяжесть в животе от разочарования.

Но когда я выключаю воду и выхожу, всё о чём я думала ранее исчезает, и я испытываю безмерное блаженство.

Угадайте, что ещё затуманивается от пара в ванной? Зеркало. И это адресованное мне сообщение самое лучшее.

«В её движениях было нечто такое, что заставило меня думать, будто она всю жизнь не ходила, а танцевала».

Я мгновенно осознаю — *это не очень хорошо*, потому что когда вы думаете, что что-то ушло, но затем сразу же возвращается, ваша тяга к этому становится ещё сильнее, опаснее. Вы полностью осознаете глубину своих желаний и всё что нужно после — пережить утрату.

Слишком много эмоций роятся внутри меня, мой разум накрывает туманная дымка, пока мышцы вокруг сердце сжимаются сильнее. Я знаю, Кингстон и я просто друзья, которые всё сильнее сближаются без определённых усилий. Мы просто соседи по дому, которые нашли способ остроумно общаться.

Но *если бы* это было, *если бы это могло быть* чем-то большим... он был бы чертовски хорош в этом.

Теперь я понимаю, как он может околдовывать девушек толпами. И дело не только в его поразительной внешности или соблазнительном акценте... дело в *нём* самом. Эти девушки — пустышки, ведущиеся на его внешний вид, но они даже и наполовину не осознают, насколько он очарователен.

Но я это прекрасно понимаю. Я вижу в нём этот невидимый, присущий ему шарм, чистую соблазнительность, которая кроется в каждой его улыбке, в каждом движении, в каждом остроумном слове.

Страхивая глупые, романтические мысли, которым не место в моей жизни, я принимаюсь готовиться к школе.

Останавливаясь на стоянке и не обращая внимания на звонок, — который сообщает мне о том, что я опаздываю, — я игнорирую свой внутренний голос и принимаюсь печатать

сообщение.

Я : Ты читал «Энн из Зелёных Мезонинов»?

Пока я ожидаю ответа, звенит второй звонок, но по какой-то необъяснимой причине мне плевать на него. Затем раздаётся звук сообщения, и моё сердце пропускает удар.

Кингстон : Неа. А должен?

Я : Да. Отличная книга. Но я спросила только потому, что цитата, которую ты мне оставил сегодня утром, которая мне, кстати, очень понравилась... она из этой книги.

Кингстон : Ах, ну значит, они украли твою историю, Любовь моя.

Я определённо несправедливо судила девушек, оказавшихся под его чарами. У них просто не было выбора. Он уж *очень* хорош.

Я : Как ты догадался?

Кингстон : Я искал «информацию об Эхо Келли», а затем наткнулся на это. То, что нужно. Прекрасно сказано.

К этому — к нему — можно привыкнуть. И грани обозначенные в моей голове, как и легкодоступное сердце, могут быть полностью уничтожены, но я не могу допустить этого.

Поэтому я заставляю себя снова переключиться в режим друга и ответить соответствующим образом.

Я : Ты на правильном пути. Лучше побереги эти слова для некоторых из таралеток.

Я немного смущаюсь, отправляя последнее сообщение.

Я : Я опаздываю. Хорошего дня, плейбой!

Я бегу в школу, задыхаясь по двум причинам, но довольная собой, потому что вернула контроль над ситуацией, в которой я не хочу копаться.

Во-первых, ты не перестанешь быть застенчивым интровертом, если начнёшь встречаться с Кингстоном Хоторном — обольстителем с лицом, идеально подходящим для фантазий, с телом человека не от мира сего и с окружением знаменитости — ведь он *не* из тех парней, кто будет целовать твои ноги или упиваться тобой. А во-вторых, принятие дружеской стороны — верное решение, потому что сообщения продолжающие приходить весь остаток дня, подтверждают слова, сказанные мною ранее.

Вот, например: во второй половине дня, у меня в кармане вибрирует телефон. В тот момент, когда учитель отворачивается, я принимаюсь читать под столом от него сообщение. Это фотография девушки, которую я вижу впервые в своей жизни, и я пребываю в растерянности, пока мой телефон не вибрирует снова.

Кингстон : Нужен мой Эхо-метр. Что думаешь?

Я : Она может произносить полные, связные предложения, которые хоть как-то имеют отношение к теме разговора?

Кингстон : Ты восхитительна. Если не сравнивать с ТВОИМИ сообщениями, то у неё всё нормально с этим.

Ну раз он так говорит.

Но прежде чем я успеваю ответить, он присылает ещё одно сообщение.

Кингстон : Да, она и вправду говорит по-английски.

Я : Возможно, пока ты не вывернул себе шею, скажешь каким цветом её нижнее бельё?

Я поднимаю глаза и окидываю взглядом комнату. Учительница всё также стоит отвернувшись, царапая что-то на доске. Я понятия не имею, о чём она говорит сегодня, да и мне, если честно, не интересно. Кингстон на фоне всего этого — *весёлое* развлечение. И я не могу припомнить, когда в последний раз вот так отвлекалась.

Он заставляет меня улыбаться, смеяться... *размышлять*. Своими прекрасными шутками он бросает вызов моему разуму, который слишком долго был без достойного соперника. С его появлением моя жизнь озарилась множеством новых цветов — невероятно ярких, которые я открыла для себя, и за что я чрезмерно признательна.

Я ужасно скучаю по своему брату. Да, это правда. Но я рада, что Кингстон здесь.

Кингстон : Она походу не носит его вообще.

Я не уверена, пытается он меня рассмешить или нет. Но надеюсь. Так или иначе, это срабатывает, и я прикрываю рот рукой, заглушая свой смех. Не знаю, почему меня это так насмешило. Возможно, из-за моего хорошего настроения.

Я : Считаешь, из-за этого факта ей автоматически можно поставить 10? Что тебе от меня нужно?

Кингстон : Кое-что. И нет, я тут обнаружил, что кое-кто, кто появился в моей жизни, помог мне немножко поднять свои стандарты.

Я улыбаюсь, радостная от того, что внесла хоть какую-то лепту. Кингстон должен быть разборчивее. Он должен подобрать себе такую девушку, которая будет его достойна.

Кингстон : Я могу получить оценку? С каждой минутой, что ты заставляешь меня ждать твоего решения, она становится всё влажнее.

Я : Возможно, она и без нижнего белья, но чтобы оценить справедливо, мне нужно больше информации. Её смех: он человеческий или писклявый, типа больше похож на звуки животного?

Кингстон : Определённо последнее.

Я : Попроси её произнести слово по буквам.

Проходит несколько минут. Бедная девочка — могу представить, как она морщит лицо, оказавшись впутана в это «милое» недоразумение.

Кингстон : Провалилась.

Я хихикаю, прежде чем принять решение. Чувствую себя немного виноватой за такую предвзятость, но фальшивый смех, не способность произнести слово по буквам, да ещё и без трусиков? Неа.

Я : Двоечка.

Кингстон : Согласен. Благодарю тебя за блестящую мудрость.

Я : Делаю всё, что в моих силах. Теперь мне нужно немного поучиться. И ты тоже должен последовать моему примеру.

Либо он залип с «двоечкой», несмотря на мою ей оценку, либо решил последовать моему совету и принялся за учёбу, потому что я ничего не слышала от него до обеда. И в следующем его сообщении прикреплено другое фото.

Кингстон: Как насчет неё? Она обладает определёнными «религиозными» качествами.

Я буквально выплевываю напиток, только что набранный в рот, на людей, которые теперь смотрят на меня.

— Ты чего это? — возмущается Саванна, вытирая кока-колу со своего свитера.

— Ничего, извини, — бормочу я, глядя вниз на свой айфон.

— Я серьёзно, что там такого интересного? Ты даже не слушаешь, что я тебе говорю, — ноет она, забыв, что на меня не действует «этот» голос. Он работает только на Себастьяна.

Я : Потому что она и ЕСТЬ религиозная. Это же миссис Турман, ЖЕНА пастора Брось это дело, плейбой. БРОСЬ. ЭТО. ДЕЛО. И я знаю, что ты не выбирал класс религии тогда почему ты находишься рядом с ней? Ох, Боже. (Прости за каламбур).

— Ну, по крайней мере, я пыталась, — фыркает Саванна. — Удачи тебе с твоей Ерундовой Перепиской, или чем ты там занята. Увидимся возле грузовика позже.

Она уходит прочь, и я чувствую, что поступила плохо, но это чувство не настолько сильное, чтобы заставить меня поднять голову и ответить.

Остальная часть обеда проходит спокойно, и после него я иду к своему шкафчику, чтобы избавиться от своего баракла и прихватить книги для следующего занятия. Всё это время я с нетерпением жду, что мой телефон вот-вот завибрирует.

Что и происходит чуть позже, где-то на пятом уроке: на моём последнем школьном занятии в этот день.

Это другое фото.

Эм. Вау.

Я : Кингстон, это ПАРЕНЬ.

Кингстон : Уверена?

Я : Вполне.

Кингстон : Ты прикалываешься?

Я : Ага.

Кингстон : Тогда моя работа здесь окончена. Так что, ты будешь смеяться, когда я увижусь с тобой?

Я : Возможно.

Кингстон : С нетерпением жду этого.

Как и я.

~~~~~

Всю поездку до колледжа Саванна заваливает меня вопросами. Почему мне так весело? Почему я отвлекаюсь? Почему я не уделяю ей 100% обычного внимания?

Я успокаиваю её короткими, уклончивыми ответами, гордясь тем, что подавила желание включить радио на полную громкость.

Я не знаю, что означает эта «штука» между мной и Кингстоном, но я точно уверена, что это только наша фишка — *моя*. И я просто хочу продолжать наслаждаться этим без нравоучений и советов Саванны, которые она постоянно выдаёт. Выдаёт. И продолжает выдавать.

Как только мы паркуемся, она выскакивает из грузовика и бежит к группе людей, собравшихся на тротуаре, и вот тут все волнующие её раньше вопросы заканчиваются. Но, как всегда, я напоминаю себе о том, что мы с ней дружим очень давно и откровения между нами неотъемлемая часть нашей жизни.

Я вхожу в класс и как всегда направляюсь к самой последней парте в заднем ряду, поймав на себе взгляд Кингстона. Он посылает мне небольшую улыбку и подмигивает.

К счастью для него наша «игра» продолжается, не привлекая ко мне никакого внимания, поэтому я спокойно могу давать оценку мысленно и чуть не хихикаю, когда у меня в кармане вибрирует телефон.

Кингстон : Слева от меня... Эхо-Метр?

Я знаю, о какой девушке слева он говорит, и мне хочется не только проявить остроумие, но и убедиться в правильности своего ответа, чтобы было ещё интереснее. Поэтому я быстро захожу в Google, просто чтобы подтвердить свои мысли, и после отвечаю:

Я : Она проститутка. Твёрдый0. Может быть, даже -1.

Кингстон : Проститутка говоришь? Чертовски блестяще!

Я : Ты слишком хорош, чтобы связываться с проституткой.

Ох, он впечатлён. И я знаю это, потому что он тут же поворачивается на своём стуле в мою сторону и встречается со мной взглядом, ослепляя меня довольной улыбкой.

Нет смысла давать объяснение дрожащему дыханию, которое срывается с моих губ, и я быстро опускаю голову, скрывая свой румянец.

Кингстон . И одна справа от меня?

Я : Это. Девушка. Моего. Брата.

Кингстон : Я знаю это. Но верна ли ОНА ему?

Я : Да. Она просто любит пококетничать и пытается идти в ногу со всеми другими девушками, борясь за твоё внимание.

Кингстон : Мне было бы гораздо спокойнее, если бы я сидел около тебя.

Я громко смеюсь и слышу ответный смешок через всю комнату.

Я : Никто тебя не покусает, не переживай.

Кингстон : Сомневаюсь. Но если я выживу, ты подождёшь меня после занятий?

Я : Хорошо, но только ты должен быть один. Возле моего грузовика. Поэтому избавься от своего гарема.

Кингстон : Считай уже сделано.

~~~~~

Несмотря на то, что я сижу на последнем ряду, я первая вылетаю из класса, когда заканчивается занятие. Саванна заранее предупредила меня, что собирается за покупками с одной из девушек из класса после занятий, поэтому я могу запрыгнуть в грузовик и сразу же свалить отсюда.

Если бы не мой интерес, почему Кингстон захотел со мной встретиться.

— Любовь моя.

Он в одиночку идёт по направлению ко мне, ухмыляясь и излучая дерзкую уверенность. Он одет в тёмно-зелёную рубашку, которая выгодно подчёркивает эти серые крапинки в его глазах — если вы заметили их в первый раз, то *всегда* будете обращать на них внимание.

— Текстовый наркоман, — отвечаю я, получая в ответ глубокий, искренний смех. — Чем обязана такой внезапной встрече?

— У меня есть идея, которую я надеюсь, ты поддержишь, — отвечает он хитро, и когда подходит ближе, его голос становится на октаву ниже. — Давай повеселимся сегодня, только ты и я.

— Как? — я уверена, что скептицизм в моём тоне соответствует моему выражению лица, но это абсолютно противоположно моему внутреннему волнению.

— Выбор за дамой, — он берёт меня за руку и слегка пробегается губами по моему запястью. — Ты сегодня ещё более прекрасна, чем обычно — такая игривая. Я буду ждать ответа столько, сколько понадобится.

— Ты сегодня довольно посредственный, — я не знаю, что мне делать со своим голосом и языком тела, которые ведут себя очень странно — возможно это такой отклик на жалкую попытку заигрывания?

Моё настроение мгновенно испаряется и на лице появляется разочарованное выражение.

— Ты забыл кое о чём: мои родители, — а ещё я забыла, что Кингстон под запретом.

— Эхо, — отвечает он со смехом, — сколько неприятностей можно встретить ночью в понедельник — особенно тебе? Позвони маме и спроси у неё. Она разрешит.

— Лаадно, — я растягиваю слова, доставая телефон. Я уверена, что он только что сказал *позвонить* ей.

Удача, кажется, на моей стороне, и мама отвечает после второго гудка. И когда я бросаю такие слова, как «учёба» и «исчисления», она без проблем говорит «да».

Я просто смотрю на телефон, после того как отключаюсь, чувствуя себя немного шокированной... и слишком напряжённой.

Смех Кингстона раздаётся за моей спиной, на его лице читается веселье.

— Я был прав?

— Да, но мы должны поговорить об исчислении хотя бы раз, чтобы я не совсем лгала своей маме.

— Как же стыдно, мы ведь не химию будем изучать, — он склоняет голову на бок и самодовольно усмехается, ожидая моей реакции.

Я закатываю глаза, не обращая внимания на вспыхивающие искры, которые появляются внутри меня, но всё же не удерживаюсь от улыбки.

— Прекрати.

— Одна проблема решена, — отвечает он, игнорируя мой последний комментарий. — Куда теперь?

Глава 12

— Я поведу, — говорю твёрдо.

К моему удивлению, Кингстон не спорит и открывает для меня дверь, смотря с понимаем из-под густых ресниц.

— Конечно.

Мы без слов достигаем взаимопонимания в том, что мой грузовик будет гораздо незаметней в городе, чем его, и мы сможем насладиться простым уединением. Хотя я сомневаюсь в этом, потому что у женщин Келли-Спрингс, похоже, установлен гормональный GPS-навигатор, который определяет его местонахождение в любое время, но наш план, безусловно, увеличивает шансы — не говоря уже о моём папе, который не очень обрадуется, если узнает, что я ехала с феноменальной скоростью.

Кингстон забирается внутрь и одаривает меня кривой улыбкой, ничего не говоря, он просто смотрит на меня этими серыми глазами.

— Что? — спрашиваю я.

— Ничего. Просто не терпится увидеть, куда ты меня привезёшь.

Хмм. Если учесть факт, что я никогда не была на свидании или на каком-нибудь пикнике с парнем — особенно, когда выбор был за мной — это действительно проблема. Так как наш город не совсем процветающий мегаполис с всякими развлечениями, я на самом деле понятия не имею, куда мне его отвезти.

— Возможно, нам стоит перекусить? — предлагает он.

Я перестаю терзать свою губу, которую жевала во время размышлений. Повторюсь, тут

не так и много вариантов развлечения. Есть небольшая закусочная, но так как у нас нет скидки для пенсионеров, не думаю, что мы туда впишемся. А те места, где можно перекусить гамбургером или мороженым, будут переполнены людьми нашего возраста. *Поэтому, нет уж, спасибо.*

— Ты никуда не спешишь? — спрашиваю я. Место, о котором я вдруг вспоминаю, находится в тридцати минутах отсюда.

— Неа. Я весь твой — вся ночь принадлежит нам.

Его голос звучит так беззаботно, но его глаза... они прекрасны и откровенно признаются в его более глубоких мыслях.

— Хорошо, — я откашливаюсь и начинаю ёрзать. — Я знаю одно секретное местечко в соседнем городе. Себастьян возил меня туда несколько раз, и теперь... Я отвезу тебя туда. Пристегнись.

— Ты ездила туда только со своим братом? — спрашивает он, пристегивая ремень безопасности. — Ты не ездила туда с кем-то ещё?

В его словах кроется что-то ещё помимо простого любопытства — непонятное, не поддающееся объяснению.

— Нет, только я и Себастьян. А что?

— Ничего.

Он лжёт. Этому есть причина, и я отчаянно хочу её узнать, но ничего не предпринимаю. Боюсь, если он ответит честно, то я проиграю борьбу с самой собой и уступлю чувствам.

— Итак, — мой голос по-прежнему дрожит, когда я пытаюсь заполнить эту гнетущую тишину, — хочешь послушать радио? Я имею виду, что сомневаюсь, что будут играть Spice Girls, но мы наверняка можем найти что-то ещё по твоему вкусу.

Он запрокидывает голову назад и раздражается хриплым смехом.

— Spice Girls — единственная группа из Великобритании? — он щёлкает языком. — Какой позор, Любовь моя. Ты же знаешь, мы раскручиваем лучших. Это и так понятно, вы нам немного завидуете.

— Завидуем в чём? — я бросаю ему вызов, прокручивая в голове, по крайней мере, пять ответов. Но вместо того, чтобы поделиться своими размышлениями, я с нетерпением ожидаю его ответа.

Он ёрзает на своём кресле и поворачивается ко мне лицом, выгибая одну бровь и приподнимая уголок рта — одаривает меня «фирменным» взглядом.

— Окей, значит музыка. Отличный способ узнать друг друга получше, я согласен. Я перечислю тебе потрясающие группы, рождённые в Великобритании, а ты назовёшь мне свою любимую песню в их исполнении. Идёт?

— Интересное предложение, — соглашаюсь я быстро, радуясь этой лёгкой смене интригующего разговора.

Остальная часть нашей поездки проходит легко, а так же весело, насколько я помню. Редко наш выбор «лучшая песня» совпадает, но каждая из них многое говорит о каждом из нас. Я всегда выбираю медленные, романтические баллады, в то время как он предпочитает быстрые, будоражащие кровь хиты — песни, раскрывающие наши личности.

Когда мы начинаем обсуждать Coldplay, обнаруживаем, что уже добрались до места назначения.

— Приехали, — объявляю я, паркуясь. — И ответ — песня «Fix You». Чёрт, — я

выражаю своё неодобрение и выхожу из машины.

Он идёт в мою сторону и останавливается возле меня настолько близко, что я вижу, как расширяются его зрачки. Я чувствую смешанный аромат его естественного запаха и одеколona, а также исходящую от него напряжённость.

— Тут абсолютно нечего обсуждать, — он медленно пробегается глазами по моему телу, а затем встречается со мной взглядом. — «Paradise» — моя любимая песня, — добавляет он хрипло, и мою кожу начинает покалывать.

Если девушка оказывается именно в таком моменте застывшего времени — пойманная этими благоговейными, вкрадчивыми словами изо рта этого мужчины, его тёплым дыханием на своём лице, — то она готова упасть к его ногам и никогда не станет прежней.

Но, увы, это не мой сказочный момент, мои ноги не покидают землю. Кингстон говорит словами из романов или стихотворений, потому что он их практиковал, совершенствуя искусство обольщения, чтобы получить несчастных девушек, которые ведутся на его лапшу и готовы пойти ради него на всё. И когда достигает желаемого — нет, скажем так, когда ему наскучит его игрушка, в чём я не сомневаюсь — он просто оставляет их позади... так же он поступит и со мной в конце учебного года.

И я уже знаю, что буду по нему скучать, поэтому не собираюсь всё усложнять и добавлять ещё что-то к этой неизбежной боли.

— Эхо?

Моё имя шёпотом срывается с его губ. Я качаю головой и моргаю, прогоняя дальнейшие мысли и глупые вопросы, которые явно не должны меня интересовать, и смотрю на него снизу вверх.

— О чём задумалась? — он поднимает руку, собираясь погладить меня по щеке, но я быстро отступаю.

Я произношу следующие слова с уверенностью и озорством, вместо растерянности и испушённости, что ощущаю сейчас на самом деле.

— О том, что собираюсь купить тебе лучшую пиццу, которую ты когда-либо ел, и это не потому что я супер-классная девушка, а потому что это наименьшее, что я могу сделать для твоей брутальной задницы, чтобы загладить вину за предстоящее жестокое её надирание, — я смеюсь и хватаю его за руку, чтобы затащить внутрь. — Ну же, пойдём.

Мы садимся в дальнем углу друг напротив друга. Кингстон оглядывается, прибывая в какой-то прострации, и я начинаю хихикать.

— Пытаешься выяснить, где встретишь свою смерть?

Он улыбается, и интригующее выражение расплывается на его лице, а в глазах мерцает веселье.

— Я нигде не вижу боксёрского ринга или грязевую яму, — он играет бровями. — Не то, чтобы я жалуясь. Но не буду скрывать, мне жуть как интересно узнать детали твоего обещания о том, что ты сделаешь с моей брутальной попкой.

— Скоро увидишь.

Я подмигиваю, когда официантка подходит к нашему столику. После чего она *целую* минуту буквально ничего не может сказать, не говоря уже о том, чтобы принять заказ. Это и не удивительно, она слишком занята, разглядывая Кингстона, будто он животное в зоопарке.

Я инстинктивно закатываю глаза, но она, конечно же, не замечает этого, потому что понятия не имеет, что я тоже тут сижу. Да, он без каких-либо усилий выглядит красиво и очаровательно, но блин, *серьёзно?* Это же грубо. У меня хорошее настроение, поэтому я

решаю снять с себя мантию невидимки и вместо этого повеселиться.

— Приветик! — говорю я достаточно громко, чтобы она больше не могла продолжать меня игнорировать. — Я буду салат с обезьяньими мозгами и напиток из крови огромного козла, о, ещё лед туда положите, пожалуйста.

Глаза Кингстона становятся большими, а его лицо мертвецки-бледным.

— Ч-что? Эхо, я всегда открыт для чего-то нового, но ты не можешь быть... — он останавливается на полуслове, сужает глаза и уголок его губ немного приподнимается. — Блин. Ты это не серьёзно, — он расслабленно выдыхает. — Слава Богу.

— Только посмотрите на *них*, — говорю я с дерзкой улыбочкой, — тех, кто меня услышал.

Теперь она считает меня достойной внимания, и поворачивается ко мне с кислым выражением лица.

— Что будете заказывать?

— Мой безнадежно преданный парень и я будем два больших «Золото Дураков» и две большие колы, — говорю ей, а затем наклоняюсь через стол к Кингстону и хлопаю ресницами. — Ты согласен, мой сладкий зайчик?

Его взгляд опаляет, словно жидкая сталь.

— Всё, что пожелаешь, моя милая кошечка, — мурлычет он, не разрывая наши взгляды.

— Хммм, — неодобрительно бормочет официантка, прежде чем уйти. Я предполагаю, что она ушла — всё же ушла, так как не оглядываюсь.

Кингстон тут же начинает петь в своей манере.

— Милые коготки. Ты чертовки сексуальна, когда ревнуешь.

— Я не ревную, — смеюсь я сквозь свою ложь, скрещивая руки. — Я оскорблена. Что если бы я и правда была твоей подружкой? Она должна принимать заказ, а не игнорировать меня и заниматься с тобой глазным сексом!

— Глазной секс? — он усмехается. — Думаю, этот звучит по-другому, типа «трахаться глазами».

Ах, конечно, этот жаргон он отлично знает.

Я пожимаю плечами.

— Знаю. Я пыталась не быть грубой. Ты должен выражаться менее грубо.

— Если бы ты *была* и в самом деле моей девушкой... — теперь он наклоняется через стол ко мне, говоря хриплым голосом, от которого мои бёдра начинают дрожать. — Я бы сделал так, чтобы все возможные грязные, грубые слова слетели с твоих уст прямо мне в ухо — несколько раз.

Я тут же опускаю глаза, молясь, чтобы моё лицо не приобрело ярко-красный цвет из-за бушующего внутри меня жара.

— Кингстон, остановись. Ты не можешь...

Официантка спасает меня, вернувшись и опустив с шумом наши напитки на стол.

— Ваша пицца будет готова в ближайшее время. Что-нибудь ещё?

Когда я не предпринимаю никаких попыток поднять голову или ответить, Кингстон отвечает ей за меня.

— Больше ничего, спасибо.

Мне нужно выпить, чтобы немного охладить себя и утолить сухость во рту, но я не могу пошевелиться из-за смущения.

— Эхо, — говорит он мягко, — пожалуйста, посмотри на меня.

Я поднимаю только глаза, оценивая насколько искренне он говорит, при этом соблюдая осторожность под его вопиющим натиском сексуальности.

— Прости меня, я зашёл слишком далеко, знаю. Я часто теряю голову в твоём обществе, и я прошу прощения за это. Я бы никогда намеренно не оскорбил тебя или смутил. Просто... Я мужчина, а ты... — он вздыхает и запускает одну руку в свои тёмные волосы.

— Я что? — уверенно спрашиваю я, зная, что произношу это вслух.

— Ты не похожа на других, и я буду помнить об этом.

«Почему он так грустно смотрит, говоря это?»

— Поэтому, — продолжает он, выдавливая неуверенную улыбку, которая, как я предполагаю, является попыткой ослабить напряжение, — расскажи мне что-нибудь, чего я не знаю о тебе, сладкая Эхо.

Внезапное изменение в теме, а также отсутствие флирта, выдёргивают меня из транса, в который я впала.

— Э-э, например?

— Хм, — он потирает подбородок, размышляя. — Что планируешь делать после окончания школы? Какой университет ты выбрала? Факультет?

— Нет и нет, — стону я, глядя на него. — Знаю, это жалко выглядит, но просто... я разрываюсь.

— Между чем? — он потягивает колу, в то время как я глазами ловлю каждое движение его губ.

— Ну... — я моргаю и делаю большой глоток напитка, тщательно продумывая свои следующие слова. — Я обожаю свою семью. И только между нами, я чувствую себя плохо каждый раз, когда думаю об уходе от них.

— Они ведь хотят, чтобы ты была счастлива, — сразу отвечает он. И я знаю, что это правда, но угрызения совести всё же дают о себе знать.

— Вот почему я разрываюсь. Я предана своей семье, но я также хочу свободы, которой никогда не имела — настоящего вкуса свободы. Есть ли *какой-то* в этом смысл?

— Конечно, — его улыбка нежная, понимающая, без какого-либо осуждения.

Я не могу ничего поделать и улыбаюсь в ответ благодарной улыбкой, прежде чем добавить:

— Мне нравится всё артистическое: слова, выражения, движения. Я хочу увидеть и вдохнуть куда большую красоту, чем у меня есть сейчас. Я хочу туда, где смогу постигнуть вдохновение.

Я уже готова извиниться за свою болтовню, но прибывает наша еда.

— Э-э, думаю, они забыли добавить сыр, — возмущается Кингстон, и я смеюсь настолько сильно, что начинаю фыркать. Я настолько погрузилась в себя, что и не заметила, как он перестал меня дразнить, или, кажется, забыл об этом на какое-то время.

Это забавно, потому что «Золото Дураков» состоит из шести различных видов сыра, и только дурак подумает, что это золото, а не неизбежное засорение артерии. Но это безумно вкусно.

И он соглашается с этим, потому что после того, как мы оба делаем нашу первую пробу, любые разговоры для нас перестают существовать.

Кингстон откидывается назад, потирая свой живот, и стонет.

— Так вот в чём заключалась твоя угроза надрать мне задницу — набить мой живот до такой степени, что он будет болеть?

— А я тебе говорила не есть третью порцию, — ругаю я.

— Я думал, что это состязание! У тебя было два, так что я должен был тебя побить. Злая ты, Эхо, — он качает головой, — злая.

— Неа. Ты сам психологически настроил себя на это. Я ничего подобного не говорила. А твоё надирание задницы начнётся прямо сейчас.

Я ухмыляюсь и выскальзываю из кабинки, протягивая ему руку, чтобы помочь подняться.

Он отталкивает мою руку и игриво смотрит на меня.

— Я всё ещё в состоянии встать сам.

И он поднимается. Но затем, он становится рядом со мной, находит мою руку и берёт её, сжимая.

— Я готов. Что дальше?

— Следуй за мной, — я дразню его и веду в скрытую шторами комнату, которая находится в задней части пиццерии.

— И красивая соблазнительница ведёт его в приват-комнату, скрытую шторами, но он с радостью следует за ней.

Он обнимает меня, и я оглядываюсь через плечо, обнаруживая у него на лице страстное выражение, которое соответствует его тону в голосе.

— Успокойся, извращенец. Единственное, что ты тут испытываешь... — я отпихиваю его руку и распахиваю шторы, — ярость Эхо, Королевы игровых автоматов!

Мы заходим в комнату, и я смотрю на его лицо. В его глазах отражается изумление, а па губах расплывается широкая улыбка, когда он видит каждую из давно забытых игр, стоящих перед нами: *Glava*, *PAC-Man*, *Centipede*, *Joust* и *Q*bert* (мой особый фаворит), а также различные игровые автоматы: *воздушный хоккей*, *Скибол*, и — внимание — *Замочи крота!*

— Выбирай свою погибель, мистер Хоторн, — бросаю вызов. — Я смогу победить тебя в любом состязании, которое ты выберешь.

Я добавляю дьявольский хохот, который, по общему признанию, не оправдывает ожиданий, поскольку звучит больше как Граф из «Улицы Сезам», подсчитывающий сэндвичи с арахисовым маслом и желе, чем что-то, напоминающее зло.

Он берёт меня за обе руки и притягивает к себе, его твёрдая грудь внезапно прижимается к моей. Он наклоняет голову так, что наши лбы соприкасаются, медленно облизывает губу, а затем бормочет:

— Что за приз в конце?

Я сглатываю, — действие, которое должно быть беззвучным, далеко не беззвучное, — пытаюсь контролировать хрипотцу в своём ответе.

— Т-там есть счётчик, — тихо отвечаю я, кивая головой, хотя знаю, что его вопрос несёт в себе другой контекст. — Много всего можно купить на выигранные билетки...

Он соблазнительно смеётся.

— У меня нет никакой потребности в резиновых змейках или пластиковых кольцах. Мы ведь можем придумать более интересную награду в качестве победы? — он выгибает брови, умоляя меня глазами согласиться на это.

«Не смей, Эхо».

— Чего ты хочешь? — выдаю я на автомате, отбрасывая своё внутреннее предупреждение на задний план.

— Я хочу танец, только для меня. На твоём месте... возле твоего дерева.

— А если выиграю я?

— Всё, что пожелаешь, Любовь моя.

Что же я желаю? Мне нужно подумать над этим, потому что «Быть брошенной мужчиной шлюшкой и не остаться покинутой» явно выходит за рамки этого соревнования.

А затем меня осеняет: идеальное решение проблемы, которая преследует меня с последнего дня моих младших классов. Желание этого «опыта» до сих пор живёт во мне, но отвращение каждый раз приводит меня в мрачную реальность, когда я начинаю продумывать все возможные варианты.

— Если я выиграю...

Я переминаюсь с ноги на ногу, а затем делаю глубокий вздох и смотрю на него, надеясь, что он увидит насколько трудно мне просить его об этом и не получить в ответ насмешку.

— Ты будешь сопровождать меня на моём выпускном.

Яркая улыбка освещает его лицо, и пламя в глазах заставляет меня облизать пересохшие губы.

— Таким образом, я в любом случае получу от тебя танец, — шепчет он. — Должно быть, это моя счастливая ночь. Ты, Любовь моя, только что заключила сделку.

Глава 13

Поездка домой проходит очень неловко. Представьте, что вы в какой-то степени проезжаете через ад. Или, открыв глаза, понимаете, что это дурной сон, а *вы* стоите перед всем классом обнажённый.

Ага, всё *настолько плохо* по нескольким причинам, и я даже не могу сформулировать ещё более мрачную катастрофу, потому что они обе будут похожи. Излишне говорить, что моё настроение абсолютно испорчено.

— Эй, Эхо? Прости, что прерываю наш многообещающий разговор, который мы сейчас ведём, но мы что, задавили щенка и я этого не заметил?

Я стараюсь не смеяться. *Стараюсь.*

— Эхо поговори со мной. Ты просто не умеешь достойно проигрывать, — говорит Кингстон, не сумев скрыть победный смешок в голосе.

Да, всё правильно, я проиграла. Видимо Мистер-Поедатель-Сердце Хоторн забыл упомянуть, что он мега-крут в винтажных видеоиграх и аэрохоккее. Или что он может прибить долбаного крота, словно у него две пары глаз и четыре руки.

Гадёныш.

— Ну, ты выиграл. Поздравляю. Но это наименьшее из моих забот, — бубню я, одаривая его косым взглядом. — Эго увеличилось?

— Ну, значит, ты не паришься насчёт той части, где будешь танцевать для меня. Ты была настолько поглощена своей победой, что даже не заметила, что я тоже нахожусь там. — *Да, и в самом деле.* — И я наблюдал за тобой раньше, поэтому отказываюсь верить, что это является причиной твоих грустных глаз.

Проблема в том, что мысль о том, что я буду танцевать приватный танец для Кингстона, заставляет мой желудок сжаться в тысячи армейских узлов. Представляю себя, своё искусство, и вот мы уже выходим на совершенно новый уровень под названием «интимность».

Кроме того, я всё-таки проиграла.

Я раздражённо вздыхаю, слишком разочарованная.

— Кингстон... Признаю, я не люблю проигрывать. И я немного нервничаю, потому что мне придётся танцевать только для тебя. Я не *танцовщица* и не твой «личный танцор», поэтому надеюсь, что у тебя нет каких-то там непристойных мыслей, которые уничтожат мой артистизм. Но в любом случае это не случится прямо здесь и прямо сейчас, потому что иначе меня накажут, и я долгое время не смогу покинуть свою комнату, чтобы выполнить свою часть сделки.

Но это не то, что беспокоит меня больше всего.

Он поворачивает голову в мою сторону.

— Что? Почему ты ... о, чёрт, — он стонет и обеими руками хватается за волосы. — Комендантский час. Эхо, мне так жаль. Я потерял счёт времени и даже не думал об этом.

— Это не твоя вина, — вздыхаю я. — Я тоже забыла.

— Нет, — он протягивает руку и сжимает моё колено. — Я исправлю это. И ты поможешь мне справиться с твоим отцом. Обещаешь?

— Ага, а как же, — издеваюсь я. — И как же ты предлагаешь сделать это?

— У тебя есть там запаска? — он указывает большим пальцем на кузов моего грузовика.

— Да, конечно, почему ты... — я съёживаюсь. — Дерьмо. Нет. Себастьян забрал её для кого-то из своих приятелей и забыл вернуть. Хорошо, что ты напомнил мне.

Он молчит, барабанив пальцами по моему колену, пока думает.

— Подожди, зачем она тебе? — спрашиваю я.

Наконец-то его рука исчезает с моего колена, и он щёлкает пальцами.

— Ты знаешь какой-нибудь короткий путь отсюда до твоего дома?

— Через свалку?

— Да, *точно!*

— Я иногда езжу по ней. Но зачем?

— Давай туда. Быстро.

Когда я не разгоняюсь до достаточно экстремальной скорости, он начинает посмеиваться.

— Жми на газ, Любовь моя.

Я улыбаюсь про себя, жму на газ и молюсь, надеясь, что он знает, чёрт возьми, что делает.

— Где твой телефон, — спрашивает он.

— В подстаканнике.

На этот раз я не надоедаю ему с расспросами. Его план, каким бы он не был, наше единственное спасение

— Просто продолжай быстро ехать... Быстро... Не съезжай с дороги и не разговаривай. Какой у тебя пароль?

Я не знаю почему выполняю его просьбу без каких-либо колебаний, но я это делаю.

— 1-2-3-4.

Он смеётся.

— Почему именно этот код?

— Не ваажно, — отвечаю я, растягивая слова, как в песне. — Шестьдесят миль в час, так что, может, спросишь меня об этом позже?

— Тсс, — резко бросает он мне, и я тут же закрываю рот. — Миссис Келли? Ой, да, простите. Джули. Это Кингстон... нет, нет, она в порядке! Но мы немного в затруднительном положении: по дороге домой спустило колесо. Сейчас я его ремонтирую... нет, это не проблема. Просто хотел позвонить и сказать, чтобы вы не беспокоились, так как мы не успеем к комендантскому часу.

Следует долгая пауза, во время которой я слышу приглушённый голос матери. Я ничего не могу поделать со своей ухмылкой, теперь, когда наконец-то понимаю весь его план.

— Я настоял на том, чтобы она осталась в машине, потому что слишком опасно стоять на обочине дороги, и она позволила позвонить и всё объяснить. Она боялась, что ей достанется, но будьте уверены, я ей объяснил, что это просто нелепо. Учитывая такую родительскую поддержку и понимание, я знал, что ваша единственная забота, конечно же, её безопасность.

Даже несмотря на то, что мой взгляд сосредоточен на дороге, я ловлю его подмигивание, которое ясно даёт понять, что он гордится собой за эту маленькую хитрость, которую придумал на ходу. Признаю: он хорош.

Когда я подъезжаю к свалке, он заканчивает разговор с мамой.

— Ты действительно собираешься пробить мне колесо? И заменить его чем, гений?

Я останавливаюсь у ворот и смотрю на большой ЗАПРЕЩАЮЩИЙ знак, плюс ко всем этому висит большой замок, который сигнализирует, что наш путь окончен.

— Приехали! — я ударяю руками по рулю. — Конечно же, она закрыта. Уже поздно. И что теперь, Борн?⁹

Но он уже стоит на улице и смотрит на меня, опираясь на окно с пассажирской стороны.

— Глуши мотор, но оставь свет и выходи. Нам нужно поспешить, если не хочешь, чтобы твоя батарея сдохла. Мне необходима твоя помощь.

Я поддаюсь заговору и выскакиваю, встречаясь с ним перед грузовиком.

— Хорошо. Во-первых, какие инструменты у тебя имеются с собой? — спрашивает он, теребя замок на воротах.

— О, ты имеешь в виду, *нет* ли ещё чего-то кроме набора отмычек в моём бардачке? Хм... тогда ничего! — я развожу руки в стороны. — Мы в полной жопе.

— Как же легко ты сдаёшься. Похоже, твой проигрыш выжал из тебя все соки, — он ухмыляется, толкая меня в живот. — Знаешь, как снять шину?

Я киваю.

— Да. И у меня *есть* инструменты для этого.

— Я знал, что ты это ответишь, — сияет он, с... гордостью? — Сделай это — быстро. Но постарайся не испачкаться. Я сказал, что ты ждёшь в машине. Я сейчас вернусь с запаской. Скажу, что твоя шина скатилась с холма в озеро.

— Кингстон... — я вздрагиваю и начинаю покусывать внутреннюю сторону щеки. — Я не очень люблю лгать своим родителям.

— Знаю, что не любишь, — он проводит рукой по моей щеке, всматриваясь в мои глаза. — Это сделаю я.

Он начинает бежать, и я кричу ему в спину.

— Но как ты добудешь ш...

О мой Бог. Моя челюсть чуть не падает на землю, и я чувствую, как расширяются глаза.

— Господи, какого чёрта ты *творишь*? — я в ужасе смотрю, как он перелезает через забор, словно вор-домушник. — Кингстон! На свалке обычно водятся собаки — небольшие, вечно твякающие, кусачие собаки!

— Может, мы перестанем кричать, чтобы наш крик не оповестил их о нашем присутствии, а? — шепчет он громко, когда приземляется на землю. — Эхо, поторопи свою красивую попку и сними шину. Пожалуйста.

~~~~~

Так или иначе, мы это делаем. Кингстон фактически крадёт шину со свалки грузовиков, включив плохого парня, и скатывает мою в кювет, чтобы вернуться за ней завтра.

И небольшие пятна на моих руках послужат доказательством для моих родителей; когда мы подъезжаем к дому, папа встречает нас на крыльце. Я не произношу ни слова, Кингстон делает всё это за меня, как и обещал.

— Ну, я просто рад, что ты был с ней, когда это случилось. Спасибо тебе, Кингстон, — мой папа хлопает его по плечу. — Я позабочусь о её новой шине завтра.

— Нет, пап, не нужно. Это мой грузовик, а значит, я за него отвечаю. Я заплачу сама, — я не собираюсь молчать и позволять своему папе тратить деньги на нашу ложь, тем более, что шина лежит в кювете, ожидая, когда мы её заберём.

— На самом деле, Джон, — начинает Кингстон, глядя прямо в глаза моему папе, — я не усмотрел за шиной, и она скатилась вниз по склону, и хотя это произошло из-за спешки, это моя вина. Я куплю Эхо новую шину. Я настаиваю.

Мой папа издаёт что-то типа мычания, раздумывая, затем чешет подбородок и решает:

— Это очень хорошее предложение. Пусть всю ответственность возьмёт на себя Кингстон. Я горжусь тобой. А теперь, вы двое, быстро спать. Я рад, что с вами не произошло ничего серьёзного.

— Да, сэр, — бормочу я. — Спокойной ночи, мам.

Я не могу даже посмотреть на неё, и из-за этого мой желудок болезненно и неоспоримо сжимается. Кингстон Хоторн очень плохо влияет на меня, и от осознания этого моё лицо становится мертвецки бледным. Если он может так легко лгать моим родителям, то он может поступать так с кем угодно, включая и меня саму.

Весь путь до комнаты я смотрю в пол, а затем тихо закрываю за собой дверь. Мне удаётся переодеться в пижаму без слёз, вины и тяжёлых мыслей, которые отзываются в каждом движении.

Я собиралась почистить зубы, когда с другой стороны ванной раздаётся стук в дверь.

— Эхо, — шепчет он, — я могу войти?

— Просто отступи, и я открою тебе. Мне, так или иначе, ещё нужно тут побыть.

Я замираю, прежде чем открыть дверь, а затем отхожу. Я не смотрю на него или в зеркало.

— Эхо, — зовёт он, низко и серьёзно, после чего делает шаг ко мне. Я чувствую, как он останавливается позади меня. — Ты не соврала — ни разу. Я это сделал. Поэтому прекрати корить себя за это, я знаю, что ты делаешь это прямо сейчас. Я не хочу, чтобы ты считала меня лжецом. Но, Эхо, я сделал это для тебя. Я просто не мог позволить, чтобы наша ночь

закончилась неприятностью. Я не хотел её испортить.

Я ничего не отвечаю, обдумывая его слова и продолжая тщательно чистить зубы. Я рада, что гложущее меня беспокойство, кажется, пришло в голову и ему тоже, принимая во внимание его слова о том, что он точно не чувствует пресыщения ложью.

Прополоскав рот, я решаюсь посмотреть на него... Я не вижу перед собой лжеца. Я вижу красивого человека, — как внутри, так и снаружи, — который провёл со мной самый лучший вечер в моей жизни, после чего взял всю вину на себя, чтобы уберечь меня. Я вижу в нём преданного и надёжного друга, который готов прикрыть мою спину.

— Спасибо, — я оборачиваю руки вокруг его талии и крепко обнимаю, прижимаясь щекой к голой груди. Он тёплый на ощупь, от него пахнет очень чистым мужским запахом и тяжёлой работой. Это гипнотизирует, но больше меня не удивляет.

— Я твоя должница.

— Это точно, — отвечает он, потирая мою спину и прикасаясь губами к моим волосам, — у тебя уже два должка.

Я отстраняюсь немного назад и вытягиваю шею, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Два?

— Танцы, — уточняет он, подмигивая. — Ты должна мне два. Один за то, что ты проиг...

— И один за то, что прикрыл меня, — я понимающе заканчиваю за него предложение. — Ты прав. Я имею виду... это справедливо. Два танца.

Он скользит пальцем по моему подбородку и приподнимает моё лицо вверх, наклоня свою голову так, что его следующие слова обдают мои губы теплом.

— Ты ничего не должна мне за историю с шиной, за исключением, возможно, что поедешь со мной утром на моём грузовике, — он улыбается. — Нет, Любовь моя. Второй танец, о котором я говорю — это на выпускном вечере.

Он, должно быть, видит смятение на моём лице или девичью надежду в моих глазах — или всё сразу, — потому что отвечает на мой невысказанный ответ.

— Да, я до сих пор хочу сопровождать тебя туда.

— Ты не должен этого делать. Я поиграла, всё по-честному.

— Мне известно об этом. Как и тебе, — он проводит большим пальцем по моей нижней губе, и нежная улыбка появляется на его лице. — Мы оба знаем, что я хочу сделать это. И я не думаю, что ты будешь против... да?

Я краснею и качаю головой, быстро и незаметно. И вместе с этим осознаю, что всё, о чём я думала, и что беспокоило меня сегодня — потеря, нарушение комендантского часа, ложь, возможные нападения собак на свалке — было не важно.

Истинной причиной моего несчастья была мысль, что Кингстон не пойдёт со мной на выпускной бал. Я не осознавала насколько жаждала этого, пока не проиграла, и это будет для меня уроком каждый раз, когда дело касается его.

Я ставлю моё новое осознание на что-есть-то-есть полку, расположенную внутри самой глубокой части меня, пообещав себе, что больше не буду обдумывать это.

— Такого больше *никогда* не произойдёт снова, — говорит он, оставляя нежный поцелуй на моём лбу. — И теперь, когда я вижу, что ты перестала беспокоиться понапрасну, тебе лучше пойти спать.

— Спокойной ночи, Кингстон.

— Приятных сновидений, Любовь моя.

Сон — хорошая идея, и я именно это и делаю.

Глава 14

Когда я на следующий день приезжаю в школу, на моём грузовике, вместо запаски, уже стоит настоящая шина.

Я начинаю хохотать, как сумасшедшая, прямо посреди стоянки, по многим причинам. Ничего не могу с собой поделаться, когда вспоминаю прошлую ночь: нашу «большую шалость» на свалке, кражу и зловещий заговор. Я никогда ещё не делала ничего настолько безрассудного за свою жизнь... и это ощущается так хорошо, теперь, когда я больше не чувствую своей вины.

Я также представляю, как Кингстон искал в канаве мою шину, а затем доставал её оттуда... обратно. Не знаю, когда и как ему удалось это, но я бы заплатила за то, чтобы многие из моих одноклассниц посмотрели на это — и наслаждались шоу. Кингстон Хоторн, прилагающий физическую силу, возможно даже немного потный или ещё лучше без рубашки...

Ага, он бы завёл аудиторию. Сто процентов.

После того, как я, присев на корточки рядом со своей шиной, делаю селфи и отсылаю Кингстону сообщение, я направляюсь домой, надеясь увидеть его там. Я хочу поблагодарить его лично, особенно сейчас, когда моё текстовое сообщение осталось без ответа. Не хочу, чтобы он думал, что я неблагодарная.

Но через два часа Кингстона всё ещё нет, и я решаю отправиться в павильон. Как раз пришло время начать работу над новым выступлением — тем, что я обязана ему.

У меня огромное желание поставить танец под песню Spice Girls, просто чтобы подразнить его, но я ничего не могу придумать под эти сильно стучащие звуки. Поэтому вместо неё я выбираю песню Coldplay «Paradise». Танец ведь для него, поэтому песня должна быть соответствующей.

Я работаю над хореографией и, почувствовав себя уверенно, заканчиваю остальную часть танца и отправляюсь на ужин.

В тот момент, когда замечаю грузовик Кингстона, мой желудок резко сжимается, а пульс учащается, пока я не обнаруживаю, что его нет поблизости.

— У меня есть время, чтобы принять душ перед ужином? — спрашиваю я маму, которая всё ещё стоит возле плиты.

— Конечно, милая, — улыбается она. — Над чем ты работала?

— Над чем-то новым, — отвечаю я быстро, прежде чем подняться по лестнице, совершенно безобидно бросая через плечо: — где все остальные?

— Твой папа уехал в город, и я точно не уверена, где Кингстон и твой брат, — отвечает она.

Кингстон и Сэмми вместе? Делают что?

Я тороплюсь принять душ, надеясь, что прежде чем мы все сядем ужинать, я успею проследить за тем, что они делают. Но я не забываю сделать *кое-что* другое, прежде чем выключаю воду и выхожу с усмешкой на лице.

Одевшись и высушив волосы, я спускаюсь вниз и обнаруживаю, что все в сборе.

— Простите. Я пыталась сделать всё по-быстрому.

— Всё нормально, — отвечает папа. — Твоя мама сказала, что ты работаешь над новой постановкой?

Я бросаю взгляд на Кингстона, который смотрит на меня.

— Новая постановка? Звучит прекрасно, — в его глазах пляшут искорки от осознания того, что мой новый номер для него.

— Э-э, да, — я краснею и занимаю себя помощью маме, расставляя тарелки на стол.

— Я тоже кое над чем работал! — хвастается Сэмми. — И Кингстон мне помогал!

— Ох, как мило! Джон, разве это не замечательно? — спрашивает мама, и мы одновременно садимся за стол.

— Угу, — ворчит папа, наполняя свою тарелку. — Мальчики, будьте осторожны. Не увлекайтесь сильно.

Стол немного гремит, оповещая о том, что нога моей матери ударилась об ножку стола, а не об отца. Я скрываю свой смех, но одариваю обнадеживающей улыбкой Сэмми и благодарной Кингстона.

Остальная часть ужина проходит без проблем, в основном говорит мама, радуясь, что Себастьян позвонил ей сегодня. Я слушаю, давая определённые ответы то тут, то там, но мои нервы с каждой минутой становятся всё натянутее... потому что Кингстон не отрывает от меня взгляд.

Я просто надеюсь, что мой папа не замечает этого.

Сидя на кровати и делая домашнее задание, после того, как мы убрали со стола и помыли посуду, я слышу, как включается душ.

Проходит не больше минуты, как он кричит: «Не за что, Любовь моя» в ответ на моё сообщение: «Спасибо, что поменял шину», написанное на двери душевой.

~~~~~

Среда начинается с записки для меня — *Счастливой Среды*¹⁰ — и я начинаю смеяться. Кажется, наш иностранный посетитель набирается всё больше и больше американского сленга.

И этого сленга недостаточно, судя по моему первому сообщению — картинка верблюда без какого-либо текста.

Когда я смотрю на неё, глуповатая улыбка появляется на моём лице, и его слова звучат в моей голове: «*Я восхищаюсь тобой*».

Ага, он вроде тоже меня восхищает. Просто, без каких-либо заморочек, восхищает меня.

Кингстон : Это слово ещё означает заниматься сексом, да?

Я : Возможно, а что?

Кингстон : А то, что у верблюда нет ничего сексуального.

Я : Ржунемогу. И согласна. Ничего сексуального. Но «*Нитр Дау*» означает середину недели или же просто среда.

Кингстон : Ах, теперь это всё объясняет. Так что, там нет никакого сексуального подтекста?

Я : Нет, не всё крутится вокруг секса.

Кингстон : Ты можешь увидеть, как смутила меня?

Я : Ага, я заставила тебя окунуться в презумпцию невиновности из-за этого.

Так что же получается, до того как я объяснила ему значение этого слова, он думал, что все американцы «трахаются» каждую среду? Я качаю головой и смеюсь. *Ох, Кингстон.*

Следующее сообщение с фотографией приходит во время обеда. На этот раз, это намного больше того, к чему я привыкла, а именно — девушка. А больше всего поражает её поза для позирования перед ним! Без шуток — одну руку она положила на своё бедро, а вторую за голову, её сиськи настолько большие, что готовы вывалиться через мой экран.

Я : Это ты её попросил так ПОЗИРОВАТЬ?

Кингстон : К сожалению, нет. И я не просил её говорить «сыр».

Я фотографирую сыр на своём бутерброде и отправляю ему.

Я : Сыыр. Она получает 2.

— Ты что только что сфоткала свой бутерброд? — спрашивает Саванна.

— Нет, только сыр, — отвечаю я со смешком, не отрываясь от своего телефона.

Она не понимает.

— Зачем?

Но моё внимание сосредоточено на следующем сообщении, пришедшем на мой телефон.

Кингстон : Я думал, будет 1.

Я : Да, лучше 1.

— Не важно, — я пожимаю плечами, косясь на Саванну с загадочной улыбкой.

Мой телефон снова вибрирует, и на этот раз Саванна выхватывает его из моих рук так быстро, что я не успеваю её остановить. *Дерьмо!*

— Э-э, Эхо? Почему Кингстон прислал тебе картинку кита?

Моя улыбка становится настолько широкой, что щёки начинают болеть. *Потому что у них тоже есть горбы.*

— Отдай мне его, — я забираю обратно свой телефон, удивляясь тому, насколько меня раздражает её привычка лезть туда, куда не следует. — Тебя не должно это беспокоить. Это личная шутка.

— Я такоооооо не получаю, — ноет она, на её лице отражается замешательство.

— Ты и не должна. Вот почему это называется личная *шутка*.

Вау, это получилось слишком грубо. Я кладу телефон, готовая извиниться, но слишком поздно.

— Господи! — она поднимает руки вверх. — Извини. Не знала, что картинка с китом настолько личная. Я ухожу.

Она встаёт и снова уходит прочь, как это было ранее во время нашего дружеского обеда.

— Саванна, погоди!

Я хочу извиниться, но она уходит без оглядки.

Вздыхаю и беру свой бутерброд. Я не хочу ссориться с Саванной или ранить её чувства, но, блин. Неужели я не могу иметь это — необъяснимое и весёлое — для себя?

Да. Да, могу. И даже могу пойти на бейсбол ради реального наслаждения. В конце концов, что хорошо для Эхо, хорошо и для Кингстона.

Я вскакиваю, ставя перед собой новую миссию, и даже не могу поверить, что подумала об этом. Незаметно проскальзывая сквозь толпу, я ищу идеальную цель. Люди слоняются по коридору, потому что сейчас обед, но из класса никого нет.

И вот теперь я точно знаю кого ищу — Крейга Фарристера.

Если девушка в состоянии игнорировать тот факт, что его это настолько же большое, как и его список «завоеваний», и что он самый заядлый хулиган, то она обратит внимание на Крейга. Хоть он и полный придурок, но зато один из самых красивых парней во всей школе.

Теперь же он средство для достижения моей цели. *Да начнётся игра.*

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я не собираюсь подходить к нему, поэтому включаю камеру, увеличиваю изображение и кладу палец на кнопку, после чего кричу:

— Приветтики, Крейг!

Он поворачивается в мою сторону — как по заказу — и одаривает меня дерзкой улыбочкой и развратным дерзким взглядом, в котором он очень хорош, как я и хотела.

Щелчок. Класс!

— Ну, привет, Эхо Келли, — произносит он тоном, который я предполагаю, он считает сексуальным и который должен подействовать на меня. — Наконец-таки ты удостоила меня вниманием.

Нет, нет.

Я резко кручу головой влево, затем вправо. Я полностью окружена своими болтающими друг с другом одноклассниками. Вот почему я не занимаюсь обманом — отсутствие опыта в планах побега.

Он нагло пялится на мою грудь.

— Ты выглядишь чертовски прекрасно сегодня, как, впрочем, и всегда.

— Эм, спасибо, — я начинаю пятиться назад, натываясь на что-то или кого-то. — Прости, я не хотела тебя беспокоить. Я, э-э... обозналась.

Как только последнее предложение срывается с языка, я разворачиваюсь и буквально бегу по коридору. *«Обозналась? Ты назвала его по имени! Боже мой, Эхо!»*

Ну ладно. Немного унижения — не такая уж и большая жертва для достижения конечной цели. Улыбаясь, я печатаю сообщение и прикрепляю снимок перед отправкой.

Я : Он кажется милым. Твоя очередь, включи метр-чтение, пожалуйста.

Мои глаза прикованы к телефону, и пока я жду ответа, маленькая танцовщица вырисовывает пируэты в моём животе.

Но это не текстовое сообщение. Я с визгом вздрагиваю, когда телефон начинает *звонить* в моей руке!

Я бегу в уборную, чтобы хоть как-то уединиться, отвечая на полпути.

— Алло? — я сдавливаю смешок, изображая невинную скуку.

— Кто твой приятель? — рычит он мне в ухо, посылая дрожь по моим ногам.

— Я не спрашивала тебя об этом, я просто попросила дать ему оценку. Ну, так жду?

— Ты болтала с ним, да?

— Он разговаривал со мной, да, — *это не ложь*.

— Как по мне, так он какой-то сомнительный. Его глаза явно не выражали желания познакомиться с тобой в обычном смысле этого слова, Эхо. Мужчина *знает*, что означает такой взгляд другого мужчины. Он хотел натянуть тебя.

Ах, «натянуть», что другими словами означает «заняться сексом».

Звенит звонок, давая мне идеальный предлог, чтобы оставить Кингстона вариться в этом наедине.

— О, чёрт побери. Мне так жаль, Кингстон, я должна идти. Увидимся во второй половине дня.

— Эх...

— Пока! — кричу я, отключаясь.

Как только я занимаю своё место в классе, приходит сообщение. Это картинка дверной ручки, и он прав — Крейг и эта вещь идеально сопоставимы.

Ох, а это весело.

Кингстон : -5. Нет!

Я начинаю отвечать, но останавливаюсь. Хм, посмотрим, как долго мистер Хоторн сможет пожинать плоды своей же игры.

~~~~~

Видимо Саванна больше не злится на меня, потому что она тараторит о Крейге всю дорогу до колледжа. Как выяснилось, он разыскал мою лучшую подругу, чтобы разузнать обо мне после того, как я сумела улизнуть. Вот видите, этот брошенный вызов вышел мне боком.

Сегодня она не убегает и не оставляет меня одну, когда мы припарковываемся, вместо этого она берёт меня под руку и продолжает весь путь до класса болтать о том, как я должна вести себя с Крейгом. Я уже в двадцатый раз ей объясняю, что это произошло случайно, когда прохожу к своему рабочему месту.

Но я замираю на полпути.

В *моём* заднем ряду меня в одиночку ожидает Кингстон. Вся напряжённость исчезает, когда я встречаю его задумчивый взгляд, собственными ушами слыша, как бьётся моё сердце. Нет никакого способа успокоить свою нервозность, так что единственное, что я могу — это занять своё место, положив книги на стол рядом с ним.

— Что ты тут забыл? — спрашиваю я, шутя, насколько это возможно, и избегая прямого взгляда.

— Подготавливаюсь к занятию по исчислению, конечно же.

Его рот кривится, и в глазах пляшут искры, практически умоляя меня поиграть с ним вместе и рассказать ему всё, что он, очевидно, умирает от желания знать.

Но это наша личная игра, и я отказываюсь играть перед его свитой, которые прибегут сюда и будут сидеть сложа руки, как только выяснят, что это его новое место.

— Кингстон... — я с опаской оглядываюсь вокруг, ожидая, что в любую минуту появятся девушки. — Ты же обещал. Я не хочу...

— Доверься мне. Нас не побеспокоят.

Я закатываю глаза и искренне смеюсь.

— Ага, как же. Я удивлена, что они не лезут из кожи вон, чтобы сидеть здесь.

— Уверяю тебя, этого не произойдёт.

— Как ты сможешь убедить меня в этом?

— У меня есть свои методы, — отвечает он, подмигнув. — Теперь, пожалуйста, займи своё место. У нас есть дела и поважнее, которые мы должны обсудить.

Глава 15

Кингстон ёрзает на стуле, пыхтя, в то время как выражение его лица меняется от слишком хмурого до раздражительного, приобретая малиновый оттенок, и выглядит он при этом ну очень забавно. Его план «обсудить дела» со мной потерпел фиаско из-за нашего профессора, так как наш урок сегодня представляет собой семинар, состоящий из постоянных устных вопросов-ответов. Он ни разу не поворачивается спиной к классу, лишая тем самым Кингстона возможности поговорить со мной о «делах».

И когда нас отпускают, я мчусь к двери так же быстро, как девушки бросаются к Кингстону.

— Эхо, подожди! — кричит Саванна, догоняя меня у стоянки. — Подвези меня!

Я замедляю шаг, ожидая, пока она поравняется со мной. Я настолько привыкла, что она редко просит меня подвезти её домой, что иногда даже забываю о ней.

— Конечно. И поскольку ты всё равно едешь со мной, хочешь сходить со мной потренироваться?

— Мне, правда, очень этого хотелось бы, — отвечает она, когда мы подходим к моему грузовику, — но если я не позанимаюсь сегодня вечером, то не напишу тест по биологии завтра у мистера Маршала, а у меня там и так уже стоит D. Давай в следующий раз?

— Хорошо, — бормочу я, залезая в машину. — В следующий раз.

Не знаю, то ли она продолжает свою череду вранья, то ли расписание сыграло с ней злую шутку, но у меня завтра тоже урок у мистера Маршала, и... и завтра не будет теста.

Мне следует упрекнуть её в этом, но я решаю молча отвезти её домой. Зачем ей врать об этом? Она просто боится сказать, что не хочет больше тренироваться, или за этим скрывается нечто большее?

— Спасибо, что подбросила. Увидимся завтра.

Она вылезает, махнув через плечо, и спешит к своему дому.

Я продолжаю думать об этом всю дорогу домой, и к тому времени, как я приезжаю туда, меня не перестают терзать мрачные сомнения. Тот злобный комментарий мамы в сторону Саванны всё вертится у меня голове, и в какой-то момент, я хочу позвонить Себастьяну. Но что я скажу? У меня нет никаких доказательств, ничего, кроме моего плохого предчувствия. И я не могу расстраивать его из-за того, чего на самом деле нет.

Поэтому я решаю очистить голову самым лучшим способом, который мне известен. Я бегу к себе в комнату, быстро переодеваюсь и мчусь к своему дереву. Поднимаюсь на своих шёлковых лентах так высоко, пока все проблемы и заботы не растворяются, затем раскачиваюсь и делаю сальто, выгибая тело так, что весь мир для меня исчезает.

Через час или около того, я чувствую себя более расслабленной, поэтому решаю медленно спуститься и пойти домой.

Мама встречает меня, выходя из кухни.

— Вот и ты! Ты пропустила звонок от Себастьяна. Вот, попей, — она протягивает мне стакан холодной воды. — Работала над новым номером?

Я киваю с улыбкой, утоляя сухость в горле.

— Как он там?

— Ему, кажется, там нравится, хотя он и говорит, что скучает по нам. Я рада, что он получает этот опыт. Каждый человек заслуживает увидеть хоть и небольшой проблеск этого огромного мира.

— Да, — отвечаю, задавая себе вопрос, получу ли я когда-нибудь такую же возможность.

Поставив стакан, я решаю сменить тему и спрашиваю:

— Где папа?

Мама как-то подозрительно усмехается.

— В павильоне, ремонтирует проводку. Ох, а Сэмми и Кингстон помогают ему, — её рот дёргается. — Ну, это в случае, если это был твой следующий вопрос.

— Не был, — отвожу взгляд на противоположную стену, предпочитая солгать ей, а не в лицо моей матери. — Ну, это круто. Хорошо, я спущусь вниз сразу после того, как приму душ.

Я залезаю в душ, и так как ожидаю сообщения по утрам, когда поднимается пар, чуть ли не пропускаю записку на стеклянной двери.

«Сегодня вечером мы поговорим».

Не знаю, угроза это или простое утверждение факта, но в любом случае, дрожь предвкушения бежит по моему позвоночнику.

Это самый длинный ужин в моей жизни. Разве папа и Сэмми всегда так много разговаривают? И разве мама *всегда* готовит так много? Ещё никогда уборка на кухне не занимала так много времени.

Когда наконец-то всё сделано, я направляюсь в комнату, чтобы сделать домашнее задание, в то время как папа отправляется в гостиную и просит Кингстона присоединиться к нему, чтобы посмотреть по телевизору игру. Кингстон, конечно же, соглашается. Но он одаривает меня сдержанным взглядом, отражающим дикое нетерпение.

У меня начинает кружиться голова, и я поднимаюсь по лестнице на подгибающихся ногах.

~~~~~

Я просыпаюсь немного позднее от того, что меня кто-то трясёт за плечо.

Я даже не помню, когда успела заснуть, и мне требуется всего минута, чтобы прийти в себя и осознать, что Кингстон стоит возле моей кровати. Тихо зевая, моргаю несколько раз, просто чтобы убедиться, что я на самом деле проснулась, и мне не привиделся его чарующий образ, одетый только в клетчатые пижамные штаны, низко висящие на бёдрах. Я щипаю себя под одеялом, убеждаясь в реальности происходящего. Он в моей комнате, в прекрасном

отблеске лунного света, демонстрируя своё очень накачанное, утончённое тело.

Тепло разливается в каждой части моего тела ниже шеи, и я сглатываю ком в горле. Очевидно, всё это теряется где-то между здравым смыслом и застенчивостью, потому что мне каким-то образом удаётся прошептать:

— Присаживайся, — и я стремглав поддвигаюсь, освобождая для него место.

Даже в крошечной темноте я могу разглядеть отблеск удовлетворения в его глазах, и как быстро поднимается и опадает его грудь, когда он дышит. Глубокий рельеф его мышц чётко прослеживается там, где один мускул заканчивается, а другой начинается.

Никто из нас не начинает сразу говорить, боясь разорвать этот безопасный, тихий пузырь, окружающий нас. Здесь, в нашем собственном уединении при лунном свете, витает энергия — неоспоримая связь, — которая связывает нас вместе без прикосновений и каких-либо необходимых слов.

Я первая разрываю наш зрительный контакт, опуская глаза вниз, и смотрю на то, как мои пальцы нервно теребят одеяло.

А он первый нарушает молчание.

— Скажи мне, что ты не серьёзно прислала это фото, — его голос хриплый и напряжённый, как будто любой ответ, кроме того, что он хочет услышать, может сломать его. — Скажи мне, Эхо. Потому что он *далеко* не лучший для тебя вариант.

— Откуда ты знаешь? — шепчу я, в то время как бабочки в моём животе готовы вырваться наружу.

— Я провёл своё расследование. Он чертовски неуравновешенный, и это понятно с первого взгляда. Только через мой труп он когда-нибудь приблизится к тебе снова.

Его жёсткое возражение *можно* было бы понять, если бы он просто хотел взять на себя роль старшего брата, вместо Себастьяна, но я знаю, что это далеко не так. Я замкнутая, но точно не наивная.

Кингстон Хоторн ревнует. И у него очень привлекательное выражение лица, которым я эгоистично, *безмерно* наслаждаюсь, поэтому решаю поиграть ещё немного.

— Кингстон, — неодобрительно говорю я. — Ты не должен судить Крейга по тем слухам, которые тебе удалось откопать. Это несправедливо. Кроме того, я живу здесь всю свою жизнь и слышала их все раньше. Я большая девочка и вполне способна принимать собственные решения.

— Фигня, — рычит он. — Ты понятия не имеешь, что на самом деле нравится парням. А я разбираюсь в этом! — он хлопает себя по груди. — *Я парень*. Я не потерплю этого, Эхо. Ни в коем случае, чёрт побери, — он качает головой, его акцент усиливается от ярости.

— Почему нет? — спрашиваю я тихо, затаив дыхание в ожидании его ответа и наивно выпрашивая слова, которые так долго хотела услышать, но ничего для этого не делала. Я не уверена, что было бы хуже: знать мучительную истину его непреклонного неодобрения и не иметь возможности хоть как-то воспользоваться этим, или же вообще ничего *не* знать. Но я уверена, что предпочту.

Он смотрит мне прямо в глаза с острым осознанием. Затем медленно выражение его лица меняется, и он хмурит брови. Он не собирается произносить это... и что-то глубоко внутри меня начинает болеть.

Он протягивает руку и скользит костяшками пальцев по моей щеке.

— Ты великолепная, Эхо, редкое, безупречное сокровище. Не растрачивай такую особенность навсякого, кто не осознаёт твою ценность.

Я наклоняю голову навстречу прикосновению, и закрываю глаза, впитывая его тёплые слова. Я больше не хочу сопротивляться тому, что меня тянет к Кингстону. И, в любом случае, это бессмысленно, учитывая, что это гораздо мощнее из всего, что я когда-либо надеялась испытать.

— Кингстон... — тихо выдыхаю его имя и открываю глаза, осознавая свои следующие слова, готовые сорваться с моих губ. — Я...

Он резко встаёт, унося своё нежное прикосновение с собой.

— Пообещай мне, — говорит он, — держаться подальше от этого парня. В твоей школе есть парни и попримечнее. Продолжай искать.

Я могу только кивнуть в ответ, сдерживая слёзы отверженности.

Он тяжёло вздыхает, потом неуверенно улыбается.

— Хорошо. Сладких снов, Любовь моя.

Я смотрю, как танцует каждая мышца на его спине, когда он уходит и исчезает в ванной.

Внезапно, я начинаю злиться на себя. Я была такой дурой, считая, что между нами что-то есть, и что он борется с соблазном, подавляя чувства, также как и я.

Глупая, Эхо. Ты — обычная выпускница с нулевым опытом общения с противоположным полом. Он же — великолепный, жизнерадостный студент колледжа с сексуальным акцентом и возможностью поиметь любую девушку в этом городе.

Я взбиваю свою подушку и переворачиваюсь, но ничего не помогает. Я не могу комфортно устроиться — ни в своей постели, ни в собственной шкуре.

Жизнь была намного проще, до того, как появился Кингстон, но ещё больше меня раздражает то, что я рада, что он всё ещё здесь.

~~~~~

На следующее утро, в тот момент, как только открываю глаза, я уверена в одном — моё настроение прошло стадию злости.

И эта цитата, которую он оставил на зеркале? Ну, давайте просто скажем, что она разожгла огонь, который медленно тлел внутри меня всю ночь, возведя его на новый опасный уровень.

« Ни один человек не знает насколько он плох, пока по-настоящему не постарается быть хорошим».

Я мгновенно его вытираю, рыча про себя. К чёрту его «благородство» и многочисленные сообщения, которые ворвались в мою жизнь, и его чёртово обаяние, и всё остальное, с чем я не могу столкнуться лицом к лицу!

Он присылает мне несколько сообщений в течение дня, только на этот раз нет никаких фотографий девушек, просто совершенно случайные вещи, такие как птица, купающаяся в луже, дерево, листья которого граничит между летней зеленью и осеней желтизной, и даже один из его не зашнурованных ботинок. Но я не отвечаю не на одно из них.

И затем, в последнем, он присылает:

Кингстон : Ты злишься.

Я, наряду с сильной горечью и потерянностью, никогда не признаюсь ему в этом. Но я также не стану вести себя, как малолетняя школьница, которой, думаю, он меня считает.

Таким образом, чтобы доказать это, и потому что на этот раз он использовал слова, я отвечаю.

Я : Нет, не злюсь. С чего ты взял?

Не совсем ложь. Я не *просто* зла.

Кингстон : Потому что ты смотришь в телефон, хмуря своё красивое личико этой ужасной гримасой, которую боюсь, вызвал я.

Я резко поднимаю голову и начинаю лихорадочно осматриваться, пока не останавливаюсь на нём, наблюдающим за мной через стеклянное окно в двери классной комнаты.

«Что ты тут делаешь?» — шепчу одними губами.

«Жду тебя», — шепчет он в ответ, неотразимо ухмыляясь и подмигивая.

Это наносит двойной удар по всему, что я не могу иметь. Но он здесь, потому что знает, что я расстроена. Кто сможет злиться после этого?

Не я.

Только мне придётся дожидаться, когда вся эта толпа рассеется, прежде чем я смогу подойти ближе, чтобы поговорить с ним после урока.

На нём надеты армейские ботинки, тёмные джинсы и серая рубашка, помятая от всех грубых прикосновений. Его почти чёрные волосы торчат в разные стороны... и эти дымчатые глаза по-прежнему прикованы ко мне.

— Ты проводишь в старшей школе больше времени, чем половина парней, обучающихся здесь, — говорю я, смеясь, когда подхожу к нему.

— Мне не нравится быть проигнорированным, — отвечает он.

— Думаю, что к тебе это явно не относится. Привлечение внимания — твой фетиш, — дразню я, теперь уже подходя к своему шкафчику, чтобы положить вещи.

Он следует за мной и опирается плечом на соседний шкафчик, скрещивая руки на груди.

— Ревнуешь?

— Не больше, чем ты к Крейгу.

Чёрт, не могу поверить, что только что сказала это! На самом деле, не думаю, что он ревновал, я провела весь день, сгорая от стыда, потому что его очень наставнические советы и внезапный уход прошлой ночью совершенно ясно дали понять это. И всё же, я облажалась.

Неудивительно, что он водит меня за нос. Даже я не могу в *себе* разобраться.

— Туше, — посмеивается он, беря меня за руку.

Я снова сбита с толку, потому что его ответ означает, что он не ревнует. Но действия говорят громче, чем слова, и, принимая во внимание диалектный барьер, он, вероятнее всего, просто использует один по ошибке.

— Мы сейчас собираемся поссориться? — спрашивает он.

Я закатываю глаза и закрываю шкафчик свободной рукой.

— Мы никогда не ссорились. У меня был небольшой надлом в чувствительности, но я

взяла над ним верх, так что давай двигаться дальше.

— Как и у меня, — он целует внутреннюю сторону моего запястья. — Поэтому, скажем так, что просто забыли об этом. Что ты планируешь прямо сейчас?

— Мне нужно забрать кое-какие вещи для выступления, которое будет проходить на следующей неделе.

— Например? — спрашивает он.

Я объясняю ему, пока мы идём к моему грузовику, его же припаркован прямо возле моего.

— Не возражаешь, если я присоединюсь к тебе?

Я пожимаю плечами.

— Если ты так хочешь, то пожалуйста. Поедешь со мной, или на своём?

— Я поеду на своём. Тогда, возможно, мы...

— Кингстон! — визг эхом проносится по всей стоянке, и у меня нет сомнений, что *где-то* треснуло стекло от такого неестественного крика.

Кортни, блондинка-чирлидерша из моего класса, налетает на него и сразу берёт его под руку, прижимаясь к груди.

— Что ты тут делаешь?

Я бы дала ей два, но он может неправильно меня понять и подумать, что я говорю «мир», поэтому щедро поднимаю вверх три пальца.

— Мне нужно ехать, — говорю, после чего залезаю в свой грузовик, не волнуясь о том, последует ли он за мной.

Но когда я остаиваюсь на первом светофоре и смотрю в зеркало заднего вида, он стоит прямо позади меня, сопровождаемый своей самодовольной улыбочкой.

Глава 16

В пятницу Саванна не едет домой со мной и, не теряя времени, раскрывает свои дальнейшие планы на день.

— Сегодня вечером будет вечеринка, и я правда хочу, чтобы ты пошла со мной, Эхо. Я не могу пойти одна, и...

— Хорошо, — говорю я, спасая её от убедительной болтовни.

— Но ты ведь даже не дослушала и сказала *хорошо*?

Я смеюсь, когда её заранее подготовленный аргумент блёкнет и неверие отражается в выражении лица.

— Да, я пойду с тобой, — сегодня у меня отличное настроение. Кингстон и я прекрасно провели вчера время за покупками, его сегодняшние сообщения были лёгкими и смешными, и я на отлично сдала тест по математике. Почему бы и не попробовать сходить хоть раз на вечеринку?

— Ты серьёзно? Ты на самом деле, вот так просто, согласилась пойти со мной на вечеринку?

— Да, — я смотрю на неё, улыбаясь. — Почему ты всё это повторяешь?

Она берёт меня за руки.

— Только ради того, чтобы убедиться, что ты поняла вопрос. Такое чувство, словно ты

упускаешь какие-то важные детали, или я в Сумеречной Зоне прямо сейчас.

— Я всё прекрасно обдумала, — отвечаю, смеясь. — Я пойду и буду сегодня за рулём. Через сколько мне тебя забрать?

— Восемь? — по её выражению лица становится ясно, что она до сих пор не верит мне, но в голове, насколько мне известно, она уже составляет план Б, на тот случай, если я не смогу её подвезти.

— Саванна, я приеду, — уверяю, когда подъезжаю к её дому. — Обещаю.

— Хорошошо, — растягивает она, вылезая из моего грузовика. — Что ты собираешься сказать своим родителям?

— Правду: что проведу время с тобой. Но, — продолжаю я и указываю на неё пальцем, не оставляя места для аргументов своим тоном, — Себастьян не мой родитель. Поэтому если он спросит, *не* говори ему, что я собираюсь пойти с тобой.

— Да, конечно, не беспокойся об этом, — она избегает моего взгляда, а затем бежит к своей двери. — Увидимся в восемь!

Когда я возвращаюсь домой, грузовика Кингстона поблизости нигде нет, и только мама с Сэмми сидят на диване. *Идеально. Я могу покончить с этим прямо сейчас.*

— Хей, мам! — зову я её через плечо, делая вид, что ищу на кухне, чем бы перекусить. — Ничего, если я пойду сегодня потусуюсь с Саванной? Мы в последнее время мало времени проводим вместе.

— Конечно, милая. Что вы планируете?

— Ты же знаешь Саванну — никогда не говорит, что планирует на вечер, — смеюсь я, одолеваемая чувством вины.

Я не вру... но в последние дни я всё больше и больше упускаю правду.

— Хорошо, просто не наделайте глупостей, девушки. Ты останешься на ночь у неё?

— Эм ... ещё не уверена. Сомневаюсь в этом. Но я тебе обязательно перезвоню, если передумаю.

Это было легче, чем ожидалось, и когда я поднимаюсь по лестнице в свою комнату, чувствую себя намного взрослее, чем когда-либо. Я собираюсь этим пятничным вечером пойти... на вечеринку. Я даже не знаю, что и думать, но ощущаю трепет от волнения. Наконец-то я познаю лучшие годы своей жизни, о которых мне всё время рассказывает мама.

Подготовка занимает у меня немного времени; я наношу немного косметики и слегка придаю форму своей стрижке под эльфа¹¹, которая выглядит довольно стильно сама по себе. Надеваю джинсы, лёгкий, но с длинными рукавами свитер и ботинки. Я чувствую себя довольно хорошо в этой одежде.

То есть, я так думаю, пока не подъезжаю к подъездной дорожке Саванны, и она не подбегает к моему грузовику. Не то, чтобы я когда-то носила хоть что-то близкое к тому, что надето на ней, но думаю её «платье» должно служить рубашкой, и если сегодня вечером все девушки будут так же полураздеты, то я буду выглядеть, как обычная простушка, и тем самым привлеку к себе нежеланное внимание.

Ага, мне не везёт с этой социальной дрянью.

— Ты *накрасилась*? — спрашивает она, забравшись в грузовик.

— Ты носишь *лифчик*? — возражаю я.

— Нет, — усмехается она, глядя на меня, словно я сошла с ума. — Ты просто не можешь носить бюстгальтер с этим платьем, Эхо.

— Думаю, ты используешь слово «платье» немного неправильно, — ворчу я, задаваясь

вопросом, что сказал бы мой брат о её наряде. — Итак, куда мне ехать?

Она быстро называет адрес, и я начинаю ехать вниз по улице, переосмысливая всю эту ночь.

— Пожалуйста, пообещай, что не оставишь меня торчать в одиночестве в углу, как социального изгоя сегодняшним вечером, хорошо? — умоляю я, когда моя тревога доходит до предела.

— Конечно же, я этого не сделаю. Кроме того, Клей там тоже будет. И Креейг, — растягивает она. — Там будет много народа, чтобы поговорить, так что не волнуйся ты так.

Фантастика. Услышав, что Клей и Крейг будут там, мой желудок скручивается ещё сильнее.

— Вот сюда, — указывает она. — Поверни направо. Этот дом с машинами напротив.

— Какой именно дом? Тут вся улица заставлена автомобилями. Боже мой, весь город наверное тусуется здесь, — я еду дальше по улице, не зная, о чём, чёрт возьми, я думала, соглашаясь на это. — Чья это вечеринка?

— Не знаю. Я услышала о ней от Сэди. Вот место для парковки!

Сэди? Я правильно расслышала её? Есть только одна девушка с таким именем, которую я знаю, потому что Саванна постоянно тусуется с ней в университетском кампусе. И это значит... я на студенческой вечеринке?

Я паркуюсь, выключаю зажигание и замираю, не в силах пошевелиться. *Если мой брат и родители узнают об этом...*

Делаю глубокий вдох, тщетно пытаюсь отыскать в себе немного оптимизма. Надеюсь, эта ночь того стоит.

У нас занимает добрых пять минут, чтобы добраться от места парковки до той самой вечеринки. Входные двери настежь открыты, когда мы подходим к дому, и Саванна заходит внутрь так, словно это место принадлежит ей, пока я плетусь, прикованная к её спине.

— Эй! Разве ты не младшая сестрёнка Себастьяна? — спрашивает меня огромный парень со светлыми волосами и пивным дыханием.

— Нет, извини. Ты, наверное, перепутал меня с кем-то ещё, — бормочу я, опуская голову и ещё крепче прижимаясь к спине Саванны.

Она наклоняется и берёт меня за руку, протягивая через забитый народом дом. Музыка гремит, смешиваясь с ужасной вонью пота, спиртных напитков и беспорядка. Здесь едва ли хватает места, чтобы пройти, не касаясь тел кучи незнакомых людей.

Как только мы преодолеваем гостиную и оказываемся в другой комнате, толпа редет. Напряжение немного отпускает моё тело, поэтому я освобождаю руку из руки Саванны и выпрямляюсь, осматриваясь.

— Разве здесь не классно? — кричит она, тоже неправильно используя слово «классно» в этом случае. Но я слабо улыбаюсь и киваю. — О, я вижу Клея! Пошли!

И снова меня тащат за руку через то, что называется предварительным адом.

Клей присвистывает, рассматривая Саванну.

— Эй, посмотри на себя! Хочешь пива?

— Эм... — она мешкается и посылает мне вопросительный взгляд, который, кажется, служит единственной причиной, по которой Клей наконец-то замечает, что я тоже тут стою.

— Эхо? — его глаза увеличиваются, а челюсть падает. — Какого чёрта ты здесь делаешь?

— Я тоже рада тебя видеть, Клей, — я скрещиваю руки на груди и прищуриваюсь. — И

я тоже буду пиво, если ты собираешься предложить.

Он не был настолько шокирован, увидев здесь Саванну, в отличие от меня, хотя, насколько мне известно, она ходит в ту же школу, что и я. Он, даже не задумываясь, предложил ей выпивку.

Чего ещё я не знаю о своих друзьях?

— Ох, малышка, не сердись на меня, — его руки оказываются на моей талии, прежде чем я успеваю возразить и остановить его, и он заключает меня в объятия. Я утыкаюсь лицом в его рубашку, которая воняет, как пепельница. — Я просто не могу поверить, что ты здесь, вот и всё. Но я рад, что ты здесь.

— Угу, — отвечаю я, отодвигаясь от него, и поворачиваюсь к Саванне, которая уже нашла себе другого парня, предложившего ей выпить. Она держит красный стаканчик в руке, на губах играет улыбка.

Я направляюсь к ней, чтобы устроить допрос по поводу выпивки, но её «новый друг» возникает передо мной с жуткой ухмылкой.

— Ну, привет, красотка. Могу ли я купить тебе выпить?

— Нет.

Это угрожающее рычание вырывается явно не из моего рта, но я точно знаю, кому именно оно принадлежит. Я медленно разворачиваюсь и почти касаюсь носом его груди, поскольку он стоит слишком близко ко мне.

Это Кингстон — разъярённый Кингстон, — и он дёргает меня вплотную к себе, впиваясь взглядом в парня, который только что предложил мне выпить.

— Отвали, Коди, — рычит он. — Она *не* пьёт, а также полностью под запретом.

— Иисус, братан, расслабься, — сдаётся парень по имени Коди. — Я не знал. Блин, надо было просто помочиться на её ногу.

Только тогда появляется Клей.

— У меня всё было под контролем, — рывкает он Кингстону.

— Да, конечно, — иронизирует Кингстон, хватая меня за обе руки и полностью разворачивая к себе лицом. — Так какого чёрта ты тут забыла, Эхо? — он смотрит на меня сверху вниз, его лицо красное, а глаза сверкают.

— Я приехала с Саванной, — отвечаю спокойно, всё ещё изучая его реакцию.

— Ну и где *она*, по-твоему, тогда?

— Прямо... — я оглядываюсь через плечо, ожидая найти её на том же месте, где она только что была, но её там нет. — Ну, она *была* прямо здесь.

Он опускает голову, и я чувствую скольжение его губ по моему уху, в то время как шёпот опалает мою кожу.

— Ты не должна здесь быть, Любовь моя. Это место не для тебя.

Я отступаю назад и смотрю ему в глаза. И вдруг я взрываюсь.

— И почему это не должна? Мне не десять, Кингстон, и ты *не* намного старше меня. Я должна веселиться так же, как и все остальные.

— Конечно же, должна. Я просто хотел сказать...

Одна из девушек, на которой одежды ещё меньше, чем на Саванне, — что я готова поклясться, было невозможно, — буквально подпрыгивает и проталкивается между нами. Она протягивает руки и обнимает Кингстона за шею, воркуя:

— Ты должен мне танец, секси. Пойдём.

Клей пользуется моментом и хватает меня за руку.

— Эхо со мной. Вернись к своей девушке, *приятель*, — он поддевает Кингстона и тянет меня в противоположном направлении.

И я позволяю ему это, потому что у меня нет желания наблюдать за тем, как танцует Кингстон, или за тем, что ещё он будет делать с этой девушкой. Но я всё же оглядываюсь через плечо, прежде чем успеваю остановить себя, и обнаруживаю, что Кингстон не двигается с места. Он смотрит мне прямо в глаза, и на его лице недовольное, хмурое выражение.

Я смотрю на девушку, затем на него, и поднимаю один палец — не средний, хотя у меня есть такое желание.

~~~~~

Моя голова раскалывается, и я уверена, что эта долбаная песня играет уже в четвёртый раз, с тех пор, как я пришла сюда. Выключит ли её кто-нибудь?

Клей показывает мне, где находится ванная, обещая ждать прямо за дверью. Но я нисколько не удивлена, обнаружив, когда выхожу, что его нет. Так что теперь я блуждаю в Бог знает чьём доме в поисках Саванны, готовая уйти.

Я нахожусь посреди коридора, когда какой-то шум в комнате справа привлекает моё внимание. Я стою за дверью и выглядываю из-за косяка, пытаюсь выяснить, что там творится. *Ох, только не это.*

Из того, что я могу увидеть, группа людей собралась играть в то, что они называют «Выстрел или Действие» — весьма усовершенствованный вариант «Выстрел или Действия» — и я не понимаю, как в это может продолжать играть кто-то старше пятнадцати лет. Более тревожно то, что Клей и Саванна, сидящие там, не кажутся очень-то обеспокоенными моим местом нахождения.

— Я хочу, чтобы ты сыграла.

Бросает вызов хриплый голос, опалая мою шею. *Кингстон.*

Я быстро качаю головой.

— Мне нужно домой. Я не хочу оставаться с Саванной после того, как она бросила меня сегодняшней ночью, и в выходные комендантский час в полночь, — отвечаю я, по-прежнему отвернувшись, с отворачиванием наблюдая за прелестями одной из девушек в комнате, которая снимает свою рубашку.

— Мне об этом известно. У нас есть ещё много времени, — он кладёт ладонь на мою поясницу. — Ну, давай же сыграем. Я не брошу тебя. Клянусь.

Я не останавливаю его, когда он толкает меня вперёд.

Саванна замечает нас, когда мы заходим. Забираю свои слова обратно — Саванна замечает только *Кингстона*, поэтому вскакивает и подбегает к нам.

— Эхо, я повсюду искала тебя! Где ты была?

Я забываю всё, чему меня учили, и, не церемонясь, отвечаю:

— Нет, ты не искала. Ты ничего, чёрт возьми, не сделала, чтобы узнать, где я была всю ночь. Но я хорошая подруга, поэтому если хочешь уехать домой, я готова тебя подбросить.

— Ох, эм... — она прикусывает ноготь, отводя взгляд. — Я собираюсь переночевать у Адрианы. Я думала, что говорила тебе уже об этом. Но я правда искала тебя, честное слово. — она смотрит на меня из-под лживых ресниц и слегка улыбается виноватой улыбкой. — Давай, останься ещё ненадолго. Крейг тоже тут, и, возможно, он вызовет тебя на действие.

Каждая мышца в теле Кингстона напрягается, когда она произносит это. Я могу почувствовать это, потому что он стоит позади меня, прижимаясь к моей спине.

— Супер, — говорит он с сарказмом. Я чувствую, как он перемещает руку на моё бедро и сжимает его, крепко удерживая меня. — Саванна позаботится о себе сама, ну а у нас есть время, чтобы поиграть. Проходи туда, Эхо. Давай посмотрим, чем это закончится.

Саванна хлопает в ладоши.

— Ура!

Серьёзно? Она реально пропустила ту часть, где я намекала ей о том, то она ужасная подруга, и что я очень расстроена по этому поводу?

— Ладно, — отвечаю я, не сопротивляясь, когда Кингстон проводит нас дальше в комнату.

Мы садимся в кресла и наблюдаем несколько раундов за этим безрассудством. Парень по имени Брюс, которого я помню по игре в футбол с Себом, выбирает симпатичную рыженькую, и та танцует у него на коленях. И она делает это, не стесняясь, в комнате полной людей.

Эта девушка следующая, и она выбирает парня, которого я не знаю, говоря ему снять штаны. У него есть хоть немного скромности, поэтому вместо этого он выбирает выстрел... из её декольте. Но он не просто выпивает свой шот, он «застревает» между её грудей.

Ну, пожалуй, я погорячилась со скромностью.

Затем он выбирает другую девушку и просит её показать свою грудь. *Разве он не получил наслаждение от предыдущей пары?* Конечно же, вся комната подбадривает её — и не потому, что ей нужна поддержка, учитывая, что она уже стоит и трясёт своей задницей, пока задирает топ.

И посмотрите на это: без лифчика. Как удобно. Она ходит по магазинам, но, как и Саванна, не может позволить себе надеть лифчик.

Я вздыхаю, поскольку несколько не впечатлена, и непроизвольно закатываю глаза. Я больше не могу смотреть на это ожившее порно. Не то, чтобы я когда-нибудь смотрела его, но думаю, что это уже не за горами.

Я перевожу взгляд на Кингстона, собираясь сказать ему, что уйду, когда миссис Сверкающие-буфера выбирает его.

Это должно было произойти — любая хорошо видящая девушка выбрала бы Кингстона. Я просто удивлена, что на *это* потребовалось так много времени.

— Киингстон, — мурлычет она, поедая его взглядом чистого вождения. — Я хочу, чтобы ты подошёл сюда и поцеловал, чёрт возьми, меня.

Его глаза прикованы ко мне, вопрос и беспокойство застыли в их глубинах.

— Эхо, я не могу выбрать выстрел. Я не могу пить, потому что твои родители могут почувствовать от меня запах алкоголя, или ещё хуже, поймают за вождением.

— Ты абсолютно прав, — я пожимаю плечами, будто тупое жало боли не парализует меня ещё сильнее. *Я хочу* сказать ему: «Ты не должен этого делать. Это же просто дурацкая игра, которая не так уж и важна». Но ещё больше я хочу, чтобы он отказался от этого сам. Но зачем ему это делать, ведь он сам изъявил желание сыграть в эту игру?

— Эхо? — он подталкивает меня, умоляя взглядом спасти его, и этой мольбы почти достаточно, чтобы убедить меня в этом.

Но потом я думаю о тех моментах, когда мои глаза точно также упрашивали его: «Спаси меня, Кингстон. Скажи что-нибудь, ну хоть что-то, от чего бы я перестала чувствовать себя

разбитой глупышкой, неправильно распознающей твои сигналы», но оставались незамеченными.

Поэтому я воздвигаю защиту, словно он снова и снова тренировал меня, и монотонно отвечаю:

— Тогда, думаю, тебе лучше поцеловать её.

— Ну же, Хоторн! Не задерживай игру! — выкрикивает Клей. — Чёрт, ты уже перетрахал полгорода. Так что же тебе будет стоять простой поцелуй?

— Прости меня, — шепчет мне Кингстон.

Простить за что? Он сожалеет о том, что переспал с половиной города, или за поцелуй с ней, или за всё сразу?

Он встаёт и медленно направляется в сторону девушки. Она с нетерпением ждёт с огромной улыбкой на лице, специально выставляя грудь. *Мы уже все видели её, тупица.*

Я не знаю, за что именно он извинялся, а также не знаю, поцелует он её глубоко и медленно, запустив руки в её волосы, или же грубо и быстро, потому что я выбегаю за дверь и мчусь со всех ног к своему грузовику прежде, чем он даже успевает подойти к ней.

Глава 17

— Эхо, подожди!

Думаю, это ответ на вопрос. Должно быть, он поцеловал её грубо и быстро, раз уже бежит за мной.

— Христос, Эхо, ты можешь, чёрт побери, просто остановиться? — я слышу его шаги, стучащие по тротуару, когда он догоняет меня, его голос звучит всё ближе.

Он собирается поймать меня... и что я потом скажу ему? «Почему, чёрт возьми, у меня такое чувство, словно меня пнули в живот?» «Я хочу тебя так сильно, потому что не могу иметь?» «Я скучаю по тебе, когда тебя нет рядом, независимо сколько раз говорю себе, что мы не можем быть больше, чем просто друзья?»

Я стою возле своего грузовика, но не сажусь в него. Стою, словно приросла к этому месту, лицом к двери, ключи в руке. Обида, смущение и боль пронзают моё тело, превращая его во что-то огненное и пьянящее, когда он подходит и становится *прямо* позади меня.

Он тяжело дышит, опалая дыханием мои волосы и шею.

— Ты можешь повернуться и посмотреть на меня, пожалуйста?

— Ты поцеловал её?

Я не знаю, почему именно *этот* поцелуй — среди, как предполагаю, бесчисленного множества других, что у него были в этом городе — беспокоит меня так сильно. Но он беспокоит.

— Повернись и спроси меня прямо в лицо. Тогда я тебе отвечу.

Я надеваю маску безразличия (или так думаю) и медленно поворачиваюсь к нему лицом.

Его глубокие пепельно-серые глаза прикованы ко мне, когда он подходит ближе, прижимая меня спиной к грузовику. Он кладёт руки по обе стороны от моей головы, заперев меня в клетку своим массивным телом. И затем он наклоняет своё лицо так, что наши губы

оказываются слишком близко, дыхание смешивается.

Я в плену его глаз, запаха и мощного тела, нависшего надо мной. Во мне нет ни капельки страха, лишь необходимость получить ответы относительно того, что же между нами происходит, или это чувствую только я.

— Теперь, — говорит он тихим, скрипучим голосом, — спроси снова.

Я облизываю губы, проглатывая любое сомнение.

— Ты поцеловал её?

— Нет.

Нет? Хотя меня и радует этот ответ, но это всё, что он скажет?

Наши взгляды по-прежнему прикованы друг к другу, в то время как молчание затягивается. Если я подамся вперёд, хотя бы на дюйм, наши губы соприкоснутся. И я, наконец, узнаю, как он ощущается, его вкус... если всё на самом деле произойдёт так, как я представляю, то это просто умерит моё любопытство.

— Кингстон, я ...

— Я знаю, Любовь моя, я тоже. Чёрт возьми, — рычит он, вдруг хватая себя за волосы обеими руками. — *Я. Тоже.* Чёрт!

Я забываю всё, что собиралась сказать, или у меня такое чувство, потому что я совершенно не понимаю, что именно с ним сейчас происходит. Никогда не видела его таким сердитым, он начинает расхаживать по кругу... словно загнанный зверь.

— Забирайся в свой грузовик и поезжай домой, — приказывает он. — Я буду прямо за тобой.

— Но ...

— *Нет,* — он прекращает вышагивать и опускает голову и плечи, потирая шею. — Пожалуйста, ничего не говори. Просто залезай в грузовик и поезжай.

— Хорошо, — шепчу я.

Я делаю, как он просит, используя время поездки, чтобы осмыслить произошедшее в своей голове. И к тому времени, как заезжаю на подъездную дорожку, я больше не чувствую себя отвергнутой или сбитой с толку. У меня вырисовывается ясность, и я, наконец, понимаю, что только что произошло между нами.

Я не одинока в этом сражении страстного вожделения и запрещённой связи.

— Эхо Виктория Келли.

Громкий голос моего отца останавливает меня прямо возле двери его спальни.

— Да, сэр?

— Хорошо провела время?

Упс. Никогда в жизни даже не задумывалась о том, что он скажет дальше.

— Честно?

— Всегда, юная леди.

— Нет, совсем нет.

Он начинает смеяться. *Смеяться.*

— Рад слышать это. И Кингстон... он ехал позади тебя?

— Да, сэр.

— Кто-нибудь из вас пил?

— Нет, сэр.

— Хорошо. Больше никаких вечеринок, особенно тех, где присутствуют *первокурсники* из колледжа. Понятно?

— Конечно, сэр.

Вот за что стоит любить маленькие города. Уверена, он знал, что я там ещё до того, как я переступила порог. *И* он знал, кто устроил вечеринку! Хотя я была *там*, даже расспрашивала, но так и не сумела *вызвать* эту крупницу информации.

— Спокойной ночи, Эхо. Спокойной ночи, Кингстон.

Теперь он стоит у меня за спиной, не в силах скрыть свои тяжёлые шаги от моего отца.

— Спокойно ночи, сэр, — бросает Кингстон, прежде чем пройти мимо меня, напрямиком в свою комнату.

~~~~~

Я просыпаюсь от непрекращающихся сообщений от Саванны. Поворачиваюсь и читаю их, но не отвечаю. Мне нечего ей сказать.

Но когда замечаю, который час, я резко принимаю сидячее положение. Я легла спать довольно поздно. У меня ушло много времени, чтобы, наконец, уснуть — после того, как я, *возможно*, намеренно некоторое время не засыпала, надеясь, что Кингстон придёт поговорить со мной.

Но он не пришёл. Но помимо этого, я не припоминаю, чтобы ночь была беспокойной.

Накидываю халат поверх пижамы и спускаюсь вниз, чтобы извиниться за то, что пропустила завтрак, но обнаруживаю, что в доме тихо и пусто. Но есть тарелка с едой и записка от мамы на столе.

«Сегодня у Сэмми поездка бойскаутов. Приедем поздно вечером. Обед в холодильнике, просто разогрей его. Люблю, мама».

Всё верно: сегодня Сэмми с отрядом отправился в поход, где будут костёр и различные награды, и так как нет никаких признаков присутствия Кингстона, я осталась в доме одна. Это приносит ещё большее чувство разочарования, что удивляет меня.

Думаю, мне стоит себя чем-то занять. И уж точно я не буду звонить Саванне, чтобы убить время.

Я хватаю тост с тарелки, а затем возвращаюсь на второй этаж, чтобы принять душ. И поскольку в доме я одна, решаю послушать музыку. Первой включаю песню «Here» исполнительницы Alessia Cara. *Да, я могу иногда слушать что-то лирическое.*

Я смываю кондиционер с волос, запрокинув голову и закрыв глаза, когда понимаю, что песня, которую я слышу сейчас — «Dare You to Move» группы Switchfoot не входила в выбранный мною список.

Он здесь. И его выбор песни не какая-то полоумная игра с прошлой ночи. Это гораздо больше.

Я выключаю воду, оборачиваю полотенце вокруг головы, а затем не спеша надеваю халат, оттягивая время и размышляя над своим ответом.

Он прямо за дверью, ожидает меня в моей комнате. Я могу *почувствовать* его. Сейчас музыка не играет, там абсолютная тишина для нашего противостояния. Именно это придаёт мне смелости двинуться, и я открываю дверь, чтобы встретиться с ним лицом к лицу.

Не открывая её полностью, я собираю воедино свои мысли и самообладание, прежде чем убрать эту деревянную баррикаду безопасности.

— Я в халате, — не знаю, почему я шепчу именно это.

— Знаю, — отвечает он беззаботно.

— Я не буду... Я имею в виду...

— Ах, Любовь моя, вовсе нет. Только дурак пропустит ту часть: *с танцем*.

Я улыбаюсь на его метафорический и осмысленный выбор слов, когда он продолжает.

— У меня есть идея. После того, как ты выйдешь сюда и согласишься с ней, я дам тебе платье.

Я открываю дверь и выглядываю, сжимая рукой халат, несмотря на то, что завязала его на двойной узел. *Ну, на всякий случай.*

Он одаривает меня дьявольской приветливой улыбкой и манит пальцем подойти.

Господи, помилуй. Один этот жест заставляет мой мозг навёрстывать зигзаги между правильным и неправильным, застенчивостью и храбростью — всё находится в хаотическом беспорядке, образуя один большой туманный круг.

— Эхо, иди сюда. У меня нет намерений накидываться на тебя в ту же минуту, как только твои родители покинули дом, в который они так любезно впустили меня, — подмигивает он.

Его туманные глаза противоречат словам, как и подёргивающийся кадык, но он говорит правду, я чувствую между нами доверие и честность.

Выхожу, гордо приподняв подбородок.

— Вот, я вышла. Вызов принят и окончен. Теперь что? — я стараюсь звучать уверенно и непринуждённо, несмотря на хаос происходящий внутри меня.

— Теперь, я хотел бы спросить, не проведёшь ли ты день со мной — покажи мне, что такое колесить по бездорожью.

— Я... могу это сделать.

И я на самом деле могу. Мне *нужно* это. Пришло время доказать себе, что я вполне способна справиться со своей влюблённостью в соседа по комнате и проводить с ним время без какого-либо напряжения или неудобства. Потому что давайте посмотрим правде в глаза: ни один из нас в ближайшее время не сможет уехать из этого дома, поэтому мы должны преодолеть эту запрещённую напряжённость. Я лучше узнаю, как погасить пламя, которое он воспламеняет во мне только одним взглядом, чем избегать его вообще. Я не готова пожертвовать всем остальным, что он пробуждает во мне: жар, смех... головокружительное счастье.

— Великолепно! — он останавливается у моей двери. — Увидимся внизу. И надень куртку, похоже, будет дождь.

~~~~~

Будет дождь? Ага, и мы могли бы вернуться в дом, чтобы переждать проливной ливень, под которым едем прямо сейчас.

— *Ублюдок!* — кричит Кингстон, когда грузовик начинает буксовать. Его улыбка широкая, глаза искрятся. — Я так скучал по этому!

— Э-э... ты сказал *ублюдок*? — я прыскаю со смеху, не только потому, что это реакция на окружающую нас грязь, но и потому что всё о чём бы он не говорил, кажется неуместным в паре с его соблазнительным акцентом.

Он смотрит на меня и подмигивает.

— Не смотри на меня! Смотри на дорогу! — паника слышится в каждом моём слове, и я указываю на лобовое стекло. — Просто держи свои глаза прямо перед собой, пока не протаранил дерево.

— Я думал, что американкам нравится грязный рот, — говорит он, дёргая руль вправо и забрызгивая грязью моё окно.

Моя ладонь становится влажной, и я так крепко сжимаю ручку, что болят пальцы.

— Не думаю, что ты пробыв в Штатах достаточно долго, чтобы судить всех девушек.

— Возможно, — это всё, что он говорит, когда грузовик подпрыгивает вверх-вниз, проезжая по упавшим веткам деревьев и бросая моё пристёгнутое тело по всему салону, словно манекен на краш-тесте.

Я как-то гоняла по бездорожью с Клеем и Себастьяном, но тогда не было дождя и грязи. А теперь, когда ливень стих, хотя всё ещё назревает над нами, меня так сильно трясёт в грузовике, что не только адреналин достигает высшей точки, но и моё лицо болит от улыбки, которая отказывается исчезать, — всё это ощущается как-то иначе, во многих смыслах. Уверена, мы можем перевернуться в любую минуту, но я не прошу его сбросить скорость или вернуться назад.

— Ах, вот тут мы точно прокатимся! — в голосе Кингстона слышно тревожное волнение, и когда я прослеживаю за его взглядом, всё моё тело деревенеет.

— Нет! — кричу я, несмотря на свою растущую улыбку. — Не смей! Мы перевернёмся! Или застрянем там! Или, не знаю... *умрём!*

Нас начинает трясти ещё сильнее, когда он ускоряется и направляется прямо к огромному крутому холму; кто знает, что нас ждёт на другой стороне.

Теперь у *меня* грязный рот.

— Ох, чёрт! — я опускаю голову, боясь смотреть, но он убирает одну руку от руля и кладёт её на мою.

— Я держу тебя, — говорит он мне, его глаза искренние.

Я могла бы *снова* повторить, что предпочитаю, чтобы его глаза были на дороге, а обе руки на руле, но я не против, если мы перевернёмся или разобьёмся... пока он смотрит на меня так, когда мы это делаем.

И вместо того, чтобы вернуть руку, которой касается меня, на руль, Кингстон переплетает наши пальцы, смертельной хваткой цепляясь другой рукой за металлический круг. Я до сих пор ничего не говорю о безопасности и не пытаюсь остановить его. Я крепко удерживаю его за руку, пока мы трясёмся в кабине, поднимаясь на холм, мои глаза широко распахнуты.

Когда мы начинаем спускаться вниз, он убирает руку и возвращает её на руль. «*Это хорошая идея*», — думаю я, хихикая про себя.

Я слышу, как шины всё быстрее и быстрее безрезультатно вращаются на месте, когда Кингстон давит на педаль газа. Когда ему не удаётся сдвинуть грузовик с места, он одаривает меня взглядом полным отчаянья.

— Похоже, мы застряли.

Я смотрю на него и вопрос: «Да неужели?» — так и вертится на кончике моего языка. Но я не говорю этого, потому что мы оба начинаем смеяться.

— Итак, — говорит он, между попытками отдышаться, — эксперт по внедорожью. Что теперь предлагаешь нам делать?

— Мы могли бы переждать грозу, которая надвигается на нас, будто фиолетовое

чудище, или ... — я открываю дверь, вдыхая свежий, влажный воздух. — Воспользоваться этим затишьем и найти что-то, что можно подставить под шины как опору. Пошли.

Я выскользываю из машины.

И приземляюсь на задницу.

Кингстон вылезает, но не падает, и идёт ко мне. Он останавливается, возвышаясь надо мной, качает головой и заливается диким хохотом.

Я предпринимаю несколько попыток встать, но каждая из них не увенчается успехом, что ещё больше забавляет его. И поскольку, по-видимому, у меня так и не получается почувствовать почву под ногами в грязи, я решаю просто сдаться, поэтому ложусь на спину и делаю то, что сделала бы любая униженная девушка: раскидываю руки и ноги в стороны и делаю лучшего грязевого ангела в мире.

Глава 18

— Я не могу зайти в дом в таком виде, — ворчу я. Я вся в засохшей грязи сижу на своей куртке, стараясь ничего не трогать, чтобы не испортить его новый грузовик.

— Могу занести тебя, — усмехается он. — Я просто сниму ботинки, прежде чем зайду внутрь.

В конце концов, перестав смеяться, Кингстон помог мне подняться на ноги... держа себя всё время в вертикальном положении. Ох, я пыталась заставить его сделать грязевых ангелов вместе со мной, но у меня ничего не получилось. Так что я не собираюсь быть побеждённой ещё раз, позволяя ему занести меня внутрь! У меня ещё осталось *некое* достоинство... *где-то* под всей этой неразберихой.

— Я сама, — выбираюсь из машины и направляюсь к другой стороне дома, кусочки засохшей грязи осыпаются с моей одежды с каждым движением. — Можешь идти внутрь.

Мой план: раздеться до бюстгалтера и трусиков на заднем дворе, а затем надеть дождевик; и как только я избавляюсь от одного ботинка и носка, струя холодной воды окатывает меня со спины.

— Что за...! — визжу и делаю ошибку, кода поворачиваюсь, предоставляя ему полностью открытую мишень для поливания из шланга. — Ты с ума сошёл!? — я использую одну руку, чтобы закрыть лицо, и иду к нему в надежде убраться шланг.

— Всё будет гораздо проще, если ты просто останешься стоять на месте, — смеётся он, продолжая поливать меня.

— Кингстон, — начинаю я, осознавая, что не знаю его второе имя и есть ли оно у него вообще, — Хоторн! Я убью тебя!

— Почти готово, — отвечает он спокойно, будто поливает цветы или что-то в этом роде.

Ох, да ладно. Я сдаюсь и начинаю медленно вращаться, помогая ему закончить. Слишком поздно предпринимать что-то ещё в этот момент. Мне всё равно не удалось бы забрать у него шланг.

— Ты же понимаешь, что теперь ещё хуже? Плюс ко всему этому, теперь с меня капает вода. И как мне теперь пройти по дому? Просто супер.

Не отвечая, он идёт и выключает воду. Затем просто стоит, застыв на месте, и

таращится на меня.

— Что? Теперь будем ждать, пока я высохну?

С озорным блеском во взгляде и удовлетворённой улыбкой на губах, он поднимает обе руки, держа все десять пальцев прямо, и подмигивает.

Что за...?

Я опускаю взгляд туда, куда смотрит он, и смотрю на себя. Моя мокрая рубашка, больше не грязная, теперь полностью прозрачная. И мой кружевной жёлтый бюстгальтер даже не старается скрыть мои затвердевшие соски.

«Вода была холодная — в этом вся причина», — убеждаю я себя.

Чувствую, как румянец охватывает моё лицо и шею, а в некоторых неприличных местах пульсирует. Часть меня — та, которой не существовало, пока не появился Кингстон — хочет остаться здесь и позволить ему вдоволь насмотреться, ожидая его следующего шага и упиваясь предвкушением.

Но обычная Эхо, та, которая осознает, что можно, а что нет, побеждает. Именно поэтому она решает облегчить эту напряжённую ситуацию саркастическим замечанием.

— Да будет тебе, — глумлюсь я, драматично закатывая глаза. — Я тяну на одиннадцать.

Сначала его глаза расширяются от шока. Я и сама удивлена, что сказала это. Но медленно его серые радужки затуманиваются, и сексуальная улыбка расплывется на губах.

— Так и есть, Любовь моя. Так и есть.

Так что мой комментарий вызвал *противоположный* эффект. Я уже и сама убедилась, что перегнула палку, но желание в его глазах только сбивает моё дыхание.

— Кингстон... — шепчу я, предупреждая нас обоих.

— Точно, — он качает головой, будто пытается очистить её. — Я принесу тебе полотенце.

~~~~~

Кингстон приносит мне полотенце и сразу же исчезает в ванной, и я слышу, как льётся вода. *Принимает ли он душ?*

Расстроенная, испытываю желание открыть дверь и спросить, неужели не очевидно, что *мне* следовало принять душ первой, но, похоже, Кингстон опередил меня, пока я была в комнате, чтобы избежать... ну, всего. И я, конечно же, не собираюсь переодеваться, пока не искупаюсь, учитывая, что «поливание из шланга» не выполнило свою работу, и теперь я вынуждена стоять здесь, не зная, что делать, пока он совершает своё эгоистичное купание.

Так что я решаюсь на то, что избегала слишком долго: открываю двойные французские двери и выхожу на балкон, который примыкает к моей комнате. Я всегда думала, что это немного «капризно» иметь балкон, даже несмотря на то, что я никогда им не пользовалась.

На улице прекрасный вечер: не слишком жарко, но и не холодно, мрачное небо рассекают яркие пятна проливного света. Я вдыхаю полную грудь воздуха и отправляю беззвучное мысленное сообщение своему брату, который находится где-то там, надеясь, что он справляется на своём новом месте намного лучше, чем я.

— Так быстро? — говорю я с мягким смехом, несколько удивлённая от осознания, что рада не только его появлению, но и потому, что чувствую себя комфортно с ним. — В этот раз я слышала, как ты подкрался. Не такой уж ты и тихий без шланга, — говорю я в темноту, по-прежнему стоя к нему спиной.

— Так и было задумано. Подумал, что лучше не пугать тебя, не хватало ещё, чтобы ты свалилась с балкона, — он подходит ближе, и моё тело тут же реагирует. Он нежно касается моего плеча, вынуждая повернуться к нему лицом. — Я приготовил для тебя сюрприз. Пойдём со мной.

Мой разум становится затуманенным, когда он босой, одетый только в пижамные штаны, тянет меня за собой, и я следую за ним без каких-либо колебаний или раздумий.

Он ведёт меня за руку в нашу общую ванную, где я обнаруживаю наполненную божественными душистыми пузырьками до краёв ванную в окружении нескольких зажжённых свечей.

— Ч-что всё это значит? — заикаюсь я, поскольку язык отказывается работать.

Опускаю глаза и скольжу взглядом по его накаченной груди и рукам, а также плоскому животу с линией волос, исчезающей за полотенцем, прежде чем снова их поднимаю.

Он ухмыляется, не упуская того, что только что произошло.

— Это типа как счастливое завершение. Мне хотелось, чтобы наш день прошёл хорошо, но из-за меня ты попала под ливень, упала в грязь, а затем я окатил тебя водой из шланга. Надеюсь, что это, — говорит он, разводя руки, — скрасит всё произошедшее и поможет закончить этот день на счастливой ноте.

Эта приятная атмосфера очень провоцирует, и у меня уходит немного времени, чтобы ответить.

— Сп-пасибо тебе, Кингстон. Это очень мило. Я, эм... ценю это. И веришь или нет сегодняшний день прошёл весело.

Мы оба стоим в неловком молчании какое-то время. Для меня следующий шаг очевиден, но полагаю, что кое-кто в этой комнате этого не понимает, поскольку он не двигается.

— Ты можешь, эм... идти, — пытаюсь как можно вежливее выпроводить его.

Эти пухлые губы медленно изгибаются, изображая сексуальную улыбочку, которой не думаю, что смогу долго сопротивляться.

— У меня есть идея получше, хочешь услышать?

— Какая? — спрашиваю я быстро и тихо, губы внезапно пересохли, пульс учащённо бьётся.

— Думаю, я мог бы остаться... и составить тебе компанию? Если ты наденешь тот маленький кусочек ткани, что зовётся розовым бикини, — он выгибает бровь, в его глазах плещется озорство. — Ты не останешься в одиночестве, и я наконец-то смогу увидеть тебя в чём-то розовом. В любом случае, для меня это беспрюигрышный вариант.

— Ты снова рылся в моих вещах? — спрашиваю я спокойно, слишком поглощённая всей этой прелюдией, чтобы злиться.

— Неа, ведь я провёл тщательную проверку в прошлый раз. Но ты не слишком расстроилась при мысли, что я снова это делал, — он усмехается. — Почему ты так подумала?

— Не знаю, — лгу я, пожимая плечами, пока он смеётся. — Хорошо, ты можешь посидеть здесь и поговорить со мной, пока я переодеваюсь, но ты не пойдёшь за мной. Понятно?

— Кристально.

— Мой брат переломит тебя, как пруттик, если узнает об этом, — бормочу я, направляясь к своему комоду.

— Тогда не станем ему об этом рассказывать, да?

— Думаешь, так будет честно? — фыркаю я, морщась от несвойственного звука. — Прикрой дверь, пока я буду переодеваться.

Не могу поверить, что делаю это. Нет, полная ложь — да, я могу.

Мне просто нужно обдумать это в своей голове. Я не буду полностью обнажённой, и если честно, у меня есть одежда намного откровеннее бикини — особенно, если учесть, как я двигаюсь, надев её.

И у нас есть ещё время, прежде чем мои родители вернутся домой. Сэмми будет растягивать их пребывание там как можно дольше, и мама будет помогать его делу, болтая с другими матерями. Это не будет отличаться от того, как если бы Кингстон и я разговаривали, пока плавали вместе.

Надо же. Теперь это мирно покоится на полке разумного невинного рационализма.

Я иду обратно в ванную. Если бы Кингстон был щеночком, он завил бы хвостом. Я не могу не засмеяться, когда он осматривает меня сверху-вниз, а затем хмурится.

— Почему ты в халате? — он буквально надует губы.

— Потому что я не глупая, наивная или *тарталетка*, — я верчу пальцем в воздухе, сигнализируя о том, чтобы он отвернулся в другую сторону. — Если ты хоть кому-нибудь расскажешь об этом, я ...

— Расскажешь брату, — заканчивает он, отворачиваясь. — Мне это более чем понятно.

— Нет, — я отбрасываю халат и быстро забираюсь в ванну, укрывая себя пузырьками. — Я разберусь с тобой собственноручно, что ещё хуже. Так что бойся... очень бойся. И да, теперь можешь повернуться.

Он так быстро разворачивается, что я удивляюсь, как он себе не вывихнул что-нибудь. И, конечно же, он сразу проходится взглядом по моему телу.

— Слишком много пузырьков? — дразню я.

Низкий рокот вырывается из его груди, и я запрокидываю голову, смеясь. Он такой... не могу объяснить, но я не считаю его извращенцем. Это делает его ещё более восхитительным.

— Итак, ты хочешь составить мне компанию. Предполагаю, это включает задушевный разговор, — я опускаю голову на бортик ванны и закрываю глаза. — Удивите меня, Мистер Хоторн.

Когда он на протяжении нескольких долгих секунд ничего не говорит, я открываю один глаза и смотрю в его сторону. Он смотрит на меня, словно ошеломлённый.

— Нет никаких шансов, что эти пузырьки растворятся в ближайшее время, — говорю я со смешком, — так что ты можешь начинать говорить.

— Я просто задумался, — он поднимает глаза, встречаясь со мной взглядом, флиртующая улыбка играет на его губах. — Это самое порочное, что ты когда-либо делала, Эхо?

— Да, — отвечаю еле слышно. Но я не двигаюсь, мне страшно пошевелить хоть один пузырек.

— Я уже понял, — кивает он. — Каково это?

Простое «порочно» в ответ разочарует нас обоих, поэтому делаю глубокий вздох и тяжело выдыхаю, обдумывая ответ.

— Ранимо, но волнующе... Не так, как ты подумал, — ухмыляюсь я. — Я рада, что ты прилично себя ведёшь и мы теперь друзья... которым комфортно друг с другом. Я могу смириться с тем, что мне приходится делить с тобой ванную комнату. Ты мне нравишься,

Кингстон. Ты хороший парень. А я редко ошибаюсь в людях.

— Ты льстишь и слишком высокого мнения обо мне, — его лицо мрачнеет, а плечи опускаются. — Не думаю, что ты права насчёт меня.

Я смеюсь.

— Кингстон, я давно уже поняла, что ты никогда не был заинтересован стать священником.

Он качает головой и тихо смеётся.

— Я до сих пор не могу поверить, что мой отец написал эту чепуху. Мне очень жаль, что он солгал твоей семье.

— Не нужно. Это же его ложь, а не твоя. И если это заставит тебя почувствовать себя лучше, то сомневаюсь, что мои родители на самом деле повелись на это. Мой папа просто *хочет* верить в это, для того чтобы не беспокоиться о том, что мы принимаем ванну вместе, — я награждаю его ухмылкой.

Он снова смеётся, но на этот раз тихо и недолго.

— Там, дома, мой отец очень важный человек — военный атташе. Я не очень *боевой*... не достаточно, чтобы удовлетворить его запросы.

— Так это *было* что-то намного большее, чем простое превышение скорости. Что ты сделал? — спрашиваю и, наострив ушки, немного приподнимаюсь.

Он стонет и проводит рукой по волосам, измученно закрывая глаза.

Отвожу взгляд в сторону и скольжу обратно под пенную мантию.

— Прости, я снова спрятана. Можешь открывать глаза, — он медленно поднимает веки, обращая на меня вальяжную чувствительность своего взгляда. — Знаешь, может это и не очень хорошая идея на самом-то деле. Думаю, уже надо выходить. Можешь передать мне мой халат?

— Конечно, — Кингстон не спорит, просто протягивает халат, а затем разворачивается и направляется в свою комнату. — Спокойной ночи, Любовь моя, — он звучит побеждённо, когда закрывает за собой дверь.

Я быстро чищу зубы и спешу в свою комнату, чтобы сменить мокрые бикини на шорты и удобный спортивный лифчик, после чего наношу на руки и ноги любимый лосьон. Убедившись, что двери балкона закрыты, взбиваю подушку... и понимаю, что я проиграла. Переполняемая адреналином и не исчезающим страстным желанием, не могу найти себе места в поисках их высвобождения.

Опять надеваю халат, и как только крепко завязываю узел на талии, мои ноги сами меня ведут. «*Возможно, я сплю*», — пытаюсь убедить себя, когда поднимаю руку, чтобы постучать.

— Входи, — доносится по ту сторону двери его спальни, и звучит так, будто он удивлён.

Я поворачиваю ручку и медленно открываю дверь, одновременно испуганно и нерешительно, потому что не знаю, что могу там обнаружить.

Кингстон сидит на краю кровати, обеими руками опираясь на колени. Лунный свет только подчёркивает беспокойство на его лице.

— Всё в порядке, — он хлопает по краю кровати рядом с собой. — Проходи. Садись.

Я спешу сделать, как он сказал, прежде чем успею передумать, и он посмеивается, когда я немного отскакиваю от матраса, в спешке садясь на кровать.

— Противостоять соблазну для большинства затруднительно из-за того, что они совершенно не хотят ему сопротивляться, — произносит он.

— Что? — спрашиваю шёпотом, прекрасно понимая, о чём он говорит, — и даже более того, что он имеет в виду.

— Я однажды слышал эту цитату. И не вспоминал о ней... до этого момента, — он тяжело вздыхает. — Зачем ты пришла сюда, Эхо?

— Я... — запинаясь, чувствуя, как мои щёки начинают краснеть, и молю, что он не заметит этого в тусклом освещении. — Я не знаю.

— Верю, — он сдвигается и, положив одну ногу на кровать, садится боком, лицом ко мне. Магнетизм и химия, витающие между нами, мешают мне трезво мыслить, и мне приходится сосредоточиться на дыхании, чтобы не заикливаться на этой ситуации.

— Повернись, — приказывает он строго, затем берёт меня за плечи и разворачивает к окну, спиной к себе.

Он не убирает руки, сделав это. И, должно быть, почувствовав мою напряжённость, он наклоняется и, касаясь ртом моего уха, произносит:

— Это просто массаж, чтобы ты немного расслабилась перед сном. Это наименьшее, что я могу сделать, чтобы снять напряжение после сегодняшнего дня.

Он немного спускает халат с моих плеч и начинает разминать мои мышцы уверенными, быстрыми движениями.

— Лучше? — спрашивает он, и я киваю в ответ. Кингстон перемещает одну руку к моему затылку, и я наклоняю голову вперёд. — У тебя красивые волосы, — шепчет он, — но я часто задаюсь вопросом, как бы они выглядели, если бы были длинными и гладкими.

Мама плакала, когда я отрезала свои тёмные волосы под стрижку эльфа, которая у меня сейчас. Я шепчу то же объяснение, что говорила ей:

— Они всё время спадали мне на глаза во время выступления.

— Весомый аргумент. Как я и сказал, это хороший выход из ситуации. И твои выступления...

— Спасибо, — заканчиваю за него, уже зная, что он наслаждался моим номером, и потому что не уверена, что смогу справиться с описанием его впечатлений, пока его руки касаются моей кожи.

Халат спадает ниже к талии, и его руки тоже следуют за ним. Кингстон опускается руки к моей пояснице, и я испытываю покалывание от кончиков его пальцев при каждом касанием.

— Эхо, — бросает он, его голос настолько хриплый и глубокий, что я издаю стон и полностью растворяюсь в его прикосновениях. — Ты восхитительная. Но я не могу...

Его слова обрываются, руки исчезают, и вместо них я чувствую прикосновение его губ. Горячие, влажные, с открытым ртом поцелуи, словно дождь скользят по моим плечам, а затем всё ниже и ниже по моей спине, его тяжёлое дыхание заполняет комнату. Я молча проклиная свой закрытый спортивный бюстгальтер, когда он препятствует его губам опуститься ниже.

Я отказываюсь от всех ощущений, невыносимо пульсирующих между ног, и поворачиваю лицо, чтобы найти его рот. Он тоже поднимает голову, и всё затуманивается, когда наши рты соединяются вместе.

О, Боже. Я не могу сдержать стон, и он растворяется в нашем горячем, страстном поцелуе, в то время как наши языки отчаянно сталкиваются, словно у них больше никогда не будет такого шанса. Он обхватывает ладонями мои щёки, и, поставив меня в более удобное для себя положение, приподнимает мой подбородок так, чтобы быстрее и глубже впитаться

поцелуем в мои губы — с жадной, сравнимой с ударом небес.

Я быстро разворачиваю тело и позволяю своим рукам бродить по его груди, исследуя каждую выпуклую твёрдую мышцу. Ощущения переполняют меня, и я боюсь, что могу потерять сознание в любой момент.

И затем всё исчезает, когда он резко встаёт, издавая рёв, наполненный болью и разочарованием, его великолепная грудь вздымается быстрее, чем моя собственная.

— Ты должна уйти, — он отворачивается от меня, сильно потирая рукой затылок. — *Сейчас*, Эхо. Это было ошибкой. И не должно повториться. Спокойной ночи.

Я нервно поправляю свою одежду и немного колеблюсь, когда встаю. Чувствую себя дурой — распутной, жалкой дурой. Я сделала что-то неправильно? Это был мой первый поцелуй, и мысль о том, что я всё испортила, — раз он требует, чтобы я ушла, — разрушает меня.

Но я ничего не спрашиваю. Вместо этого, молча ухожу в свою комнату и падаю на кровать лицом вниз. Последнее, что я помню, когда засыпаю — это его глупые предупреждения об искушении.

И мои слёзы.

Глава 19

Сегодня утро воскресенья, а не неделя публичных представлений, поэтому я, несмотря на то, что ещё достаточно рано, одеваюсь и направляюсь к павильону, чтобы насладиться умиротворением, когда ночь перетекает в утро. Я хочу — нет, *нуждаюсь* — найти спасение в музыке и выступлении. Я хочу потеряться в них, чтобы никто не смог меня отыскать, даже я сама.

Только это, в любом случае мне не соответствует. Я ищу старую Эхо: ту молодую девушку, которой я была до того, как Кингстон Хоторн приехал в наш дом. Уравновешенную версию себя, которая не стала бы надевать бикини и обманывать себя, полагая, что это невинно, чтобы потом выставить себя на посмешище.

Но мне не удаётся это сделать даже в полдень, когда моё одиночество нарушают неприятные звуки хихиканья и визга. Вися высоко в воздухе на перекладине, я смотрю вниз, готовая попросить немного уединения, но ошеломлённо остаиваюсь.

Клей, Кингстон и парень, которого я узнаю с футбольного матча, присоединяются ко мне, и они не одни. С ними девушки, и каждая обнимает того парня, на которого претендует. Я не знаю ни одну из них, но мне не нравится, что они находятся в моём павильоне.

Так значит Кингстон и Клей приятели? И что ещё лучше, где Саванна? Может, я с ней и не разговариваю, но мне кажется, сейчас она является связующим звеном каждому из них/им обоим.

Кингстон подходит и выключает музыку, а затем запрокидывает голову, чтобы посмотреть на меня.

— Привет тебе там, подруга. Твои родители сказали, что я могу пригласить всего несколько человек. Надеюсь, ты не возражаешь, я не знал, что ты будешь здесь. Мы можем найти другое место.

Трио тарталеток хихикает, что меня не очень-то и удивляет.

Я не указываю на то, что музыка должна была подсказать, что я нахожусь здесь. И если он решил вернуться к называнию меня «подругой» и выставлять напоказ другим девушкам мой павильон менее чем через двадцать четыре часа после того, как целовал не только мой рот, но и моё тело, будь я проклята, если собираюсь вести себя растерянно.

Возможно, я и правда ужасно целуюсь. Или, возможно, я слишком много читала об этом — в конце концов, он знает гораздо больше меня о той ситуации, в которой мы оказались, наряду со следующим днём после случившегося.

Я улыбаюсь так широко, что уголки моего рта начинают болеть.

— Нет проблем. Я уже заканчиваю, — я падаю и переворачиваюсь, удачно приземляясь в сети, и не теряя времени, выбираюсь и встаю на ноги перед ними. Часть меня так и норовит сказать им, чтобы они не трогали или не сломали что-нибудь, но Клею об этом отлично известно, поэтому я хватаю свои вещи и спешу к выходу.

— Хорошо повеселитесь! — кричу я через плечо.

— Эхо, ты не должна уходить, малышка. Остайся и потусуйся с ними.

Слова Клея немного замедляют мои шаги, но Кингстон окончательно останавливает меня.

— Да, Эхо, почему бы тебе не остаться? — я поворачиваюсь лицом к Кингстону с серьёзным выражением лица, не имея возможности прочитать его намерения из-за ухмылки. — *Мы тебя прервали.* Ты не должна уходить.

— Ага, — брюнетка, обнимающая Кингстона, неискренне соглашается, презрение в её глазах перечит словам. — Остайся, пожалуйста.

Кингстон приподнимает брови в любопытстве, желая понаблюдать за моей реакцией. Думаю, я его разочаровываю, когда отвечаю любезно, без намёка уколоть в ответ или сарказма.

— Спасибо, но я действительно закончила. Мне ещё нужно сделать домашнее задание. Увидимся!

Но перед тем как уйти, я поднимаю один палец, на этот раз средний, и делаю вид, что чешу нос. И это не ускользает от Кингстона, который выпускает короткий, хриплый смешок.

Я гордо поднимаю голову и в привычном темпе ухожу, говоря себе, что вполне возможно быть аутсайдером, каким я только что была, чтобы почувствовать себя, как дома.

И я продолжаю убеждать себя в этом до конца недели, когда компания Кингстона увеличивается вдвое. Я больше не удосуживаюсь оценить кого-то — это уже не так весело, — как и он. По сути, теперь это и его дом тоже, и он имеет полное право приглашать своих так называемых «друзей».

Кингстон не проявляет ко мне особое внимание или излишнюю дружелюбность. Он просто равнодушен. Он говорит «привет» и «пока», когда мы пересекаемся дома или в школе — то, чего можно ожидать от иностранного студента, который обжился в вашей гостевой комнате. Это трудно объяснить, даже самой себе. Между нами не произошло ничего *плохого*, нет постоянных подстреканий или враждебности, но что-то изменилось, и это настолько ощутимо, что больно.

И в четверг, когда он садится напротив меня за ужином, я чувствую, что у меня больше нет свободы действий, чтобы спросить его о синяке под глазом.

Но мой папа, однако, не страдает похожими проблемами.

— Что с твоим глазом? — спрашивает он, гнев и подозрение сквозят в его тоне.

— Я убедил некоторых из моих новых товарищей сыграть в регби, — Кингстон выпускает смешок, но я громко и ясно слышу ложь в его словах. — Полагаю, следовало более конкретно объяснить им правила.

В глазах моего папы виден скептицизм, но он кивает.

— *Похоже* на то. Рад слышать, что ты не замешан в драке. Не думаю, что должен повторяться, что это неприемлемо в нашем доме.

— Конечно, — соглашается Кингстон. — Я уверяю вас, сэр, что не было никакой драки или чего-то подобного.

— Мм-хмм, — бубнит папа с сомнением, но больше ни о чём не спрашивает.

Остальная часть обеда проходит в напряжённой тишине, за исключением нескольких забавных комментариев от Сэмми. И к тому времени, как я поднимаюсь, чтобы помочь маме убрать со стола, я ни разу не встретилась с Кингстоном взглядом.

~~~~~

Следующие несколько недель проходят без каких-либо инцидентов, которые заслуживают внимания — на самом деле, если бы не отсутствие Себастьяна, то можно было бы считать, что всё вернулось на круги своя. Я вернулась к своей обычной школьной рутине, домашнему заданию и тренировкам, иногда обмениваясь короткими приветствиями с иностранным студентом по обмену, который сейчас... ощущается немного чужим.

Он, наверное, много времени уделяет своим новым друзьям и всем тем вещам, что они делают, потому что его никогда невозможно застать дома перед обедом в течение недели, или комендантским часом на выходных. Он выполняет все те задания, которые даёт ему мой папа, и каждый раз благодарит маму за приготовленную еду. Я даже несколько раз видела его выходящим из палатки с Сэмми. Но, не считая этого, такое ощущение, что его здесь вообще нет.

И всё же, в те редкие случаи, когда наши взгляды встречаются и задерживаются друг на друге достаточно долго, — чтобы быть незнакомцам, какими мы притворяемся, — думаю, я каждый раз вижу то же ошеломлённое замешательство в его глазах, которое ощущаю сама. Это трудно объяснить, но тот же самый комфорт и интимность, которые мы испытывали, по-прежнему существуют между нами, всё также вызывая мурашки, и я знаю, что если заведу разговор или попрошу его об одолжении, он выполнит всё сию же минуту и без сопротивления.

Но в глубине души мне также известна точная причина этой зияющей сейчас между нами дыры — сопротивление. Его глаза говорят мне о том, что ему то же об этом известно, и что возможно — только возможно — он тоже скучает по тому общению, что было между нами. Жаль, что мы разрушили всё, потому что я очень по нему скучаю.

Я скучаю по той весёлой дружбе, которая давалась без каких-либо усилий. Скучаю по тому, какими мы были, когда никто не видел, ведя забавный поединок с нотками остроумной кокетливости. Скучаю по нашим сообщениям. Я даже скучаю по прикосновению его губ к своим — нашему единственному поцелуе, который вызвал этот большой разрыв между нами. И особенно мне, до физической боли в груди, не хватает записок в душевой.

Но затем, однажды ночью, судьба снова сводит нас вместе.

— Эхо... не бойся, Любовь моя. Это я. Кингстон. Я держу тебя.

Я резко распахиваю глаза и медленно пробуждаюсь ото сна.

— Что случилось? — спрашиваю напряжённо.

— Шшш, — успокаивает он, держа моё тело в своих сильных руках. Он крепко обнимает меня, заставляя почувствовать безопасность. — Давай не будем будить твоих родителей.

Он идёт от лестницы к моей комнате, и ко мне внезапно приходит осознание, когда все кусочки становятся на свои места.

— Твой синяк под глазом, — бормочу я, когда он тихо закрывает мою дверь своей ногой.

— Мы можем поговорить завтра, — он укладывает меня в мою тёплую постель, а затем натягивает одеяло до подбородка. — Возвращайся ко сну. Я посижу тут, пока ты не уснёшь.

— Нет, — возражаю я, не желая, чтобы это закончилось. — Я хочу поговорить, хотя бы минутку. Пожалуйста.

Он вздыхает и потирает затылок.

— Ты забыла выпить свой чай сегодня вечером?

— Что? — пишу я. Откуда он узнал об этом?

— Должен ли я спуститься вниз и сделать тебе его?

— Нет... и теперь я действительно хочу поговорить. И да, я забыла. Я просто немного... выбилась из колеи, полагаю.

— Такое же чувство, — он заправляет выбившуюся прядь волос мне за ухо. — Мне очень жаль. Пожалуйста, верь мне, когда я говорю тебе, что не хочу делать ничего такого, что тебя расстроит.

Я киваю.

— Я это понимаю. Что сделано, то сделано. Я всё понимаю, — ненавижу это, не понимаю. — Откуда ты узнал о моём чае?

Он смеётся, мягко и гулко.

— Я знаю много чего о тебе, Эхо.

— Это я поставила тебе синяк, не так ли?

— Ага, — он берёт меня за руку, массируя мою ладонь большим пальцем. — Но это моя вина. Я не знал, что в такой момент не стоит пытаться разбудить лунатика.

— Мне очень жаль.

Он прикасается пальцем к моему рту и улыбается.

— Ничего страшного. Как я уже и сказал, моя вина. И сегодня... ну, у меня не было выбора, кроме как разбудить тебя, следя всё время за правым хуком. Я не мог допустить, чтобы ты спустилась вниз.

— Как... как давно ты знаешь?

— С моей второй проведённой здесь ночи.

Мой рот открывается. Я ошеломлена, что он никогда раньше не говорил об этом. Вздыхаю, готовая извиниться ещё раз, когда он продолжает.

— Большинство ночей ты приходила в мою комнату, что приводит меня к мысли, что Себастьян об этом знает, — он вопросительно наклоняет голову.

— Да, но наши родители нет, — я встречаюсь с ним взглядом, умоляя его держать это в секрете. — Они ни за что не позволят мне снова выступать в воздухе, если узнают, что со мной что-то происходит. И моя папа... — я проглатываю всхлип. — Он начнёт задавать вопросы, на которые я должна буду честно ответить, а затем он начнёт винить себя.

— Почему, потому что это его работа заботиться о тебе? Я вижу это. Он очень заботливый отец.

— Да, он такой, но...

Я не могу отвести от него взгляда, поэтому, продолжая жевать губу, решаюсь окунуться в прошлое.

Он сжимает мою руку.

— Расскажи мне.

Я не прошу его о том, чтобы он поклялся не говорить об этом кому-то или судить. Я уже знаю, что он не станет ничего из этого делать. И чудесным образом, я не чувствую, что предаю своего отца, доверяя тайну Кингстону. Я просто чувствую, что снова — *наконец-то* — делюсь мыслями со своим другом.

— Мой папа имел дело с... — опускаю голову, бормоча следующее слово, — алкоголем. Он не пьёт уже долгое время и теперь вообще не прикасается к выпивке, — я поднимаю глаза, уточняя эту важную деталь. — И я просто, беспокоясь за него, проверяла его в течение ночи. И это превратилось в лунатизм, когда он перестал пить. Даже после всех этих лет, что он не пьёт, полагаю, моё подсознание думает, что мне нужно убедиться в порядке ли он... и теперь ещё один человек узнал об этом, потому что теперь я хожу к нему вместо Себа, — выдыхаю я. — Знаю, это звучит дико. Я ещё не разобралась во всём этом. Как только разберусь, это прекратится.

— Это многое объясняет о твоём отце, — отвечает Кингстон после небольшого молчания. — Но мне интересно: если Себастьян так беспокоится о тебе, как он мог предположить, что комната с балконом для тебя безопасна?

— Он просовывал палку через ручки. Разве ты не видел её под моей кроватью, когда всё здесь изучал?

— Ах, — он мрачно улыбается, когда понимание озаряет его. — Так почему мы до сих пор ещё не делали этого? Какого чёрта она делает под кроватью.

— Потому что его здесь нет, чтобы это сделать, — понимаю, как бредово звучит мой ответ, но это правда. Я не оставляю палку там, потому что Себастьян уехал, и мой отказ делать это вместо него придаёт мне немного больше гордости, потому что так я чувствую, что могу контролировать себя. — А моя мама хотела, чтобы у меня, девочки, была комната с балконом. Это всегда была моя комната, всю мою жизнь, поэтому я не могу попросить другую, не вызвав подозрений.

— И что насчёт лестницы? Это опасно. Расскажи, какие меры предосторожности ты отказываешься предпринимать, чтобы я мог переубедить тебя снова к ним прибегнуть?

Я верчу в руках своё одеяло, уставившись на него, а не на Кингстона.

— У меня был звоночек на двери. Клянусь, Себастьян мог услышать эту вещь, прежде чем тот звонил. Но когда он уехал, я сняла его. Никто не услышит его, кроме моих родителей, а этого точно не произойдёт. И когда я узнала, что ты тут останешься, *решила* не возвращать его обратно. Я... не хотела, чтобы ты узнал. Чёртов чай. Думаю, я начну удваивать свою дозу.

Он усмехается и трясёт мою руку, чтобы я снова посмотрела на него.

— Нет необходимости в этом. Это происходило не каждую ночь. Думаю, это происходит, потому что некоторые вещи усложнились и тебя это беспокоит.

И...? Я жду, но думаю, он не собирается предложить решение. Так что я отодвигаю эту надежду и реагирую соответственным образом.

— Спасибо за помощь... и ничего больше не говори.

— Эхо, — он придвигается ближе, робко прикасаясь к моей щеке. — Это не должно быть проблемой. Да, отношения между нами немного пошатнулись, но я бы никогда не позволил чему-либо с тобой произойти. И естественно ты никогда не должна в этом сомневаться.

На его лице рассветает улыбка, когда я утыкаюсь лицом в его руку.

— Я не сомневаюсь. Ни на секунду, — признаюсь я, успокаивая его. — Так как ты поживал? — задаю вопрос без какого-либо стеснения. Он знает о моей сокровенной тайне, поэтому нет смысла сейчас скрывать от него что-нибудь ещё. И мне действительно интересно.

— Спроси меня, Любовь моя. *Спроси меня*, и я отвечу тебе честно.

Мне не послышалась мольба в его словах.

— Ты... ты *скупаешь* по мне, Кингстон?

— Очень сильно, — отвечает он, словно огромный камень падает с души. Он поднимает свободную руку и прикасается к другой моей щеке, удерживая моё лицо. — Не подумай, что я хам, но я был очень благодарен за этот лунатизм. По крайней мере, я видел тебя... Держал тебя, укладывал в кровать. Несколько раз, я даже думал, что ты просыпалась, шепча моё имя, но нет. Ты говорила во сне — *моё имя*, — кончики его пальцев нежно скользят по моей коже, и он следует глазами за их движением. — И я пользовался этим — немного несправедливо, я признаю, как и то, что делаю прямо сейчас.

Он внезапно встаёт. Ощущаю холод на щеках от потери его рук, которыми теперь он зарывается в свои волосы.

— Я всегда буду делать так, чтобы ты была в безопасности, Эхо. И если тебе что-нибудь нужно, всё что угодно, — говорит он, его голос становится тише, — дай мне знать. Но это... — он делает паузу, затем качает головой. — Сладких снов, Любовь моя.

Ещё долго, после того, как он уходит, я сижу ошеломлённая, замерев на месте. *Никто* не сможет поспеять за этой сокрушительной, дезориентирующей, *приводящей в ярость* игрой туда-и-обратно, в которую он играет.

Кингстон даёт, Кингстон забирает обратно.

Мазохист.

Глава 20

Я направляюсь в павильон, чтобы попрактиковаться — не для «его» танца, хотя я почти довела его до совершенства (под песню «Powerful» исполнительницы Ellie Goulding).

Услышав голос Саванны, я замираю в одном шаге от входа.

Я всегда просила её совместных тренировок, но в ответ слышала только её «слишком занята». Но сегодня, кажется, она взяла инициативу в свои руки, и я больше, чем просто немного удивлена.

Но я рада, что она здесь, так как нам, очевидно, нужно поговорить — не только о вечеринке, но и о её выходках в течение ночи, начиная с обещания *не* оставлять меня (которое она нарушила ровно через пять шагов после того, как мы вошли в дом) и заканчивая тем, что она пила алкоголь в окружении нетерпеливых парней, которые явно не были моим

братом, и которые могли заставить её сделать Бог знает что.

Голос Саванны становится напряжённым, неистовым и пронзительным, и когда я уже собираюсь заглянуть внутрь, чтобы посмотреть, кто ещё там находится, к её визгу внезапно присоединяется голос моей мамы.

Я стою совершенно неподвижно снаружи палатки, чтобы... ну, скажем так, подслушивая.

— С тобой одна нервотрёпка, Саванна Тёрнер! — *почему моя мама кричит?* — Не могу поверить, что ты пришла сюда, и что у тебя хватило совести заявиться сюда, словно ничего не произошло. Мне было достаточно трудно оставаться по отношению к тебе доброй, *учитывая* то, что произошло. Но теперь?

— *Что* теперь? — *ох, чёрт, нет.* Саванне лучше немного сбавить обороты, и как можно быстрее. Я не собираюсь стоять здесь и слушать, как она общается с моей мамой в подобном тоне. — Ничего не изменилось, Джули. Пожалуйста, вы как вторая мать для меня. Я люблю вашу семью. Почему вы просто не забудете это?

Не забудете что?

Моё дыхание становится рваным, а ноги начинают дрожать, хоть я и не уверена точно, куда ведёт этот разговор. Понимаю, что не должна подслушивать, но ведь никто из них не рассказал мне о том, что я должна знать. И вот я продолжаю стоять, ожидая их следующих слов.

— Саванна — это Келли-Спрингс. Моя фамилия *Келли*. В конце концов, всё в этом городе становится явным, и в первую очередь попадает к моей семье. Это одно из преимуществ, или, в данном случае, *недостатков* — наследие. Ты должна была знать, что рано или поздно я бы узнала об этом.

Я ещё никогда не слышала, чтобы голос моей мамы настолько был пропитан ядом.

— *Я знала*, что вы узнаете рано или поздно! — кричит Саванна. Это уже двойной удар неуважения к моей маме. Девчонка реально испытывает мои пределы. — Себастьян сказал мне, что доверился вам. Сказал, почему вы настояли на том, чтобы он убрался отсюда на некоторое время. Больше похоже на то, что вы специально оттолкнули его от меня, но вы же его мать — кто я такая, чтобы не соглашаться с вами? Но он уехал, так почему же, мы снова ворошим это?

— Потому что ты лгунья, — заявляет моя мама прямо. Я спотыкаюсь, делая шаг назад, потому что её прямота буквально выбивает меня из равновесия. — Мой сын рассказал мне всё — разумеется, всё, что *ты* ему сказала. И теперь я прекрасно осведомлена о том, что это всё ложь.

— Ч-что вы хотите этим сказать?

Я наклоняюсь ближе, чтобы лучше расслышать приглушённый и обрывистый голос Саванны, который означает только то, что моя мама права — она определённо о чём-то недоговаривает. И мамины слова загнали её в угол.

— Моя подруга уверена, что в клинику тебя привёз Клей. Ты рассказала об этом Себастьяну? — спрашивает мама.

Ответ Саванны звучит громко и оборонительно.

— Нет! Но только потому, что я знала, что он не сделает этого, не поддержит меня, а мне нужен был *кто-то*, кто бы отвёз меня! Себастьян хотел сделать всё правильно — встать на ноги и стать тем человеком, которым вы хотели его видеть. Я не могла заставить его... лишить его молодости. Колледжа.

— Ой, да ты что, — я слышу, как мама закатывает глаза — как думаете от кого у меня это? — Подлизываясь, ты от меня ничего не добьёшься, особенно, если за этим скрывается ещё больше лжи. Это была *твоя* молодость, а не моего сына. Он прекрасно знает *свои* обязанности.

Следует долгая пауза и тяжёлый вздох, прежде чем мама снова начинает говорить.

— Саванна... Я заботилась о тебе и была готова принять в свою семью, если бы у вас Себастьяном когда-нибудь всё стало гораздо серьёзнее. Так почему же ты не дала нам шанс показать тебе этого? Мы все, и даже Эхо, поддержали бы тебя. Ты не имела права принимать такое решение самостоятельно, не спросив моего сына; твоё тело или нет, он тоже имел право... если только нет ещё одной причины, почему ты не хотела, чтобы он знал.

— Я просто не знала, как справиться с этим, хорошо? — отвечает Саванна, её голос еле слышен. — Но правильно или неправильно, теперь это в прошлом.

Острая боль проходит через мой желудок, страх и предательство сталкиваются лицом к лицу в ожесточённой борьбе. Я не глупа, и у меня есть довольно хорошее представление о том, о чём они говорят прямо сейчас. Но из-за небольших деталей, которые выносит на свет моя мама, давая шанс Саванне признаться во всём, желчь грозит выйти из моего сдавленного горла.

Боже, пожалуйста, сделай так, чтобы я ошибалась.

— Ты права, так и есть, но поясни-ка мне вот что, — на этот раз моя мама не «говорит», она яростно *рычит* буквально каждое слово, и это самый страшный звук, который я когда-либо слышала в своей жизни. — Давай на этот раз только правду. Почему из всех на этой *Земле* именно Клей оплатил это своей кредитной картой?

— Э-э... эм... ну...

Мама останавливает её от любых следующих тупых отговорок и говорит одно слово, которое я так молилась не слышать.

— Аборты стоят нынче очень дорого, Саванна. Молодые люди, такие как Клей, у которых не так много денег, не «одалживают» их друзьям, чтобы те избавились от детей — *особенно детей лучших друзей!*

Слёзы злости, которые я так сдерживала, вырываются на свободу и начинают медленно катиться вниз по моим щекам, покалывая кожу. Моя грудь болит, сердце разрывается из-за потери моего брата.

— Нет, нет, — Саванна снова плачет, но ещё сильнее, и как бы это не выглядело жестоко, её чувства ничего не значат для меня в данный момент. — Это не то, что вы подумали. Мы просто заботимся о Себастьяне. Мы пытались его защитить!

— Тогда почему ты не рассказала ему обо всём? — мама открывает ответный огонь.

Именно то, о чём бы я тоже спросила. Напрягаю слух, желая узнать ответ.

— Я знаю, что он заслуживает того, чтобы знать.

— *Заслуживает?! —* кричит моя мама. — Он *заслуживал* шанс принять решение вместе с тобой! Он *заслуживал* девушку, которая проявляла бы к нему хоть каплю уважения! Он *заслуживал* верного друга! А больше всего он заслуживал знать *всё*, а не ту переделанную историю, которую ты ему стравила, защищая себя!

— Пожалуйста, — рыдает Саванна. — Я понимаю. Вы правы, Джули. Я просто пыталась облегчить для него всё это настолько, насколько было возможно. Пожалуйста, просто отпустите это. Мы все должны двигаться дальше. И когда Себастьян вернётся домой, я сделаю всё...

— Ты, чёрт побери, будешь держаться подальше от моего сына! Вот что *именно* ты сделаешь!

— Я люблю его! — голос Саванны более чем отчаянный. — Мы пройдем через это и станем сильнее...

Что-то заставляет её замолчать, и я выглядываю и обнаруживаю, что моя мама стоит всего в нескольких дюймах от Саванны, подняв палец, чтобы заставить её замолчать.

— Послушай меня, юная леди, и слушай очень внимательно! Если тебя это так беспокоит, Себастьяна больше не существует, — она делает шаг назад и разглаживает руками свою кофточку, возвращая себе приличный вид. — Я сказал то, что хотела сказать, и на этом точка. Я не твоя мать — я мама Себастьяна. Он единственный за кого мне стоит беспокоиться во всём этом, и я доверяю интуиции моего мальчика. Ты можешь рассказывать свои сказки, если хочешь. Тебе жить с этим, а не мне. Но я и близко не хочу тебя видеть возле своей земли, или же за своим столом снова.

— У меня здесь выступления, и Эхо... она моя лучшая подруга.

— Моя дочь — единственная *настоящая* подруга, которая у тебя есть в этом городе, но если ты хоть на секунду задумаешься, то она не надерёт тебе задницу, за то, что ты предала её старшего брата, то ты её абсолютно не знаешь. И ты точно, чёрт побери, не *заслуживаешь* её доброты.

Мама разворачивается и, услышав приближающийся топот, я понимаю, что мне нужно спрятаться. Я прячусь за павильон и смотрю, как она выбегает и направляется к дому, всё её тело заметно дрожит.

Я вдыхаю через нос, а затем медленно выдыхаю через рот. Я проделываю это несколько раз, пытаюсь собрать в кучу все свои сумасшедшие мысли, предположения и вопросы, от которых у меня кружится голова... и сосредоточиться на дальнейших действиях.

Я никогда не воспринимала всерьёз слухи в Келли-Спрингс, поэтому некий «подтекст моей мамы» тоже мог бы оказаться слухами. Но я достаточно услышала из первых уст, и ответы Саванны ясно дали понять, что большая часть беседы является прямым доказательством того, что это правда. У меня просто не укладывается в голове: Саванна сделала аборт и не говорила об этом Себастьяну, пока всё не выплыло.

Ага, этого достаточно для меня.

Я заваливаюсь в палатку, моя ужасная злость набирает обороты с каждым тяжёлым шагом, который я делаю.

— Саванна! — рывкаю я, напугав её так сильно, что она роняет всё, что держит в руках: свой костюм и то, что она начала собирать.

— Эхо! Эм... привет, — её глаза красные и опухшие, и она выдавливает натянутую улыбку. — Я пришла, надеюсь, что мы сможем потренироваться, но чувствую себя не очень хорошо, поэтому давай немного позже?

— Почему бы тебе не сесть и выпить немного воды? Ты не настолько больна, чтобы не уделить мне минутку, да? Потому что я думаю, нам всё же стоит поболтать, — я мило улыбаюсь, намереваясь действовать медленно, и опираюсь о брус перекладины, скрещивая ноги в лодыжках.

Она падает в кресло и вздыхает, словно на это потребуются титанические усилия.

— О вечеринке, да? Господи, Эхо. Я же писала и извинялась. Возможно, тебе уже стоит забыть об этом? Не всё, что *задевает твои чувства*, стоит длительного обсуждения. В мире есть проблемы и поглобальнее.

— Ты абсолютно права, — щебечу я. — И я полностью их контролирую. По факту, ничего подобного у меня и в мыслях нет.

— Тогда в чём я провинилась на этот раз? Валяй, — она жестами показывает «выкладывай». — Скажи мне, какой дерьмовой подругой я была на этот раз. Я извинюсь, как и всегда делаю, и мы сможем жить дальше.

Крошечная часть меня, на самом деле, до сих пор переживает за неё. Я всё ещё надеюсь, что это просто огромное недоразумение, и что моя лучшая подруга, с которой я дружу так долго, расставит все точки над «i» и объяснит мне всё, как и мой брат, о котором я побеспокоюсь чуть позже.

Поэтому я отхожу немного в сторону, увеличивая между нами расстояние, чтобы она чувствовала себя достаточно комфортно и пролила правду на свет.

— Ты не всегда дерьмовая подруга, Сав, да и я не всегда совершенна. Но раз ты упомянула о той вечеринке, то она явно *не показала* тебя с хорошей стороны. Ты кинула меня на пороге и вела себя довольно, чёрт побери, развязно. Однако, надеюсь, после выпитого количества алкоголя, ты или как там её имя не садились за руль. Клей отвёз вас домой?

— Нет. С чего бы? — в её глазах мелькает отблеск сомнительной вины.

Я пожимаю плечами.

— Просто подумала, что он это сделает. Так как Себ уехал, и вы двое, кажется, очень сблизилась: ночные клубы, шопинг, день рождения... а затем удивительные познания на вечеринке, какой твой любимый напиток, — я пересчитываю всё на пальцах. — Ох, почти забыла о городском турне для Кингстона, в котором ты вызвалась поучаствовать, и тот день, когда ты появилась вместе с Клеем, чтобы помочь разгрузить грузовик. Ты и Клей постоянно вместе, или мне так показалось.

— Твоя мать тебе рассказала? — голос, которым она это произносит, может превратить воду в лёд.

— Рассказала мне что? — я удерживаю свою позицию. Вот оно: сделать или отступить. И я готова.

— Ты знаешь, — выдавливает она, опустив голову.

— Знаю *что*? Скажи, Саванна, — прошу я. — Посмотри на меня и скажи мне правду.

Он вскакивает, разводя руки в стороны.

— Это что тема сегодняшнего долбаного дня или что? Господи Боже, прошли *месяцы!* Что нет других тем для разговора?

Но я стоически принимаю это, скрестив руки. Я уж точно не куплюсь на её ерунду. И когда я не говорю ничего, она осознаёт это.

— Эхо, я люблю твоего брата. Ты же знаешь это. И я это сделала для него... поэтому он может быть нормальным двадцатилетним парнем, наслаждаться учёбой и осуществлять свои мечты. Я рассказала ему всё, и он согласился с этим.

Я оставалась спокойной, давая ей полную свободу действий, а она просто облажалась даже в этом. *Враньё*. Каждое слово. Себастьян возможно ещё совсем молод, но он точно не согласился бы с этим, ведь дело касалось его собственного ребёнка. Мой брат никогда не сможет быть снова «нормальным» после такого предательства, и я не говорю о том, что если бы он согласился с этим, то не сбежал бы на другой конец земли.

Меня настолько молниеносно накрывает волной, что я даже в полной мере не могу понять, что это такое, и из меня вырывается поистине животный рёв. Моё тело движется

само по себе, сумасшествие больше не в пределах моего контроля, и я срываю металлическую миску с мелом, которую мы держим всегда под рукой, с деревянной подставки. Я со всей силы бросаю её в Саванну, которой чудом удаётся избежать убийственного приговора, когда та едва не попадает ей в голову и со стуком падает на землю.

— Что за нахер, Эхо?! — кричит она. — Ты могла убить меня!

— Какого чёрта, малышка?

Клей подбегает ко мне со спины и обнимает, зажимая руки в тиски.

Сюрприз, сюрприз. Мне становится интересно, откуда так внезапно появился Клей и почему, но моё мышление сейчас выключено, поэтому нет времени всё обдумывать. Он здесь, потому что Саванна здесь.

— Убери от меня свои руки, Клей... сейчас же! — я использую все свои силы, чтобы попытаться вывернуться из его захвата. — И никогда не называй меня «малышкой» снова. Меня от тебя уже *тошнит!*

— Вау, — он отпускает меня, делает шаг вперёд и становится между Саванной и мной, расставив руки в обе стороны. — Что, чёрт возьми, я сделал?

— Она бесится из-за того, что мы стали хорошими друзьями, и что ты отвёз меня домой после той вечеринки прошлой ночью, — Саванна произносит всё это с осторожностью, словно говорит «поддержи меня», не произнося этого вслух. Разве она *не сказала* мне, что её домой отвёз не Клей? Она даже не может придерживаться своей лжи и связно врать. Я испытываю жалость к ней, когда думаю о том, чего *ей* это будет стоить.

Клей не понимает намёка.

— Неа, я этого не делал. Крейг отвёз.

И этот тупой ублюдок ещё имеет наглость мне ухмыляться, как будто польщён и думает, что я когда-либо буду его ревновать. *Зашибись, блин.*

— Господи, — изумленная, я запрокидываю голову и заливаюсь смехом, косясь на Саванну. — Я даже не знаю, что выглядит более жалко: тот факт, что ты уехала домой с парнем, с которым пыталась свести меня, или что здесь Клей — *тот, кто заплатил за тебя, чтобы ты прервала жизнь малыша моего брата*, и который думает, что я его ревную!

— Ты сказала, что тебе не нужен Крейг!

И это единственное, что она услышала из всего, что я сказала?

— Ты права, Саванна, — я качаю головой, настолько же ошарашенная, насколько и возмущённая. — Это намного важнее. А ты, — усмехаюсь Клею, — я не услышала, чтобы ты отрицал то, что я сказала о вас двоих.

Они оба молчат и смотрят друг на друга, а затем на меня, вина чётко отражается в выражении их растерянных лиц. *Да, Эхо всё узнала, а вы забыли обсудить свою оправдывающую речь.*

Абсолютные дебилы.

— Всё нормально. Здесь нечего *больше* добавить, поэтому просто послушайте, что я вам скажу. Я буду говорить медленно — не хочу что-нибудь упустить, — сначала я указываю дрожащим пальцем на Клея. — Ты расскажешь моему брату, что принимал в этом участие, или это сделаю я. И держись с этого момента подальше от меня. А ты, — говорю я Саванне, — самая худшая подруга в мире. Я не хочу больше с тобой общаться. И если ты ещё хотя бы раз неровно *подышишь* в сторону моего брата, я стану той кто сотрёт тебя в порошок, — я взрываюсь. — Ни одному из вас не разрешено снова приходить сюда, или мне придётся

подключить своего отца. Забирайте всё своё дерьмо и валите нахрен. Сейчас же!

Я разворачиваюсь и ухожу прочь, оставляя позади все чувства, которые когда-либо испытывала к этим людям.

Не имеет значения, что произошло, или не произошло, или почему так случилось; ясно лишь одно: Себастьяну было достаточно больно, чтобы рассказать нашей маме свою версию; достаточно больно, чтобы уйти; и достаточно больно, чтобы скрыть это от меня.

Достаточно. У тебя не будет второго шанса со мной, если ты обманешь, соврёшь или хоть как-то навредишь моему старшему брату.

Глава 21

Я не бегу или не топаю со злостью к дому. Вместо этого, я иду спокойно, моя комната — конечный пункт назначения по нескольким причинам. Во-первых, если мама заметит, что я расстроена, то поймёт, что я подслушала, — что само по себе неправильно с моей стороны, — и это расстроит её ещё больше. Должно быть некое объяснение тому, что она ничего мне не рассказала. Причина может быть простой, например, она не думает что это моё дело, или же Себастьян попросил её держать это в тайне... что только укрепляет неправильность моего подслушивания.

И во-вторых, если я разозлённая пронесусь по дому, папа *начнёт* доставать меня вопросами, а я почти уверена, что он об этом ничего не знает. Если бы ему было что-то известно, то Себастьян не покинул бы дом, не говоря уже об отъезде в другую страну.. к тому же ноги Клея или Саванны не было бы в нашем доме.

И Сэмми? Я даже не подумала, какие неприятности могут нависнуть над ним, хотя, кажется, что-то уже стряслось.

— Эй, приятель, что случилось? — спрашиваю его, когда достигаю крыльца. Он сидит, сложив руки на коленях и опустив на них свою крошечную головку.

— Где этот Кингстон? — бросает он.

Хороший вопрос. Я осматриваю двор в поисках его пятнистого грузовика. И теперь, когда мне нужно всё хорошенько обдумать, Кингстона нет рядом в этот дерьмовый день. Жаль, что мы просто знакомые, но я могла бы просто проводить с ним время, вместо того, чтобы тонуть в пучинах одиночества.

— Понятия не имею, Сэмми, — я скольжу вниз рядом с ним. — А что? Ты его ждёшь?

— Да! Я тут уже целую вечность жду. Он пообещал поработать со мной над секретными штучками этим утром, но не пришёл, — он поднимает на меня взгляд, в его больших карих глазах застыли слёзы, и глубоко внутри меня что-то щёлкает.

Я официально встретила своё переломное мгновение. *Обоих* моих братьев обидели? Люди думают, что я не умею злиться, потому что я — Эхо — как правило, этого не показываю. Но сестра Себастьяна и Сэмми может прийти в такую ярость, что даже сам Сатана захочет сбежать.

Делаю глубокий вдох, успокаивающий выдох, а затем мило улыбаюсь Сэмми.

— О каких секретных штучках мы говорим? Возможно, я смогу тебе помочь.

Он дважды оглядывается вокруг, а затем наклоняется и шепчет:

— Моё магическое шоу. Кингстон помогал мне с ним. Почти всё готово, и я знаю, что

оно понравится папе, и он разрешит мне показать его на Рождественском шоу!

Моя улыбка становится шире от волнения в его голосе. Такой милый мальчик. Как Кингстон мог о нём забыть?! Какой нужно быть огромной задницей, чтобы кинуть маленького мальчика, у которого лицо сияет при разговоре о своей цели, заставляя его весь день сидеть на крыльце и ждать.

— Я помогу тебе, — ерошу ему волосы. — Я бы с радостью посмотрела, как это работает.

— Спасибо, Эхо, но ... — он уворачивается, больше не глядя на меня.

— Но что?

— Ты не знаешь всех хитростей и всего остального. Мне нужен мой помощник, — он спешит обнять меня, положив голову мне на плечо. — Прости. Может быть, в следующем шоу.

Я что получила отворот поворот от своего девятилетнего братишки? Я бы посмеялась, но будь он таким чересчур серьёзным, к тому же, я слишком его люблю, чтобы на него обижаться. Плюс, я, кажется, ни над чем не могу смеяться, пока у меня под кожей тлеют горячие угольки.

И я не собираюсь ломать его дух, поэтому говорю ему так же серьёзно, как и он.

— В этом есть смысл. Ты должен работать с тем же помощником. Я рада, что на эту роль не была допущена какая-то простая девочка, — из меня вырывается сдавленный смешок. — Я уверена, Кингстон приедет в ближайшее время, но если не приедет, или ты поменяешь своё решение, просто найди меня.

— Хорошо! Я пойду и всё подготовлю к его приезду.

И он убегает с беззаботным оптимизмом, которого даже я не испытывала, когда мне было девять.

Когда он уже на полпути к сараю, я разворачиваюсь и спокойно направляюсь к себе в комнату, где нахожу свой телефон. Первым делом я печатаю сообщение Кингстону, со всей ярости давя двумя большими пальцами по экрану.

Я : Ты забыл, что обещал помочь Сэмми сегодня? Он просидел на крыльце в ожидании тебя! Надеюсь, у тебя есть веские причины обидеть маленького мальчика!

Затем звоню Себастьяну, но он не отвечает. Пробую ещё раз, но безуспешно, включается голосовая почта.

Я решаю оставить одно сообщение, подбирая что-то наиболее разумное из всего того хаоса, что бушует внутри меня.

«Эй, братик, это Эхо... слушай, мне очень нужно, чтобы ты перезвонил мне. Не паникуй, с нами ничего не случилось. Мы просто... должны поговорить. Перезвони, как только сможешь, Себ, неважно в какое время. Люблю тебя».

Отключившись, решаю немного расслабиться и принимаю долгую, горячую ванну. К тому времени, как я заканчиваю, Себастьян всё ещё не перезвонил, а Кингстон так и не появился. Последний даже не прочитал сообщение, не говоря уже об ответе.

Чтобы хоть как-то отвлечь себя от беспокойных мыслей, я делаю домашнее задание, а затем принимаюсь читать книгу, для которой я ужасно хотела выкроить время. Я сразу теряюсь в красивой истории о несчастной любви — идеально подходящей для моего настроения сегодня, но кто-то стучится в мою дверь.

— Эй, милая, — говорит мама, просунув голову внутрь. — Ты здесь уже некоторое время. Всё хорошо?

— Ага, — я заставляю свой рот улыбнуться, чтобы успокоить её. — Просто решила расслабиться.

— Ну, ты это заслужила, — она смеётся, но выражение её лица по-прежнему выражает беспокойство. — Твой отец хочет сводить нас сегодня на ужин. Не хочешь присоединиться к нам?

— Э-э... ничего, если я не пойду в этот раз? Просто... Просто я так хорошо устроилась здесь, к тому же на самой интересной части в книге.

Она кивает с понимающей улыбкой.

— Конечно, дорогая. Я принесу тебе что-нибудь домой.

— Спасибо, мам, — я переворачиваюсь на другую сторону, скрывая от неё лицо и недовольство.

— Эхо?

— Да? — я не меняю позу. Не уверена, что она собирается сказать, но знаю, что не смогу смотреть на неё, когда она это говорит.

— Милая, ты так похожа на своего отца, что меня это иногда пугает. Он тоже постоянно обо всём беспокоится, и какое-то время даже пытался отыскать спокойствие на дне бутылки. Ты же помнишь это, да?

Она, наверное, думает, что я не помню этого, потому что была тогда слишком маленькой. Но, так или иначе, это первый раз, когда она упоминает об этом. Поэтому шокированная, я даже переворачиваюсь, чтобы посмотреть на неё.

— Но это ничего не изменило, кроме нашей веры в него, и того, насколько сильно у него болела голова на следующее утро, — продолжает она, по-прежнему стоя в дверном проёме, её внутренняя сила сияет ярче, чем я когда-либо видела. — Ты — моя замечательная, чуткая доченька, тратишь своё время на беспокойство обо всех нас. Но какой бы несчастной ты себя не делала, это ничто не изменит. Поэтому лучше остановись. Просто будь счастлива, Эхо. Позаботься о себе, потому что все остальные должны научиться заботиться о себе самостоятельно без твоего участия.

Между нами возникает длинная пауза, и мы молча обмениваемся невысказанными словами, пока я снова не обретаю голос.

— Спасибо, мам. Я буду стараться, — я улыбаюсь по-настоящему. — Просто для протокола, мне нравится думать, что я больше похожа на тебя.

~~~~~

— Наконец-то! Можете сказать мне своё имя?

Я моргаю, когда яркий, ослепляющий свет поражает мои сонные глаза.

— Что? — хриплю я и прочищаю горло.

— Ваше имя. Можете ли вы сказать мне его? — снова спрашивает мужчина, нависая надо мной.

Эм, нет. Ты незнакомец, и меня раздражает, что ты слишком громко говоришь, выглядя чересчур реально для сна.

— Нет, нет, оставайтесь со мной. Ну же, откройте глаза, — говорит он, сжимая мою руку. — Давление падает, дыхание участилось! Заводи машину, мужик, убираемся отсюда!

Странно, кричащий парень из моего сна что-то прикладывает к моему рту и носу. *Это* приводит меня в чувства.

— Просто дыши, медленно, вот так хорошо, — его голос теперь ниже, и подозреваю, это такая попытка успокоить меня. — Препарат действует... спокойно, глубокие вдохи. Мы в машине скорой помощи, но с тобой всё будет хорошо. Мы почти приехали в больницу.

Он сказал скорая помощь? Он что сумасшедший. Я была в своей постели, читала книгу, ожидая, что мой брат или Кингстон позвонят или напишут.

Я пытаюсь сесть, но это оказывается плохой идеей. Это больно и чувствуется очень реально.

Ох, дерьмо.

Осматриваюсь вокруг, приходя в ужас и замешательство от того, что вижу. Я действительно нахожусь в машине скорой помощи, и я не могу сесть, потому что привязана к каталке. Что-то тугое обвивает мою шею, угрожая задушить.

Я шевелю ногами, насколько позволяют мои удерживающие устройства, и закрываю глаза с облегчением. Слава Богу, я чувствую их. Также я чувствую, что что-то не так с моей левой рукой, боль почти невыносимая. И моя голова? Она пульсирует, словно по ней ударили мячом.

Я снова открываю глаза, моё зрение намного лучше, хотя и не очень чёткое. Судорожно обвожу взглядом эту разогнавшуюся ужасную шутку, в которой я заперта в ловушке с этим властным парнем. *Где мои мама и папа? Они знают, где я? Что, чёрт возьми, произошло?*

— Ты хорошо справилась. Очень хорошо. Сейчас будем выгружаться, — говорит мой спаситель. — Твоя семья уже в пути.

Следующее, что я понимаю, это что меня быстро везут по освещённому яркими 200-ваттными лампочками коридору. Люди начинают окружать нас и бегать вокруг, диктуя какие-то цифры и буквы, которые звучат от каждого как военный код, но, похоже, они все понимают друг друга.

— Семнадцатилетняя девушка, упала с лестницы в своём доме. Мать нашла её без сознания и позвонила в скорую. Пришла в себя по пути сюда. Дезориентирована, не очень идёт на контакт, давление 142 на 90. Семья в пути.

Я улавливаю некоторые обрывки сказанного, и этого хватает, чтобы сложить их воедино. Я уснула, не выпив чай и сняв колокольчик, будучи ужасно расстроенной...

Чувствую вину, когда думаю о том, что же подумала обо мне мама, когда увидела меня в таком состоянии.

Меня вытаскивают из мрачных мыслей, когда мы достигаем палаты и два новых незнакомца хватают за каталку подо мной, вызывая и посылая новый уровень боли.

— По моей команде, — говорит один из них, прежде чем сосчитать до трёх. Затем меня вдруг приподнимают, и я оказываюсь на кровати.

После этого следует ужасающий гул непрерывной работы вокруг меня: свет светит прямо в глаза, кто-то мнёт руками мой живот, кто-то втыкает иглы в вены. Сколько ещё человек собирается меня спросить о том, как меня зовут, и где я нахожусь? И ради всего святого, повесьте уже кто-нибудь здесь чёртов календарь и обведите там дату моего дня рождения, потому что каждая живая душа в этой комнате попросила меня назвать эту дату! *Я бы лучше сходила на парад, проходящий каждый год.*

— Больно, — стону я. Тянусь, чтобы потерять свою руку, но кто-то меня останавливает.

— Мы знаем, — это единственный ответ, который я получаю — или, возможно, это

единственное, что я слышу, перед тем как отключиться. Думаю, лекарства, которые они мне дали, начали действовать. *Восхитительно.*

Мои глаза закрыты, головная боль не такая сильная, как раньше. Такие слова, как «рентген» и «перелом» раздаются вокруг меня, когда меня везут ещё по одному коридору, хотя на этот раз уже не так быстро... надеюсь.

Последнее, что я помню, это садистский доктор из ада, который дёргает и грубо выкручивает мою руку, словно она не сломана и не убивает меня, несмотря на лекарства. Страх и, очевидно, очень низкий порог боли, который я испытываю, заставляют меня мысленно закатить глаза.

И снова всё темнеет.

Глава 22

— Ох, Эхо.

Я просыпаюсь, услышав беспокойство в голосе мамы, и открыв глаза, вижу её заплаканное и опухшее лицо.

— Привет, милая. С возвращением, моя дорогая девочка.

— Воды, — хриплю я. Это в прямом смысле болезненное слово, будто когтями царапает моё горло.

— Сейчас принесу!

Сэмми словно пружина спрыгивает со стула, стоящего в углу, — я даже не заметила, что он сидит там, — и бросается ко мне с чашкой и соломинкой.

— Маленькими глоточками, Эхо, — инструктирует он меня. — Медленно.

Хм, мой маленький волшебник, когда вырастет, может стать врачом. Кажется, он запомнил каждое указание данное докторами, и должна признать, у него отлично получается ухаживать за больными. Холодная вода не только успокаивает, но и помогает мне обрести способность с благодарностью улыбнуться.

— Хорошая работа, — хвалит его моя мама, пока слёзы текут по её щекам.

Затем я перевожу взгляд на свою левую руку, и, конечно же, огромный гипс покрывает всю от запястья до локтя. И вот тогда меня охватывает ужас. Я шевелю ногами и пальцами на ногах снова и снова, просто чтобы убедиться, что с ними всё в порядке. Огромное облегчение накрывает меня.

— Мама, — всё, что я могу сказать, молча спрашивая её о том, что произошло, зная, что она видит моё испуганное и расстроенное выражение лица.

— Да? — она берёт мою правую руку в свою. — Я уверена, что ты хочешь получить ответы. В общем, ты в больнице. Когда мы вернулись домой с ужина, ты была...

Она запинается, и Сэмми нежно гладит её по спине.

— У подножья лестницы, без сознания. Я вызвала скорую. Мне так жаль, что я не смогла поехать с тобой, дорогая. Я должна была остаться с Сэмми. Твой отец встретил сегодня вечером геодезиста, до которого пытался дозвониться всю неделю, насчёт новой стройплощадки, — она замолкает и закрывает глаза, качая головой, — он недавно был здесь... Он примчался сразу же, как только я позвонила ему... Но...

— Но что? — спрашиваю, оглядываясь вокруг, и только сейчас понимаю, что папы нет в комнате. — С ним всё хорошо? — мой живот скручивается в узел, когда в моей голове

пролетает худший сценарий.

— Да, да, конечно, — она сжимает мою руку, и комок нервов в моём животе расслабляется. — Ему просто нужно было съездить домой, пока они накладывали тебе гипс.

— Зачем? — я не могу быть ещё более запутанной. *Что она не договаривает?*

— Для того чтобы вызвать полицию на эту кучку жалких ублюдков! — выпаливает Сэмми, очевидно, повторяя слова папы.

— Сэмюэль! — ахает мама.

— Он прав.

Моя голова инстинктивно дёргается в сторону голоса отца, когда тот входит в комнату, посылая боль по всему телу.

— Как тут моя девочка? — спрашивает он с теплотой в голосе, которую я никогда не слышала, подходя к моей кровати. — Ты нас немного напугала, юная леди. Но ты идёшь на поправку. Моя сильная малышка Эхо, — она наклоняется и целует меня в лоб. — Я люблю тебя.

— Ч-что случилось? — спрашиваю, мой голос всё ещё хриплый. — Ублюдки?

— Не переживай из-за этого прямо сейчас, — говорит мама.

— Нет, пожалуйста, скажи мне, — умоляю я. — Что случилось? — я хочу спросить о Кингстоне, но видя, как на лице отца полыхает чистый гнев, решаю отложить это на потом.

Когда мне никто не отвечает, я, несмотря на разочарование и боль, решительно пытаюсь принять сидячее положение.

— Эхо, нет, тебе нужен покой, — говорит мама, в то время как папа подходит ближе.

— Пап? — прошу я. Я смотрю ему в глаза, надеясь донести до него, что смогу справиться с правдой.

— Если попытаешься подняться ещё раз, я перестану рассказывать. Поняла?

Я шепчу «да», потому что не испытываю желания кивать или напрягать свой голос больше, чем нужно для простых ответов.

— Кингстон устроил вечеринку в павильоне, — говорит отец. — Эта дерьмовая музыка орала так сильно, что разбудила мистера Стюарта по соседству. И когда *они его разбудили*, он увидел костёр.

— Зачем он это сделал? — спрашиваю я, отказываясь верить в то, что Кингстон настолько неуважительно поступил с моей семьёй, организовав там вечеринку.

— Когда Кингстон наконец-то вернётся домой, я уверен, он, чёрт побери, объяснится. Будь уверена.

— Его не было там?

Что-то тут не сходится. Кингстон не сделал бы этого, я это знаю. И даже если бы я была не полностью в нём уверена, то как бы он *сделал* это, если его там не было? Возможно, я чувствую слабость из-за лекарств и сотрясения головы, но мой здравый смысл всё ещё работает.

— Нет, и он не отвечает на телефон. Клей был там, думаю, теперь он хороший парень. Он сказал, что услышал об этом от кого-то из приятелей и добрался туда так быстро, как только мог. Он приехал туда, чтобы помочь нашей семье и даже пытался отыскать Кингстона... прежде чем я туда добрался. Я могу быть лояльным по отношению к новому другу. Но Кингстон...

— Стой, нет!

Я ёрзаю, и жгучая боль моментально простреливает мою больную руку и голову.

Смотрю маме в глаза, умоляя сказать хоть что-то. Клей уж точно *не* хороший парень, и Кингстон — и я — нуждаемся в её словесной поддержке. Она понимает, что я не могу оспорить или поправить моего отца, но также я не могу вот так просто лежать тут и слушать эту бредовую выдуманную ерунду!

— Ага, как же, Клей — *хороший парень*, — говорю я с большим сарказмом, чем думала, который переполняет меня на данный момент. Я наблюдаю, как мама опускает голову, отводя от меня взгляд и по-прежнему ничего не говоря.

И тут меня осеняет: она ничего не говорит, потому что предана своему сыну. Если «сдать» Клея, то Себастьян тоже будет «раскрыт», а она не станет этого делать. К сожалению, — и я прекрасно понимаю, к огромному стыду для моей мамы, — Кингстон выступает в роли жертвенного агнца любви моей мамы.

— Чего ты не договариваешь, Эхо? — начинает допрос папа.

Слёзы грозятся вырваться из моих глаз, из-за чего моё зрение становится размытым. Я нахожусь в той же лодке, что и моя мама. Это ужасная несправедливость, и Кингстон не заслуживает всех этих необоснованных обвинений. Но для меня Себастьян тоже на первом месте, поэтому я молчу.

К тому же, пока я не услышала фактов от Кингстона, я, возможно, всё не правильно поняла. Но, по крайней мере, мои предположения основаны на слепой вере в него, а не на полностью незаслуженной вере в Клея.

— Эхо? — давит мой папа.

— Ничего, — бормочу я, и к счастью, мама приходит мне на помощь.

— Я пытаюсь связаться с Кингстоном и буду продолжать это делать, — говорит она наконец-то, успокаивая моё внутреннее смятение. Она кладёт руку на плечо моего отца. — Давай разберёмся во всём завтра. У твоей дочери перелом руки и довольно-таки серьёзное сотрясение. Я бы сказала, что её отдых и восстановление прямо сейчас являются наиболее важными вещами.

В висках и вправду уже пульсируют, а зрение становится всё больше размытым, потому что мне ненавистно, что нам с мамой приходится молчать, оставляя всё, как сейчас, и вводя тем самым папу в заблуждение.

— Конечно, у тебя всё будет болеть некоторое время, но врач сказал, что, возможно, завтра выпишет тебя домой, — объясняет она мне. — Они просто хотят понаблюдать тебя немного из-за сотрясения.

В палату заходит медсестра, чтобы дать мне что-то от боли, но я качаю головой. *Чёрт побери, как же больно!* Я должна запомнить: *«Шевелись как можно меньше, Эхо!»*

На этот раз я перевожу на воду взгляд, и, к счастью, Сэмми понимает намёк и подаёт мне стакан до того, как я заговорю.

— Через минуту, — говорю медсестре, после чего смотрю на папу. Есть что-то большее, чего он мне не договаривает; я чувствую это, несмотря на туманное состояние.

— Мы должны оставить тебя, чтобы ты поспала. Уже поздно, — говорит он, а затем поворачивается к маме. — Дай мне минутку с Эхо, я встречу с тобой и Сэмми в зале ожидания через несколько минут.

Мама закусывает нижнюю губу.

— Джон, не хочу оставлять её одну на ночь.

— Сейчас для Эхо это самое лучшее место. С ней всё будет хорошо. Мы оба знаем, что ты не уснёшь, если останешься здесь, как и она. Ты будешь болтаться тут, беспокоясь всю

ночь, — он разворачивается к Сэмми, пока мама наклоняется и обнимает меня.

— Вот твой телефон, милая, — шепчет мама, запихивая его под одеяло со стороны правой здоровой руки. — Не думаю, что он должен у тебя быть, но вдруг что-то пойдёт не так. Если тебе понадобится хоть что-то, звони, — она целует меня в щёку. — Пойдём, Сэмми.

Ах, если бы взглядом можно было убивать, папа оказался бы прямо в морге. Но он, конечно, думает, что это смешно, и посмеивается над ней.

После того, как они уходят в зал ожидания, папа пододвигает стул к моей кровати и вздыхает, проводя рукой по лицу. Он выглядит уставшим.

— Давай посмотрим, смогу ли я ответить на все твои вопросы, которые у тебя накопились, в порядке их значимости, — он усмехается. — Мужчина, знает свою собственную дочь. Это была не просто мини-вечеринка. Некоторые ребята, из компании Кингстона, разгромили павильон. Ничего, что нельзя было бы починить, но придётся приложить много сил и времени, так что теперь это огромная заноза в заднице. Я видел, как оттуда убегали двое, когда подъехал, но трёх всё же поймать удалось. Я передал их полиции. И если они признаются, кто им помогал, то те заплатят за всё содеянное. Как я уже сказал, Кингстона там не было, — никаких признаков его грузовика, — но я доверяю Клею, и поскольку те ребята были друзьями Кингстона, он возвращается к себе, Эхо. Я уже позвонил его отцу. Если ты услышишь что-то от него, то дай ему знать, что я ищу его. Хорошо?

— Да, сэр, — выдавливаю я.

— Тогда хорошо. Я ничего не упустил? — переспрашивает он, нажимая на кнопку вызова медсестры.

— Нет, — я не доверяю Клею, но Кингстон *отсутствовал* весь день. Поэтому пока он не покажется и не объяснит мне, что не виноват, я отказываюсь говорить что-либо по этому поводу.

— Тогда моя очередь спрашивать. У меня к тебе несколько вопросов, юная леди.

— Сэр?

— Как давно у тебя лунатизм?

— Сколько себя помню, — отвечаю честно.

— Доктор упомянул, что иногда это может вызвать стресс или травма. Что скажешь по этому поводу?

— Я всегда обо всём беспокоилась, пап. Есть идеи, откуда это пошло? — ухмыляюсь я, надеясь, что он примет это за любящую шутку, а не грубость.

— Можешь сделать для меня одолжение? — он берёт меня за руку и поглаживает её. — С этого момента оставь все заботы на меня. Ты должна беспокоиться только о том, чтобы быть прекрасной юной девушкой, хорошо?

Я чувствую, как увлажняются мои глаза. Это самый важный момент между мной и моим отцом, что я когда-либо делила.

— Хорошо.

— И с этого момента, ты должна всегда *говорить* мне о том, что тебя беспокоит. Ты моя маленькая девочка, и это моя работа защищать тебя от драконов. Дай мне шанс выполнять мою работу, Эхо.

— Обещаю.

— Хорошо. Давай принимай свои лекарства и отдыхай. Мы вернёмся утром.

Папа целует меня в макушку и выпрямляется, когда возвращается медсестра.

— Я люблю тебя, Эхо. Больше всего на свете, за исключением твоих братьев и твоей мамы, — говорит он с усмешкой. — Я знаю, что тебе хочется, чтобы Кингстон остался, и ты переживаешь, что Себастьяну придётся вернуться домой раньше, но я хочу, чтобы ты доверилась своему старику. Я знаю, что лучше.

— Да, сэр.

~~~~~

Я не проглатываю таблетки, которые мне даёт медсестра. Вместо этого, я держу их между задними зубами, чтобы они не растворились, и делаю вид, будто засыпаю, потому что так мой отец может уйти со спокойной душой.

Теперь, когда я одна в тёмной комнате, я хватаю свой телефон. *Спасибо тебе, мамочка.* На экране высвечивается, что до полуночи ещё несколько минут, а это значит, что Кингстон, по крайней мере, ещё не нарушил комендантский час.

Я решаю позвонить ему. У меня к нему так много вопросов. Где он пропал весь день? Почему не отвечает моему папе? Он знает, что я здесь? И что, чёрт побери, он знает про разрушенную палатку моей семьи?

На третьем гудке телефон оживает. Я тут же оживляюсь, желая услышать его. Но это не его голос отвечает: «Алло?»

Этот голос я узнаю где угодно. Это Саванна. *Какого хрена?*

Я отключаюсь. Тошнота, гнев, предательство — и я упоминала уже гнев? — болезненно рикошетят в моей голове. Почему он с ней? Была ли она частью той толпы, что разгромила павильон? Сбежали ли они тогда, когда приехал мой папа, потому что хотели побыть...

Тьфу ты. Я не могу справиться со всем в одиночку, разбитая и беспомощная в этой тёмной больничной палате.

Я сразу же набираю номер своего брата. Делаю ещё один шаг и проглатываю таблетки от боли, хоть они и не помогут унять боль, которая ранит больше всего.

Себастьян отвечает, звуча как-то слабо.

— Слушаю? — внезапно раздаётся его голос, звуча более настороженно, с нотками беспокойства. — Эхо, что случилось?

— Себ, — всхлипываю, сглатывая ком в горле. Меня не волнует, что это причиняет боль — я должна поговорить с кем-то. Этот день от начала и до конца был настоящим кошмаром. — Всё ужасно. Всё кончено.

— Что кончено? Эхо, что с твоим голосом? Чёрт, какого дьявола там происходит?

Я плачу, шепча, чтобы меня не поймали за разговором по телефону, и пытаюсь объяснить всё с толикой рациональности. Я рассказываю ему о том, как упала, и что теперь нахожусь в больнице. Когда он прекращает психовать, перехожу к истории о разгроме в павильоне. И когда он принимает и это дерьмо, я рассказываю ему о Саванне, которая ответила на телефон Кингстона.

— Ну, это объясняет, почему его не было в павильоне, — слабо смеётся мой брат. — Кингстон, возможно, действительно не имеет ни малейшего представления о том, что происходит — похоже, он был занят в другом месте. Что уже хорошо... лучше ему и в самом деле где-то быть. Я надеру ему задницу, если он видел, как рушат нашу собственность.

А? Лекарство должно быть начало действовать, потому что я не могу его нормально расслышать.

— Ты сейчас серьёзно одобряешь, что с твоей девушкой кувыркался кто-то ещё?

Я начинаю задаваться вопросом, в сознании ли я до сих пор или это просто странный, жуткий сон.

— Эхо, Саванна и я не вместе. Мы расстались, когда я уехал. Прости, что не рассказал тебе, но я прекрасно понимал, что ты будешь беспокоиться, ведь она твоя лучшая подруга. Я не хотел секретов между вами... Я просто хотел, чтобы у тебя кто-то был.

— Та, кто убила твоего ребёнка и даже не сказала тебе об этом?

Я закусываю нижнюю губу и чувствую кровь. *Чёрт возьми. Почему я об этом сказала?*

Его мрачный ответ почти не слышно.

— Она сказала тебе об этом?

— Нет, я подслушала, когда она разговаривала с мамой, а затем прижала её... *и Клей...* он тоже замешан.

— Клей? Почему ты о нём заговорила?

— Потому что мама думает, что это он отвез её и заплатил за это. Но он не подтвердил и не опровергнул это.

Он рычит в неверии.

— Он *что*?

— Я, э-э... не знаю точно. Только слышала, как мама об этом говорила, — я утираю слёзы, закрывая от стыда глаза. — Себастьян, мне так жаль, за всё это... за всё сказанное. Я поссорилась с ними двумя и бросила железную миску Саванне в голову. Я просто... почему ты мне не рассказал?

Он вздыхает мне в ухо.

— Мне действительно нужно отвечать на этот вопрос ещё раз? Когда ты узнала, ты бросила тяжёлым металлическим предметом Саванне в голову, чуть не убив её, а затем была настолько расстроена, что свалилась с чёртовой лестницы и сломала руку. Так, как ты *думаешь*, почему я тебе не рассказал?

— Ну, мне очень жаль, потому что я люблю тебя, и мне не нравится, когда люди вокруг причиняют тебе боль!

— Я тоже тебя люблю. Отдохни немного ради меня, пожалуйста, — умоляет он. — Дерьмо, Эхо, мне нужно бежать. Я должен уладить несколько вещей. Ты уверена, что будешь в порядке?

— Ага, лекарства уже действуют. Я отрублюсь в течение нескольких минут.

Он непринуждённо смеётся.

— Я позвоню тебе завтра... Чуть позже сегодня. Хорошо?

— Да, — бормочу я, чувствуя, как мои глаза закрываются.

— Береги себя, Эхо. Со мной всё будет в порядке, обещаю. Люблю тебя.

~~~~~

Я только задремала, когда уловила слабый звук, доносящийся из-под одеяла.

Раздражённая, ударяю по нему рукой, надеясь избавиться от этого звука, но останавливаюсь, когда понимаю, что это звонит мой телефон.

Найдя его, вижу оповещение о новом текстовом сообщении.

Кингстон: Скажи, пожалуйста, что ты в порядке. Они не позволяют мне увидеть

тебя.

Не в силах полностью поднять голову, с полуоткрытыми глазами печатаю слабыми пальцами ответ.

Я: Ты где?

Кингстон: На улице, возле больницы.

Я: Комендантский час?

Вот что я пишу, несмотря на весь шквал вопросов, которые *хочу* спросить. Но в этот момент, я просто хочу быть ближе к нему — закрыться от всего мира и представить, что всё это не имеет значения. Хочу почувствовать, как он обнимает меня, и заснуть под звуки его успокаивающего голоса.

Правильно это или нет, я жажду его.

Кингстон: Всё, что имеет значение — это ты. Всё хорошо?

Я: Бывало и лучше, но да.

Изо всех сил стараюсь держать глаза открытыми, когда вижу последнее прощальное сообщение, которое он присылает мне.

Кингстон: Прости меня, Любовь моя.

Эпилог

Через тридцать шесть часов после того, как я попала в больницу, меня выписали. Мой диагноз? Шесть недель с гипсом на руке, рецепт для снотворного и лёгкое сотрясение головы.

О, и мой папа потребовал повесить колокольчики обратно над моей дверью в спальне. Себастьян принялся доставать меня по телефону и совсем не злился на меня. Слава Богу.

Когда я вернулась домой, Кингстона уже не было, — что хорошо, — и мои родители отказались обсуждать это. Тем не менее, они заверили меня, что Себастьяну разрешили остаться и закончить свой год обучения за океаном, так что это хорошие новости.

С гипсом на руке, я не могла продолжать свои тренировки, поэтому единственный мой «выход» — вернуться к мягким обложкам. Ещё никогда за всю свою жизнь я не читала столько книг. Но даже с моими вымышленными героями и долго-и-счастливо, время шло так медленно, что складывалось такое впечатление, будто оно вообще стоит на месте.

Я больше не разговаривала с Клеем или Саванной, которые оказались достаточно умными, чтобы не показываться в нашем доме; Саванна также избегала меня, словно чумы и в школе.

И с появлением первого снега, мои родители и младший братишка спели мне «С Днём Рождения». Я чувствовала себя старше, но никак не мудрее. И задувая свечи, я пожелала

найти то, ради чего стоит вернуться.

Куда мне уехать отсюда?

Я всё ещё обдумывала этот вопрос спустя несколько дней, когда снова перечитала письмо. Это второе из двух сюрпризов-писем, которые я получила после *той* ночи.

Первое было от отца Кингстона, Джерарда Хоторна, в котором он благодарил меня. Возможно, мои родители тоже получили такое, я не спрашивала, но моё меня потрясло. Он хотел, чтобы я знала, что молодой человек, который вернулся домой, уже не тот, каким он отправил его к нам, и что это напрямую связано со мной. Очевидно, Кингстон перенял от меня оживлённость и позитивный взгляд на жизнь, что научило его лояльно относиться к семье, соблюдать самодисциплину и стремиться делать правильные вещи.

И второе письмо является причиной того, почему дрожит моя рука. Это приглашение, которое выпадает получить раз в жизни, для совершения летнего путешествия: туристическая путёвка по всей Великобритании, полностью оплаченная фондом Миранды Хоторн. *Матерью Кингстона.*

Я перевожу взгляд на цветы, теперь хрупкие и с каждым днём теряющие всё больше лепестков, которые доставили мне на мой день рождения и которые до сих пор стоят на моём туалетном столике: одиннадцать белых роз и одна ярко-розовая лилия «Старгейзер» посередине. Я знала от кого они с той минуты, как только увидела их, но письмо к ним, только подтвердило это.

« С Днём Рождения. Думаю о тебе каждый день ».

Символика не ускользнула от меня, и он прекрасно знал, что так и будет. Ярко-розовый цветок в середине олицетворяет меня — у него всегда был пунтик насчёт той розовой вещицы и меня. Что касается семнадцати белых роз — они олицетворяют невинность и чистоту, окружающую меня.

Я думала, что цветы будут последними, что я услышу от него, пока сегодня не пришло это письмо. Я не уверена, является ли это предложение щедрым способом его отца отблагодарить меня за всё то, что Кингстон перенял от меня, или это дело рук самого Кингстона, но подозреваю, всё же второй вариант. Я должна была ожидать чего-то подобного после последней записки, оставленной для меня в ванной на зеркале, которую он написал специальным стирающимся маркером, чтобы быть уверенным, что я увижу её, — вызова, заставляющего меня двигаться вперёд.

« Не все, кто заблудился, потеряны ».

Я абсолютно согласна. Пришло время уехать... улететь. Возможно, я упаду... а возможно, вместо этого, я буду парить. Мой разум принимает это, и хотя у меня ещё есть время, чтобы подумать и убедить родителей, ничто не изменит моего решения.

Я готова увидеть мир... но только не его.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Completely» Jennifer Day

«Fix You» Coldplay

«Paradise» Coldplay

«Here» Alessia Cara

«Dare You to Move» Switchfoot

«Powerful» Ellie Goulding

Заметки

[

←1

]

прим. пер.: «loo» с англ. означает уборная/ванная, что не чуждо амер. языку

[

←2

]

прим. пер.: «the bee's knees» — досл.: «пчелиные колени», но с американского сленга пуп земли; важная шишка; самый крутой

[

←3

]

прим. пер.: «pissed» в оригинале *моча, злость*, но в данном случае имеется *пьяный, мертвецки пьяный*

[

←4

]

прим. пер.: «tossers» с англ. означает *кретин, идиот, полный дурак*, но в американском сленге нет такого слова

[

←5

]

«bugger off» с англ. *убирайся, проваливай*

[

←6

]

«the pull» с англ. *тянуть, притягивать*, но также и *привлекать, привлекательный/ная*

[

←7

]

not on the pull

[
←8

]

в Калифорнии есть лагерь под названием «Cake Camp», где детей учат украшать и печь торты

[
←9

]

Имя персонажа из фильма Джейсон Борн

[
←10

]

в оригинале звучит как «*Harry Hump Day*», где «hump» — *бугор, пригорок, горб, совокупление*

[
←11

]

pixie cut — короткая, почти мужская женская стрижка с неровной линией или отдельными прядями